

ФЕДОР БАКШТ

МОЯ СЕМЬЯ

Томск — 2011

УДК 94(470)«1900/1945»-58

ББК ТЗ(2)614-4

Б 199

Федор Бакшт. Моя семья. — Томск: РИА «Тоян»,
Б 199 2011. — 168 с.: ил.

ISBN 978-5-904747-02-2

Детские воспоминания о жизни семьи Бакштов в Эстонии и в Сибири (от Тарту до Томска, 1933 – 1945 годы). Рассказывается о постигшей нашу семью нелегкой участи, об обстоятельствах, позволивших нам сохранить свое лицо и достойно пронести через большие и малые события эстафету судьбы. Не забыты и родственники, живущие далеко от Сибири. Вкратце описывается многовековая история Бакштов – и местечка, и фамилии. Приведены копии ряда архивных документов. Текст иллюстрируется многочисленными фотографиями.

Книга издана на средства нашей Семьи

В 17 **Baksht F. V.** My family. – Tomsk: Toyan, 2011. –
168 p.: ill.

My childhood memories about Baksht family, their life in Estonia and in Siberia (from Tartu to Tomsk, 1933 – 1945). The book tells about a hard fate which overtook our family, about the circumstances that allowed us to preserve our identity and to carry the fate baton through great and small events with dignity. The relatives living far from Siberia also have not been forgotten. The copies of some archives documents are given. The text is illustrated with numerous photographs.

UDC 94(470)«1900/1945»-58

The book is published with support of our Family

ISBN 978-5-904747-02-2

© Ф. Бакшт, 2011

© F. Baksht, 2011

© Перевод англ. Бакшт Ирина, 2011

© Translation engl. I. Baksht, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
-------------------	---

Часть 1. От Тарту до Нарыма

Учусь читать.....	9
Наши дома.....	13
<i>Дом первый. Улица Широкая.....</i>	13
<i>Дом второй. Улица Магазинная.....</i>	15
<i>Дом третий. Улица Александровская.....</i>	22
<i>Дом четвертый. Улица Философская.....</i>	25
Мир вокруг нас.....	28
Черная пятница или последний шаббат	37
Из Тарту в нарымский край	42
Юрты Еремино	53
Каргасок.....	69
Вверх по Оби. Через Колпашево в Томск	84
Заключение	106

Часть 2. История

Бакшты — что это?.....	110
Бакшты — кто это?.....	116
Деды: Бакшты, Дикманы, Самсоновы.....	131
<i>Шломо (Соломон) Бакит.....</i>	131
<i>Белла (Люба) Бакит (Самсонова).....</i>	137
<i>Хая и Залман Дикманы.....</i>	144
Родители.....	149
Капланы, Кацы, Коковихины, Кузьмины	154
ПОСЛЕСЛОВИЕ	159
AFTERWORD.....	163

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я родился 1 мая 1933 года в Эстонии, в старинном университетском городе, который в разные времена назывался Тарту (эстонцами), Дерпт (немцами-тевтонами) и Юрьев (русскими). Там уже 30 лет жили мои дедушка и бабушка, выходцы из Южной Литвы (ныне Западной Белоруссии), которые ко времени моего рождения обзавелись довольно большой семьей, показанной на пятом и шестом фото этой книги. Тарту оказался для меня второй родиной, если считать первой, то есть исторической родиной всех евреев Землю Обетованную, Израиль. Потом, в Сибири, я обрел и третью родину — Томск. В Тарту, в синагоге, я был записан как Цви-Теодор, на иврите — **צבי טודור בקשט**.

Первое, ивритское имя (буквально — олень) — традиционное древнееврейское. Вспомним, что у многих народов Евразии олень несет множество чудесных свойств: мужество и страстность, плодородие и набожность, повторяющиеся творение и возрождение. У некоторых же народов олень символизирует Солнце, обновление, творение, огонь, восход. Иногда он выступает в качестве животного, уводящего героя в подземный мир. Может быть, так мои родители предвосхищали мой будущий выбор горно-геологической профессии? Может быть...

Второе имя — в честь Теодора Герцля, еврейского общественного и политического деятеля, основателя Всемирной сионистской организации и провозвестника еврейского государства.

Дома меня звали Цви, Цвики, а на улице и в школе — Тед, Теодор. В восемь лет, в России, я стал Федором. Так было проще, короче и привычнее для окружающих.

На своей физической родине, то есть в Тарту, я стал грамотным. Там я научился читать (хорошо) и писать (кое-как). И это событие стало первым шагом на пути к созданию открытой Вами книжки. А последним толчком, побудившим меня сесть за стол и начать излагать свои детские воспоминания, оказались настоятельные просьбы, можно даже сказать, требования, детей и внуков.

Безусловно, внуки правы. Они заявили:

— Дед, ты должен, ты просто обязан написать все о том, что знаешь о своих предках, что помнишь о своем детстве, вспомнить о том, как ты оказался в Сибири, и что из этого вышло. Иначе, что же мы-то будем рассказывать своим детям и внукам?

Я признателен внучке Даше, которая первая проявила инициативу и большую заинтересованность в этом направлении.

Потомков горячо поддержали сестра Рина и жена Тамара. И не только поддержали, но и помогли советами и уместной заинтересованной критикой. Помогли разными сведениями и фотографиями другие члены нашей семьи — из Израиля Гита, Ципора, Яша, Алик, Илана, Нурит, Тамара (племянница), а также троюродный брат Юзеф из Швеции, Светлана и Карина Кац из Риги. Всем им я очень благодарен за большую помощь и деятельное участие.

Постепенно я пришел к убеждению, что, помимо моих воспоминаний, представляет интерес и история происхождения Бакштов — и маленького местечка, и фамилии, которую носит довольно большая группа людей, выходцев из Белоруссии и ныне разбросанных буквально по всему миру. Много интересных сведений об этом удалось найти на сайтах ivje.ru, ivje.grodno-region.by Бакшты, viriv.narod.by, в Архиве Эстонских Евреев (Estonian Jewry Archive, Eesti Juutluse Arhiiv, <http://eja.pri.ee/cpg144/displayimage>) и др.

Но мои воспоминания и история Бакштов — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Поэтому книга и состоит из двух разных частей — сугубо личной, субъективной и исторической, по возможности объективной. Насколько это возможно в истории...

Итак, я осознал, что грамота на то и есть, чтобы не только читать, но и писать. В том числе и воспоминания, которые, оказывается, интересны и нужны многим — детям, внукам, правнукам. А может быть, и не только им.

Вот с этого я и начну свои бесхитростные рассказы. С того, как я научился читать.

Часть 1

**От Тарту
до Нарыма**

УЧУСЬ ЧИТАТЬ

Читать меня не учили.

Я учился этой житейской премудрости сам.

Этому все только способствовали, всячески поощряли и, конечно, воодушевляли, всемерно подталкивая.

Способов для этого было много.

Во-первых, к этому располагала уже сама обстановка в нашем доме. Естественно, что в еврейской семье грамоту постигали все, кто уже вышел из младенческого возраста. Иначе просто не могло быть! Книга — не только источник знания: она еще и сплачивает, объединяет и старых, и малых. Книга — это один из выдающихся основополагающих элементов еврейской культуры, величайшее достижение, на котором основаны все успехи евреев в современном мире. Именно поэтому евреев с древности зовут народом Книги. И дети с книгой — это естественно, нормально. Я рано научился различать буквы — русские, ивритские, латинские — и складывать из них слова, привлекая для этого кубики, алфавитные карточки, картонные книжки-раскладушки и спрашивая взрослых.

Во-вторых, на улице мне нравилось глазеть по сторонам. А разглядывать в этом старинном городе было что. Интересным казалось все и давало пищу для размышлений и бесчисленных детских вопросов к старшим. Особенно привлекали меня всевозможные афиши, вывески, рекламные щиты и объявления. Тем более, что они вещали на разных языках. Перечитывал я их помногу раз. Помните, как сказал поэт: *«Грамота на то и есть — надо вывеску прочесть!»*.

Так что в четыре года я знал наизусть все уличные тексты в окрестностях нашего дома, от объявления об открытии нового магазина до подписей на постаментах памятников разным знаменитостям — шведскому королю Густаву II Адольфу, российскому полководцу Барклаю-де-Толли, каким-то профессорам. Эти величественные памятники неназойливо, но вполне ощутимо напоминали нам об истории, которая происходила не где-то, а рядом, прямо тут.

К слову сказать, на заборах тогда никакая информация не размещалась...

В-третьих, в доме было много газет. На разных языках. Но мне почему-то нравилась газета «Сегодня», издававшаяся на русском языке в Риге. Естественно, что знакомился я, прежде всего, с заголовками. Само содержание до меня еще не всегда доходило, это пришло позже.

Но газеты были не только на столах. Ими были оклеены стены первого в моей жизни дома на Широкой (Lai) улице. Обнаружил я их совершенно случайно, сидя на горшке в своем темном уголке. Этот угол находился на втором этаже деревянного дома, в конце коридорчика за дверью в детскую комнату.

Оказалось, что здесь, буквально перед моим носом, из-под обоев выглядывали края бумаги, пожелтевшей от времени и клея. Такая тогда была технология — клеить между штукатуркой и обоями старые газеты, то ли для тепла, то ли для прочности. Меня они очень заинтересовали — старинные тексты с ятью и фитой. В «моем» углу попались газеты с различными не всегда понятными объявлениями двадцатилетней давности. Некоторые из них даже запомнились навсегда. Например: «императорскій поставщикъ москотильныхъ товаров», «лучшій шоколадъ прямо из Америкі», «щепные и скобяные товары». Это чтение не всегда понятных объявлений и заметок было настолько увлекательным, что меня приходилось по нескольку раз вызывать из угла.

По-видимому, сидел я там достаточно подолгу, так как за несколько дней успел расковырять большое пространство на стене, прежде чем это безобразие заметили родители. Но отругали меня не за то, что я испортил стену («все равно ее надо ремонтировать!»), а потому, что пытался читать чуть ли не в темноте и портил глаза. В результате мне было обещано, что во время ремонта мне отдадут все старые «царские» газеты, а пока рекомендовали читать свежую прессу. Естественно, что к началу ремонта к старым подобным газетам я уже оказался равнодушен, обратившись к новейшим газетам и книгам.

Книги — это было самое главное, что побудило меня научиться читать. В дедовской библиотеке, которую продолжали собирать мои родители, их было множество.

Мне разрешалось доставать из шкафов любые тома, чем я, естественно, пользовался с самого раннего детства. Особенно мне запомнились толстые старинные издания в кожаных переплетах с золотыми обрезами. Все они были с занимательными картинками. В этих большущих, весом в килограмм-два фолиантах встречались великолепнейшие рисунки — черно-белые гравюры и многоцветные хромолитографии, проложенные папиросной бумагой. Я осторожно снимал их с полки, клал на стол и аккуратно листал, чтобы ненароком не повредить. Так, не умея еще толком читать, я знакомился со страницами Пушкина, Жуковского, Державина и других писателей. В основном, русских: я уже отмечал, что в доме «рабочим» языком был русский. Рядом стояли французские, английские, немецкие и еврейские издания, тоже хорошо иллюстрированные. Кое-какие из этих рисунков мне памятливы до сих пор. Например, картинки к сказкам Пушкина, Жуковского или Андерсена. Или рисунки Дюрера из популярных книг по биологии...

Мне скоро стало очевидно, что намного проще, удобнее самому разбирать подписи к картинкам, чем докучать взрос-

лым со своими вопросами и просить от них разъяснений. Тем более, что чтение вслух у нас в семье почему-то не очень практиковалось. Возможно, поэтому мне до сих пор лучше вникать в тексты, не выслушивая, а читая их «про себя».

Потом у меня появилась своя библиотечка из небольших детских книжек, издававшихся на русском языке в Москве. Они отличались красочными картинками и интересными, привлекательными сюжетами для детей. И не только сказочными, но познавательно-полезными. Например, сказки Андерсена, Афанасьева или большая хорошо иллюстрированная книга Бориса Житкова «Что я видел», вышедшая в 1939 году.

Таким образом, в пять лет я уже свободно читал по-русски, как-то на иврите, немецком и эстонском. В результате потом в школе мне было ужасно неинтересно и тоскливо!

Но с тех пор интерес к чтению и потребность в книге крепко засели во мне. И не угасли до сих пор. Много из того, что я прочитал, использовано в этой книге...

НАШИ ДОМА

Дом первый. Улица Широкая

Первые мои воспоминания о своем доме относятся к 1936–1937 годам. Тогда мы жили на квартире в небольшом особняке на Широкой улице 9 (Lai tenav). Дом располагался в глубине небольшого двора с садом. Узкая извилистая улица, мощенная булыжником, проходила вдоль подножия горы Домберг (по немецки Domberg, Храмовая гора, по эстонски Тоотемдгі, гора Тома), неподалеку от университета. Начинаясь она от Ботанического сада, известного на всю Россию и Европу. Про этот сад, разделенный с нашим двором ветхим забором, нам, детям, много рассказывали. Здесь было уникальное собрание растений, и именно его ученые помогли организации коллекций ботанических садов Томска и других университетских городов России.

Наш деревянный двухэтажный дом, сохранившийся до сих пор, был построен еще в XIX в. Скрипучие полы, небольшие окна, тесные (по нынешним меркам) комнаты, узкая крутая лестница на второй этаж — скудные отрывочные воспоминания из того времени.

Но с этим домом, первым в моей жизни, связано воспоминание о колыбельной песне, которую вечерами напевала мне мама, укладывая спать. Эта старинная еврейская мелодия глубоко впиталась в мою память. Она и сейчас звучит у меня в ушах:

נום, נום, ילדתטי,
נום, נום, נום...

Это звучит так:

Нуми, нуми, ялдатии,
Нуми, нуми, нум...

Или, по русски:

Спи, спи, мой мальчик
Спи, спи, спи...

А дальше что-то про отца, который уехал далеко, но скоро придет, и про то, как я вырасту, и тоже буду ездить и путешествовать по большому миру, так же, как он.

Отец и в самом деле много ездил. Он любил всякие поездки, деловые и просто развлекательные. От него регулярно приходили письма, иногда подробные послания-отчеты (где был, кого встретил, что купил), а чаще короткие открытки-извещения. Папа всегда что-то привозил из далеких стран — себе коллекционные марки и монеты, подарки родителям, маме и всей большой родне. Конечно, что-то предназначалось и мне.

У меня над детской кроватью, над головой, висела большая картина, помещенная в тяжелую раму со стеклом. Желтая пустыня с несколькими кустиками тощей акации. Дети, взявшись за руки, хороводом танцуют у подножья песчаного бархана. На головах — ермолки или тюбетейки. Пестрые халаты развеваются на ветру. А на горизонте, на фоне голубого неба виднеется караван верблюдов.

Папа сказал мне:

— Это Палестина, хорошая страна. Хорошая картина. Мне было трудно, но я привез ее оттуда специально для тебя. Смотри! Выучишься, и поедешь туда сам. Там нас ждут...

Этот эстамп (а, возможно, акварель?) отец привез из Тель-Авива, куда ездил в 1934 и в 1936 годах по поручению деда, хозяина торговой фирмы. Это были первые поездки представителей нашей семьи на Святую Землю. Потом оказалось еще несколько таких поездок.

Моя комната была очень маленькой, тесной. Общий туалет был далеко, внизу. Поэтому перед входом в комнату, за дверью перед лестницей, в темном углу стоял горшок, сидя на котором я и начал постигать грамоту. Об этом я уже рассказал в первой главе. А продолжалась моя «учёба» уже в следующем доме.

Дом второй. Улица Магази́нная

Второй наш дом находился на улице Магази́нной (Magasini), почти в старом центре города. Старинный дом с высоченными потолками. Паркетные полы, зал, большие комнаты. Кухня с вытяжным коробом над большой плитой. Большая ванная и сверкающий, прямо-таки царский туалет со всеми передовыми атрибутами. Открыв настежь широкие двустворчатые двери в зале и коридорах, я катался по квартире вкруговую на детском двухколесном велосипеде.

В этом доме училась ходить сестра Рина, которая родилась в известном на всю округу (впрочем, единственном в районе) университетском роддоме. Здесь родились мой отец, его сестра Гита и братья Миша и Додя, мои двоюродные братья Яша и Алик, я и сестра Рина.

В этом доме я получил и накрепко, на всю жизнь, усвоил первые сведения о жизни в обществе.

В частности, я узнал и запомнил, что такое праздники. Узнал и запомнил, что такое праздники. Знал не только еврейские (маца на Пейсах, треугольные хоменташа на Пурим и бабушкины медовые кнейдлех на Хануку), но и христианские (моя няня Эмма была эстонкой, лютеранкой, украшала со мной елку на Рождество и водила меня в кирху за ближайший угол).

Еврейские праздники собирали всю нашу большую семью в доме у деда Шлемы и бабушки Любы (так ее, урожденную Беллу, звали по-русски). Их дом, стоявший в самом центре

города, недалеко от Главпочтамта, находился неподалеку от нас. В этом доме на Айя № 1 (на углу Университетской улицы) мы все любили бывать по поводу и без повода.

В квартире на Магазинной я впервые познал обиду и горечь неожиданного обмана: в канун моего пятого дня рождения на дом пригласили фотографа. После длительной процедуры одевания и причесывания меня поставили рядом с большой лошадкой-качалкой. А в руки мне сунули губную гармошку и дудку. Фотография получилась отличная, она и сейчас хранится в нашем семейном альбоме. А вот игрушки оказались просто реквизитом, мне не дали с ними поиграть даже минутку. Их безжалостно забрали у меня сразу же после «фотосессии», первой в моей жизни.

С тех пор я невзлюбил губные гармошки. А первую в своей жизни лошадку часто вспоминал спустя многие годы, на протяжении десятков лет работы в полевой геологии — всегда, когда садился в седло настоящих лошадей и в Сибири, и на пляже около Герцлии. Видели бы мои папа и мама, как мой конь, арендованный на ферме «Кактус», ступает буквально по кромке приборя спокойного Средиземного моря!

На Магазинной я начал приобщаться к технике: под окнами нашего дома иногда останавливались автомобили. В то время в Тарту они встречались не очень часто (в 1940 году на 50 тысяч населения их было 634). Они изредка гудели, сверкали никелем и хромом, благоухали новым для меня бензиновым запахом. Автомобили приходили на смену лошадям, запряженным в коляски и ломовые телеги, которые непрерывно проезжали под окнами. Ритмический звук подков по булыжной мостовой нравился всем маленьким детям, и мы подражали ему, прищелкивая языком: «Цок, цок, цок...».

В это время я быстро научился самостоятельно пользоваться телефоном с дисковым набором — чудом новой техники того времени. Первым моим «деловым» звонком был разговор со стоматологом: я договорился с ним о времени

встречи, которая срочно понадобилась для лечения зуба. Предварительно, конечно, мама обо всем договорилась, а мне объявила, что она очень занята и велела мне, если очень болит, идти к врачу одному. Идти было недалеко, в соседний квартал, на улицу Жаані.

А после зубного мне было разрешено зайти в соседний дом, в кондитерскую, которая славилась на весь город разными лакомствами, особенно марципаном. Но привлекали меня туда не только сладости: там, в углу, в метровом стеклянном аквариуме, помещалась настоящая подводная лодка, модель какой-то знаменитой немецкой подлодки времен Первой мировой войны. Опустить в щелочку кассы два цента, и лодка на несколько минут всплывала на поверхность. Затем, пуская пузыри, опускалась на дно. Это было настоящее чудо! И для детей, и для взрослых.

Тот первый самостоятельный поход к стоматологу запомнился мне навсегда.

Запомнился так же, как и первый урок по технике безопасности, который преподала мне мама. Своеобразный натуральный эксперимент по изучению опасностей бытового электричества. Естественно, что в пятилетнем возрасте меня невероятно интересовало, почему при включении вилки в розетку загорается настольная лампа.

Мама не смогла мне внятно объяснить природу этого явления. Но вполне серьезно сказала, что этот ток очень больно кусается. Даже больнее, чем большая собака, с которой я уже как-то встречался совсем не по-дружески.

А когда я этому не поверил, мама предложила мне сунуть два пальца в дырки розетки вместо штепсельной вилки. И предложила проделать это очень быстро, стоя не на полу, а в кресле. Так я и поступил...

Мама похвалила меня за храбрость и выразила уверенность в том, что уж теперь я навсегда запомнил, что такое электричество и как оно кусается.

Через много лет я спросил маму:

— Как ты не побоялась и разрешила мне проделать такой опыт?

— Во-первых, там было не 220 Вольт, как в современной сети, а всего 110. А практически было еще меньше. Во-вторых, — продолжала мама, — ты был хорошо изолирован от пола. В-третьих, ты был предупрежден о том, что будет больно, а это многое значит. Зато ты запомнил этот урок без повторений и, я уверена, что навсегда.

Мама, конечно, была права...

Примечательно, что мы с сестрой совсем не помним случаев, когда мама оказывалась неправой. Ни в раннем детстве, ни впоследствии. Так же, насколько можно судить по ее скучным рассказам, строились ее отношения с нашим отцом. Характер родителей, их менталитет, замешанные на давних еврейских традициях вместе с русской культурой столичных Бакштов, да еще с приправой из типичной для Прибалтики немецкой пунктуальности и чистоплотности, создавал в нашем доме своеобразную духовную (да и материальную) атмосферу.

Язык, мебель, посуда, разнообразие блюд разных национальных кухонь, ритуалы проведения традиционных праздников, процедура приема гостей и посещений нами самими родственников, походы в синагогу, в театр, в окрестные леса — из всего этого складывался наш своеобразный быт. Как оказалось потом, это во многом помогло и нашей выживаемости в будущем.

Одним из главных атрибутов нашего тогдашнего существования было, конечно, море книг. Они побуждали желание учиться, подогревали любопытство и стремление к познанию мира.

Но не только в чтении и постижении новых истин заключалась тогда наша жизнь. Нас, детей, приучали к участию в повседневной жизни мишпахи, можно сказать, что приучали к необходимости трудиться, приносить посильную пользу.

Начиналось все с требований стелить свою постель. Потом — уборка комнаты, одежды, игрушек, книг и т.д. Нельзя сказать, что эти обязанности приводили меня в восторг, но с ними приходилось мириться.

В больших семьях старшие дети ухаживали за младшими. Так как я сначала был единственным ребенком, то мне полагалось заботиться о тряпичной кукле — о курчавом черноволосом Петьке, облаченном в традиционный еврейский костюм с жилеткой, но почему-то без ермолки-кипы. Этот тощий Петька прожил со мной много лет, до 41-го года.

Разумеется, что не все получалось так, как хотелось бы. Но все достижения детей всемерно поощрялись, а вот неудачи не возводились до уровня трагедий. Для старших был важен не столько результат наших действий, сколько само желание помочь, участвовать в общих делах.

Например, к вечеру ожидается приход гостей. В доме суета. В этом пытаюсь участвовать и я. Бегом несу из кухни в столовую полную сахарницу. Спотыкаюсь, падаю и весь сахар оказывается на полу. Но это не воспринимается как трагедия. Мне насыпают сахар еще раз, отношу в столовую, а потом долго вожусь с веником и совком, старательно собирая с пола просыпанный песок. И удивляюсь — никто меня за это не поругал, не упрекнул!

Другой случай. Мама, рукодельница, связала большую настольную салфетку из красивых разноцветных шерстяных ниток. Она сидела с ней несколько вечеров, и все, любуясь этой вещью, хвалили маму за старательность и хороший вкус. Рано или поздно, работа над салфеткой была закончена.

А я увидел лежащее на столе вязанье, и решил, что надо помочь маме закончить это рукоделие. Она поздно придет с работы, уставшая, и увидит, что я все довел до конца. Недолго думая, я разыскал ножницы и, как мог аккуратнее, срезал все нитки, торчавшие по краям салфетки. Реакция мамы и всех взрослых была для меня совершенно неожиданной: все

принялись хохотать над результатом моей работы. Оказалось, что нитки надо было завязать в кисточки. Но я-то этого не знал! Получилось так, что больше всех оказался огорчен результатом такой «помощи» я сам. И задумался — почему меня не отругали за испорченную вещь?

Странно, но я плохо помню те события, за которые меня здорово ругали. Но зато хорошо помню, как попадало папе за разные проступки, к которым я имел отношение.

Один из таких случаев произошел летом в пригородном дачном поселке Эльва, в 25 километрах южнее Тарту, где родители почти каждое лето снимали домик. Там хорошо — солнце, сосны, песчаное озеро. А комаров там не было, и мы много времени проводили в лесу, собирая ягоды и грибы.

Крыша у этой дачи была железная и довольно старая. Поэтому при сильном дожде и ветре она качалась, раздавался сильный грохот. А грозы я, естественно, очень боялся, но меня специально выводили на крыльцо, чтобы приучить к грому. И быстро приучили.

Мне исполнилось четыре года и папа решил, что у меня слишком длинные волосы, и отвел к парикмахеру, единственному в Эльве. Вернулись мы домой очень коротко остриженными. Мама была в ужасе, увидев своего мальчика без пышной волнистой шевелюры, которую, оказывается, она все время холила, мыла мылом с яичными желтками и которой перед всеми гордилась. По ее мнению, момент такой радикальной стрижки еще не настал. Отец долго извинялся, а я не понимал, в чем дело...

Но, по-видимому, этот «урок» отцу не пошел впрок. Через много лет о подобном же случае вспоминал мой двоюродный брат Яша Каплан:

— Однажды дядя Боря меня послал к парикмахерам. Мне тогда было 10 лет (1937 г.). Он сказал — придешь в парикмахерскую и скажи «ноль»! Результат был таков: взглянув в зеркало, я испугался сам себя...

В другой раз, уже через два года, мы в Эльву летом не поехали. Мы отправились на Рижское взморье. Ехали в большом открытом черном автомобиле, вчетвером: Рине шел второй год. Это было первое в моей жизни настоящее заграничное путешествие — через пограничный эстонско-латышский город Валга (Валка), через Ригу, в Юрмалу. Мне нравилось все: и окружающие пейзажи, и блеск хромированной отделки автомобиля, и вкусный запах бензина, и даже кожаная фуражка шофера.

Наша двухэтажная дача находилась в сухом сосновом лесу. Море — рядом, метров пятьсот. Дом был большой, просторный и гостеприимный. К нам приезжали рижские родственники — дед и бабушка Дикманы, мамина сестра Леля (Оля), другая сестра Ида с мужем-фотографом Яшей Кац, который много и очень хорошо снимал. Бывали здесь и многочисленные друзья родителей.

На взморье было все, чем славится это место и до сих пор: светлые крутобокие дюны, лес с грибами и ягодами, река, и, конечно, теплая и спокойная вода Рижского залива. Прямо на берегу продавали мороженое и необыкновенно вкусно пахнущую горячую салаку. Рыбаки коптили ее прямо тут же в небольших ямах. Мы сидели вокруг ямы в ожидании свежей порции деликатеса.

Именно на этом ласковом песке Рина самостоятельно пошла, чем, понятно, привела в неописуемый восторг родителей. Свои первые пять шагов она сделала по пляжному песку Рижского взморья, когда вдруг решила подняться и перебежать от меня к маме.

А меня папа учил плавать. Поддерживал на воде, тянул за руки, отпускал барахтаться одного. Возил меня на своей спине, на байдарке, на яхте. Понятно, что мне все это очень нравилось. Однажды я уплыл в море один, лежа на надувном матрасе. Уплыл, конечно, недалеко, не сознавая всей сложности и серьезности ситуации. Я был в восторге.

Но так продолжалось очень недолго. Папа за мной приплыл и отбуксировал матрац со мной на берег. Мама его ругала дольше, чем продолжалась эта моя первая самостоятельная морская прогулка.

Были еще поводы, по которым папе влетало из-за моего воспитания. Но все это происходило летом — зимой отец больше был на работе, а то и вовсе уезжал по делам фирмы.

Так мы жили на Магазинной улице. Папа тогда работал экономистом в магазине деда. Фирма называлась «Бакшт и сыновья», торговала шерстью (тканями) и хозяйственной мелочью. А мама, закончив в 1934 году медицинский факультет, была младшим ассистентом в университетских клиниках, в Первой и во Второй, которой руководил известный профессор Маазинг. Работала она бесплатно, для практики: евреев в Эстонии на государственную службу не брали.

В квартире на Магазинной мы прожили недолго. По-видимому, царские хоромы оказались отцу не по средствам.

Дом третий. Улица Александровская

В 1939 году мы переехали на Александровскую улицу в еврейском районе города. На параллельной улице Туру находилась старинная краснокирпичная синагога (Большая синагога), в которой наш дедушка, Соломон Бакшт, был главой общины. Естественно, приходя в храм, мы, внуки, видели, каким уважением среди евреев пользовался наш дед. И испытывали от этого большое удовлетворение. Наверное, не меньшее, чем от праздничных конфет и вручавшихся нам сине-белых еврейских флажков.

Недалеко располагался и большой клуб, нечто вроде театра. Там собирались тартусские евреи, устраивали еврейские и русские спектакли и концерты. В нем я впервые услышал «Мою еврейскую маму», «Очи черные» и даже фрагменты из «Евгения Онегина».

Тут же находилась большая еврейская гимназия, еврейское реальное училище, основанное в 1937 г., в которую меня отдали осенью 1939 года. Там преподавали на иврите, изучали идиш, эстонский и (в старших классах) английский язык. Особой охотой к учебе, рвением я не отличался. Читать я и так умел, писать немного мог, а вот к остальному никакого интереса я не испытывал. Но ходить в школу все же пришлось.

Я быстро сообразил, что лучше туда ездить на автобусе, чтобы не опаздывать на занятия. От нашего дома до школы было полторы остановки. Но я решил, что за те же деньги лучше ездить в школу не одну, а две остановки. Поэтому, выходя из дома, я шел не в сторону школы, а в другую сторону, направляясь к ближайшей остановке, где, глаза по сторонам, ждал автобуса. И потом уже удовлетворенно доезжал до школы.

Но меня вскоре разоблачили, не стали давать «проездные» деньги, так что пришлось ходить в школу пешком целых полторы остановки!

В этом же доме на Александровской я попал в первое в своей жизни ДТП. Оно было по-детски простое и закончилось сравнительно благополучно. В то время я оказался не только школьником, но и обладателем красивого голубого чуда — английского велосипеда «Филипс», с двумя ручными тормозами. Но самостоятельно, одному ездить на нем мне запрещалось. А я нашел ключ, открыл замок цепи, привязывающей колесо к раме, и вывел велосипед на улицу.

За домом был тропинка, поднимавшаяся в гору, на отроги Домберга. Съезжая с нее, я разогнался, затем не удержался на повороте и упал. При этом рычаг ручного тормоза проткнул мне левую щеку, чуть не выбив глаз. Обливаясь кровью и дрожа не от боли, а от страха в ожидании неминуемого наказания за увод велосипеда, я притащился домой. Но наказания не последовало. Родители решили, что я получил

хороший урок и уже достаточно наказан травмой. Так я впервые был прощён за превышение скорости. А щека зажила бесследно.

Гора Домберг, возвышавшаяся посреди города недалеко от нашего дома, была постоянным местом нашего гулянья. Так же, как ближние окрестности Тарту, особенно красивый средневековый парк Раади. На Домберг поднимались по крутым, выложенным булыжником улочкам, которые выводили прямо на плоскую вершину, где стоял мрачноватый средневековый тевтонский замок. В замке, сохранившемся и до сих пор, размещалась уникальная библиотека, известная всему миру. Рядом находились несколько небольших белых университетских зданий: медицинский факультет и его клиники, церковь (протестантская кирха) и др.

К медицинскому факультету примыкало родильное отделение детской клиники, внештатным сотрудником которой была мама. Окна отделения выходили на университетскую площадь. Поэтому случилось так, что я был рожден под пение революционного гимна «Интернационал». Его громко исполнял многоголосый хор социалистически настроенных студентов, собравшихся к 12-ти часам на свой первомайский митинг.

Спустя пять лет здесь родилась сестра Рина. Впрочем, в этом роддоме, единственном в городе, увидело свет все население Тарту. Тогда там жили около 60 тысяч человек, среди них 900 евреев (к концу века осталось много меньше).

Комплекс университетских зданий окружен старинным парком, в котором растут могучие дубы, каштаны и прочие деревья. А вдоль тенистых дорожек установлены громадные серые кресла, вытесанные из больших камней. Эти кресла мы называли «дырявыми». Такое необычное название они получили потому, что в самом центре сидения, в удобном для фигуры углублении, имелись тонкие отверстия, просверленные вертикально вплоть до самой земли. Так просто, хотя

и очень трудоемко, была решена проблема водоотведения, то есть сохранения этих уникальных громадных сидений. Изготовлены кресла были из простых гранитных валунов, которые, как объяснил мне папа, когда-то очень давно притащил сюда с далеких гор большущий ледник.

Мне нравились и это объяснение, и сами кресла, тем более, что на них можно было забираться с ногами и прыгать тут сколько угодно, без боязни уронить их или нанести какой-то вред этим циклопическим «стульям». Кто знает, может быть, именно эти валуны и положили начало моему будущему увлечению геологией?

Дом четвертый. Улица Философская

Этот дом на тихой Философской улице в районе вокзала сохранился до сих пор. В этом я убедился, побывав в Тарту вместе с Риной в 1998 году. Увидел запомнившийся с детства белый двухэтажный особняк со старым садом в глубине. А во дворе, как и полвека, тому назад, разместился большой дровяной сарай. Рядом гараж — атрибут современности. Тогда, до войны, папа ловко колол березовые дрова большим тяжелым финским топором. Он привез его из Финляндии, где путешествовал с мамой в 1937 году, и очень гордился им. А мне доверялось складывать поленья, иногда заносить их наверх и драть бересту для растопки двух печей. Это мне нравилось.

Сюда мы переехали в начале 1940 года. Эта квартира стала для нас последним местом проживания в Тарту.

В 1940—1941 годах в жизни нашей семьи, как и во всем мире, произошли очень важные, знаменательные события. Они оставили уже вполне четкие следы в моей памяти. И сохранились эти картины во многом благодаря тому, что именно к этим событиям мы многократно возвращались впоследствии.

7 марта 1940 года у себя дома скорострительно умер дедушка Шлема (Соломон). Мне, младшему внуку, об этом не рассказали. О похоронах деда я запоздало узнал из газет, оставленных дома. Я был очень огорчен этим: и смертью деда, и тем, что меня посчитали малышом и не взяли на похороны.

Я бродил по дому, к которому еще не совсем привык, и в который уже раз рассматривал любопытные предметы.

Прежде всего, притягивал к себе внимание небольшой шкафчик с альбомами марок и коробочками со старинными монетами. Это была дедовская и отцовская коллекция, собиравшаяся многие годы. Она хранилась в светлой угловой комнате, называемой кабинетом.

Здесь же размещались два больших книжных шкафа. В нижней части одного из них была выделена отдельная полка, где стояли детские книги. На большинстве из них значилось: Москва. Детгиз. ЦК ВЛКСМ. Меня раздражала непонятная аббревиатура. А никто из взрослых не мог просто и внятно объяснить, что значила эта абракадабра, звучащая для меня как *цеквлексем*. Напомню, что я еще был первоклассником, а жили мы не в СССР, а в Эстонии. И мало кто там знал, что это значит: Детское государственное издательство Центрального комитета Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

Посреди этой комнаты возвышался стеклянный стеллаж-шкаф, наполненный множеством блестящих медицинских инструментов — зубоврачебных, хирургических и других, непонятного мне назначения. Все эти скальпели, пилы, щипцы, пинцеты, зеркала, трубочки и т.д. были подарены маме дедом Шломо. Они лежали здесь, как на выставке, в ожидании своего часа — того дня, когда мама станет самостоятельным врачом.

В углу большой гостиной стояло чудо техники того времени — большой ламповый радиоприемник, из которого доносились голоса из Таллинна, Москвы, Берлина и даже Па-

---

рижа. Приходилось верить, что это в самом деле так, что радио — это почти как телефон, но сделанный без проводов и работающий непонятно как. Удивительно, что я путал передаваемые русские песни с французскими: наверное, потому, что мама напевала и те, и другие.

Здесь же, в гостиной, размещался черный концертный рояль, на котором играла мама. Играла по нотам и по памяти. Она любила и классические вещи, и романсы, и народные мелодии — русские, еврейские, французские, немецкие, иногда и эстонские. Но не понимала латышской музыки, хотя родилась и выросла в Риге.

Я любил сидеть именно под этим инструментом, перебирая различные вещи в тайнике, устроенном под дном струнного ящика. Тут я слушал музыку и разговоры взрослых. То есть так, из-под рояля, я приобщался к окружающему миру.

Еще о музыке: и в раннем детстве, и много позже мама восхищала и удивляла нас своей музыкальностью. Мы поражались тому, как она узнавала самые разные мелодии, за-слышав только первые аккорды какого-то произведения. Любовь и понимание музыки она сохраняла всю жизнь.

МИР ВОКРУГ НАС

Много важных событий происходило в 1939 году. 23 августа СССР заключил пакт о ненападении с Гитлером. Советские войска (в сентябре) вошли в Западную Украину и Западную Белоруссию. Началась Вторая мировая война...

Мы, дети, внимательно прислушивались к разговорам взрослых и тоже обсуждали события, происходившие вокруг нас. Разумеется, что воспринимались они нами хоть и своеобразно, но вполне серьезно.

Например, когда над нами пролетали редкие самолеты, мы на полном серьезе рассуждали:

— Опять фашист Риббентроп летит в Москву! Будет дружить с Молотовым и со Сталиным. Будут договариваться, куда девать своих евреев, тех, кто еще остался в Германии...

Тут требуются небольшие пояснения.

Дело в том, что в нашем Тарту, как и во всей Эстонии и Прибалтике, издавна жило много немцев и евреев — выходцев из Германии. Евреев, конечно, было меньше. А в 1930-х годах появилось много новых «немецких» евреев-беженцев из Германии, Австрии, Чехословакии и Мемеля (Клайпеды). Тех, кто решился покинуть нацистскую Германию и смог это сделать. Дети-«немцы» жили рядом с нами, мы все учились и играли вместе. Они рассказывали, как раньше там евреям хорошо жилось, и как сейчас плохо всем, кому пришлось уехать, оставив там все: работу, друзей, дом, книги. Хорошо только тем, кто смогли уехать в Америку. Но Америка так далеко!

А настоящих немецких детей в Тарту не стало. Они с родителями все вдруг уехали в Германию. В 1939 году Гитлер

объявил: арийцы, все до одного, должны вернуться на свою историческую родину. По его призыву Прибалтику покинули все немцы, предки которых жили здесь сотни лет.

Естественно, что даже для нас, школьников, этот вопрос о судьбе евреев отнюдь не был риторическим, а практическим. Если взрослые, наши родители, не находили ответа на этот жизненно важный вопрос, то каково было нам, несмышленькам? Государства Израиль тогда еще не было и в помине.

Некоторые из нас, повторяя услышанные дома слова старших, говорили:

– А мы уедем в Палестину. Отец уже собирается.

Другие рассуждали совершенно иначе:

– Никому мы не мешаем, никому мы не нужны. Евреи жили здесь повсюду долго-долго, и дальше проживем. Бог спасет нас...

А третьи уповали на Россию:

– Моя бабушка в восемнадцатом году эвакуировалась от немцев в Псков. Русские приняли их с сочувствием, помогли. Кормили хорошо и вкусно. А потом они вернулась в Ригу. И все закончилось благополучно.

К этим, третьим, относилось и младшее поколение моей семьи, двоюродные братья Яша и Алик Капланы, чьи предки (со стороны их отца) жили в Пскове. Наши родители, как и жившие недалеко от нас дедушка и бабушка Бакшты не проявляли особого беспокойства по поводу своего будущего. Они не поехали в Палестину, надеясь на Бога, и, возможно, на Россию. Для них, приехавших в Тарту не из Европы, а с востока, из России и Белоруссии, пребывание в Эстонии было приемлемым вариантом.

Но мы знали, что Советский Союз воюет с Финляндией. В Эстонии, в стране, очень близкой к Финляндии географически и исторически, эта война воспринималась с особой болью и недоумением. Эстонцы очень сочувствовали финнам, надеялись, что им поможет вся Европа, и все наладит-

ся. Но оказалось, что все не так просто, и все только усложнялось.

Нашему детскому разуму не дано было понять: почему финны оказываются для Советского Союза хуже, чем германские фашисты? Это прямо следовало из советской прессы, даже детской, которая в изобилии имела в нашем доме. О подвигах красноармейцев в снегах Карельского перешейка писали газета «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Мурзилка» и др. Но в эстонских источниках все говорилось как раз наоборот: об успехах финских солдат...

А в Таллинн приезжали представители Германии. Правительство президента Пятса вело свою политику, угождая то Гитлеру, то Советам. Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 года, в тот же день, что и пакт Молотова-Риббентропа. Население Эстонии жило надеждами и верой в Бога. Дети играли в войну, кто-то был русским, кто-то немцем. Побеждали, конечно, эстонцы.

И вот пришел день, когда мы воочию увидели настоящих красноармейцев. Этот день 17 июня 1940 года я хорошо помню.

Уже утром дома, во дворе и на улице все заговорили о том, что на станции разгружаются военные эшелоны, похожие на русские. Перед обедом со стороны вокзала, действительно, стал доноситься какой-то сильный и непонятный шум.

Как же не посмотреть на такие вещи? Как не увидеть все то, о чем мы раньше только читали в газетах и журналах: пехоту, танки, пушки и все остальное?

Дойти до вокзала мне, тогда уже второкласснику, как и соседским мальчишкам, не составляло никакого труда: всего то минут пятнадцать хода. Но до станции идти не пришлось: уже на ближайшей большой улице – Рижском шоссе (Riia maantel) – путь нам преградила воинская колонна, спускавшаяся к реке Эмайыги. Сначала мы увидели красноармей-

цев. Они шагали очень медленно, возможно, потому, что впереди еле-еле ползли трактора с большими пушками на прицепах. Советские тягачи мы узнали сразу — это были ЧТЗ и СТЗ, то есть трескучие гусеничные тракторы Челябинского и Сталинградского заводов.

Бойцы выглядели уставшими и какими-то сонными. Они были в пилюльках, с винтовками и со скатками шинелей на плечах, и не в сапогах, а в ботинках с обмотками. Такой вид обуви нам тогда еще не был знаком (впрочем, сейчас, спустя семьдесят лет, эта простая и остроумная штатная обувь русских солдат уже забыта).

А за пехотой опять пошли автомобили, поползли танки и тягачи-трактора, которые волокли за собой сани с каким-то грузом под брезентом. Груз, очевидно, был очень тяжелым — деревянные полозья громадных саней буквально дымились от долгого трения о булыжники мостовой. Почему-то этот синий запашистый дымок произвел на нас, мальчишек, большее впечатление, чем солдаты и пушки...

Наверное, это для нас, малышей, было непонятно. Так же, как было, не понятно все происходившее большинству взрослых, молча и напряженно взиравших с тротуаров на невесть откуда и зачем взявшуюся Красную Армию.

Да, люди молчали. Никаких протестующих возгласов не слышалось. Но не было и радостных лиц, букетов и плакатов. Может быть, где-то, в Таллинне и в других рабочих городах, такие встречи и происходили: потом показывали же что-то в киножурнале «Новости дня»? И газеты писали о том, как народ приветствует защитников трудящихся, то есть простых людей Эстонии, Латвии, Литвы. А в народе множились слухи о советских подземных аэродромах и больших танках, которые не пустьят к нам немцев.

Мы, ребятишки, тоже обсуждали увиденное и планировали походы за город, чтобы рассмотреть эти самые аэродромы...

Дома было тревожно, но, в общем, спокойно. Для нашей семьи, русскоязычной и русскокультурной, приход Красной Армии не представлялся трагическим событием. Во всяком случае, казалось, что ничего страшного не произошло. Многие люди считали, что теперь, после того, как в Эстонию, бывшей независимой с 1918 года, снова пришла Красная Армия, все встанет на свое место. Сыграло свою роль и то, что в Эстонии были и коммунисты (немного более ста), в том числе и евреи.

Конечно, так думали далеко не все в Эстонии — и дети, и взрослые. Но в нашем доме полагали, что решено главное: теперь немцы к нам не придут. Так считал папа, будучи активным членом МОПРа (международного Общества помощи революционерам). С ним соглашалась и мама, бывшая бейтарка (член общества «Бейтар» — еврейского «Союза сионистов»). Наш отец мог себя называть сочувствующим социалистам — их идеи в чем-то были близки к устремлениям сионистов.

Хуже или лучше, но, как казалось, с возвратом Эстонии в Россию появилась какая-то определенность.

Через две недели после прихода Красной Армии (6 августа) в Эстонии, как и во всей Прибалтике, была провозглашена новая советская власть. Эстония стала 16-й республикой Советского Союза. Этот процесс прошел бескровно. Газеты даже писали о радостных встречах русской армии, о торжестве трудового народа, о восстановлении (через 22 года) советской власти.

Став взрослым, я узнал, что почти все еврейские организации и общества Эстонии (более 30), включая студенческие, были вскоре распущены, том числе общество Хашмонай (Hasmonea). Эта не очень многочисленная организация, поддерживавшая сионистов-ревизионистов, существовала в Тарту с 1923 до 1940 года, а Борис Бакшт был в ней довольно активным участником. Об этом можно судить по сохранив-

шемуся фото 1928 года. Список организаций, подлежащих ликвидации, подготовила левая (прокоммунистическая) еврейская организация «Licht» («Свет»).

Закрылась кафедра иудаистики в университете, в еврейских учебных заведениях, в том числе и в нашей школе, исключили из программы иврит и историю еврейского народа, стали вести занятия на идиш. Вскоре начались аресты членов состоятельных семей, активистов еврейских политических обществ и объединений, деятелей общины.

Фирма «Бакшт и сыновья» была национализирована и перестала существовать. Ее стоимость оценили в 537 961 (по другим данным сто тысяч) эстонских крон. Тогда были национализированы многие частные дома и все предприятия. Иногда владельцы оставались на работе, даже в администрации. Наш отец стал инженером-экономистом в отделе снабжения Тартуской гребеночной фабрики (Tartu kammivabrik).

Мама тоже продолжала работать. Еще зимой 1939/40 года она работала врачом в городской детской консультации и в университетской детской клинике, где трудилась бесплатно. Но так нарабатывался стаж, приобретался бесценный опыт, который позволил бы, какое-то время спустя, заняться частной практикой.

Осенью 1940 года она была назначена Горздравом г. Тарту на должность врача-терапевта городской поликлиники. Тогда же ее признали военнообязанной. Получив официальную должность врача-терапевта теперь уже в Центральной городской поликлинике, она стала состоять на государственной службе, чем немало гордилась. Вступила в профсоюз медработников, исправно платила взносы, очередной взнос был внесен 11 июня 1941 года. Мама тогда не знала, что этот ее взнос станет последним в Тарту.

Мама лечила больных в клинике и ездила на больничном автомобиле по вызовам. Ее профессиональной деятельности способствовали хорошая семилетняя университетская подго-

товка, определенный опыт, полученный в ординатуре и, что очень важно, свободное владение языками — эстонским, русским, еврейскими (идиш и иврит) и немецким.

Иногда мама брала меня с собой в поездки по городу, чему я очень радовался — ведь автомобили в Тарту тогда были редкостью. И мне откровенно нравилось смотреть, как маму уважительно принимают разные люди, слушаются ее и благодарят.

В нашем жизненном укладе, на мой детский взгляд, мало что изменилось. Добавилось русских книг и газет. С улиц исчезли немецкие вывески. В магазинах эстонские кроны и сенты сменились рублями и копейками. Для многих это было внове, но только не нам: бабушка Люба и до того в разговорах часто называла сенты более привычными для нее копейками.

У меня, восьмилетнего, уже появились какие-то домашние обязанности. Например, мне поручалось ходить в ближайший магазин за небольшими покупками. Взрослые жаловались, что кое-что с прилавков исчезло, но товары первой необходимости еще имелись в достатке. На рубль, без сдачи, я покупал банку (полкило) сметаны или килограмм печенья.

В кинотеатрах пошли советские фильмы. Мои старшие двоюродные братья, Алик и Яша Капланы, сводили меня в «звуковой» кинотеатр на фильмы «Ленин в октябре» и «Ленин в 1918 году». Братья серьезно и ответственно опекали меня. (К слову сказать, их участие и помощь я ощущаю до сих пор.) Это был мой первый в жизни «выход в свет» без взрослых. До этого я видел только детские картины — «Василиса прекрасная», «По щучьему велению», невероятно популярные и запомнившиеся буквально на всю жизнь (их можно увидеть и до сих пор). А потом появились и более серьезные фильмы — и советские («Чапаев», «Человек с ружьем»), и американские — «Тарзан» и еще какие-то, с Чарли Чаплиным и Ширли Темпл в главных ролях. Есте-

венно, все эти кинокартины нам очень нравились. Эстонских фильмов я не помню: может, их и не было?

В еврейской гимназии изучали идиш и эстонский. С приходом советской власти и в школе, и в городе больше стал употребляться русский. Эстонский же для нас оставался «уличным» языком общения с соседями и почти во всех общественных местах..

Появились русские песни. В школе и на улицах, на листовках, распространялся советский гимн «Интернационал». Вместе с ним становился популярным и шлягер того времени – «Катюша». Эти две мелодии стали первыми (конечно, после новогодней «Елочки»), которые я запомнил.

Всею нашей семье, и детям, и взрослым, было проще, чем многим другим соседям, адаптироваться к изменившейся обстановке. Во-первых, мы знали русский и знали русских. Этому немало способствовали долгие рассказы недавно умершего деда и бабушки Любы про Москву, про Петербург, где они прожили молодые годы и нашли друг друга. Во-вторых, отец с матерью, имея университетское образование и специальность, надеялись и при новой власти не потерять свое место в обществе.

Тем не менее, зная русскую историю, они трезво смотрели на жизнь. Обсуждая слухи о жестокости НКВД, отец называл энкаведешников опричниками. Основания к тому были: в городе шли аресты. Весной 1941 года начались разговоры о том, что составляются списки для высылки кого-то из Эстонии в Сибирь. Но этим слухам у нас не очень верили. Может быть, просто не хотели верить...

А где-то незримо все же присутствовала война. Она была рядом с нами. Из Европы, из Польши приходили безрадостные новости, обсуждавшиеся и взрослыми, и детьми. О возможности, вероятности войны Советского Союза с Гитлером говорила мама, возвращавшаяся с работы. Как-то она даже сказала, что в больнице их всех поставили на военно-

медицинский учет. И в случае войны мама будет капитаном медслужбы.

Но маме не суждено было стать военврачом. Так же, как папе не пришлось вернуться на военную службу, хотя он до того отслужил в эстонской армии артиллеристом и часто вспоминал о своей военной специальности. В его кабинете рядом с изящной студенческой шпагой висела большая сабля, какие выдавали в конной артиллерии.

Вся наша жизнь круто изменилась за неделю до войны.

Пришел «черный шаббат»¹ – пятница 13 июня 1941 г.

---

¹ Шаббат – суббота, особый седьмой день недели у евреев, придерживающихся традиции, в который полагается воздерживаться от работы.

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ШАББАТ

Было далеко за полночь...

Весь дом проснулся от оглушительного стука в дверь. Непрошенных гостей впустил папа. Меня подняла мама:

— Вставай, сын! Одевайся! Сейчас поедem на вокзал.

Дом был заполнен людьми в форме энкаведешников, легко узнаваемых по голубым фуражкам с красным околышем. Их было несколько человек, может быть, пятеро или больше. Был и кто-то в штатском. Говорили они и на эстонском, и на русском.

Никакого обыска не делали. Просто в нем совершенно не было надобности, так как дом все равно оставался у них, а наша судьба уже была определена.

И не было никаких разговоров, опросов или допросов. Только спросили, вся ли наша семья — Борис, Анна, Теодор и Рина — в сборе и нет ли в доме посторонних. Так поступали в других домах, но не во всех. Но у нас они могли об этом и не спрашивать: в нашем доме посторонних не было, кроме няни-эстонки.

Отцу показали какую-то бумагу, из которой следовало, что нам надо быстро собираться, готовиться к немедленному отъезду. Нас высылают из Эстонии. Куда и почему — неизвестно.

В архиве Информационного центра УВД по Томской области в 2009 году я увидел копию этого документа: «Постановление» о высылке за пределы Эстонской ССР, подписанное каким-то сержантом НКГБ и утвержденное полковником, председателем какой-то «чрезвычайной тройки». Рядом

с этим «Постановлением», в лично-учетном деле спецпоселенки Бакшт А.С., хранящемся в том же архиве, сказано:

«...в 1941 г. по постановлению Оперативного штаба НКГБ Эстонской ССР от 10.07.41 г Бакит Борис Шлемович, 1902 г.р., был арестован органами НКГБ. Его семья: жена Бакит Анна Соломоновна, 1905 г.р., / «уроженка г. Рига, по национальности еврейка, беспартийная, образование высшее, вдова, по специальности врач»/, сын Бакит Теодор Борисович, 1933г.р., дочь Бакит Ирна Борисовна, 1938 г.р. — высланы из г. Тарту Эстонской ССР на спецпоселение Каргасокский район Томской области»²...

Там же имеется документ с несколько другой формулировкой:

«...Семья Бахита Бориса Шлемовича, состоящая из трех человек — жены Бакит Анны, 1905 г.р., дочери Бакит Рины, 1938 г.р., сына Бакит Уви-Федора, 1933 г.р., на основании постановления Оперштаба НКГБ ЭССР от 10.07.1941 г., в связи с тем, что Бакит Б.Ш. «арестован по обвинению в том, что имея галантерейную торговлю с годовым доходом 100 000 крон, которая национализирована», была назначена к выселению в отдаленную местность»³.

С этими документами мы ознакомились более чем через полвека, хотя и знали об их существовании.

---

² Архивное дело № 11761, л.д. 46. Информационный центр УВД по Томской области. Цитируется с сохранением орфографии по архивной справке № 4/Б-17 от 09.12.2001г.

³ Архивное дело № 42192, л.д. 3. Информационного центра УВД по Томской области. Цитируется с сохранением орфографии по другой архивной справке с тем же номером № 4/Б-17 от 09.12.2001 г. В справках ошибочно указана дата 10.07.41г. вместо 10.06.41 г.

Среди сотрудников НКВД были также эстонские еврей-коммунисты, некоторые из них участвовали в составлении списков евреев, подлежащих аресту. Всего тогда было выслано около 10 процентов еврейского населения Эстонии, в том числе около 50-ти человек из Тарту. «Я согласен» – так завизировал рапорт о завершении «расследования» НКВД ЭССР заместитель начальника управления Якобсон⁴.

Основанием для очередной (четвертой по счету в СССР)⁵ депортации в июне 1941 г., было постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 14 мая 1941 г. «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». Депортации подлежали семьи членов бывших националистических организаций; офицеров (в том числе даже служивших в Красной Армии); члены семей бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников, полицейских, жандармов, охранников; члены семей бывших участников контрреволюционных организаций, ранее приговоренных к высшей мере наказания. Операция началась одновременно в Литве, Латвии и Эстонии. В ночь с 13 на 14 июня 1941 г. из республик Прибалтики было выселено 25 714 человек, в том числе из Эстонии около 11 тысяч душ. Среди них было около 400 евреев. Две трети из них составляли женщины, дети и старики⁶. При

---

⁴ Архив Эстонского Еврейства (Estonian Jewry Archive).

⁵ Первая депортация – раскулачивание крестьян в 1929–1931 годах, вторая и третья – поляков из Западной Белоруссии и Украины в 1939 – 1940 гг. В восточные районы страны в 1941 – 1943 гг. было выслано 554 тысячи немцев, почти полмиллиона чеченцев и ингушей, 183 тысячи крымских татар, 93 тысячи калмыков, 69 тысяч карачаевцев, 37 тысяч крымских греков, болгар и армян, 33 тысячи балкарцев. (Профессор Владимир Телицын. Волкодавы СМЕРШа // Трибуна. – 2010. – № 39. – С. 13.

⁶ Невольные сибиряки Из истории массовых депортаций народов СССР в Сибирь в 40–50-е годы XX века // Из истории земли томской. 1940 – 1956. Невольные сибиряки: Сборник документов и материалов. – Томск: Об-во Мемориал, 2001. – С. 40–41.

выселении людям разрешалось брать с собой только небольшой запас продовольствия, личные вещи и мелкий хозяйственный инвентарь.

На сборы в дорогу нам дали один час. Всего один час... Или целый час?

Точно не помню, сколько мы укладывались, но помню, что нам велели торопиться. Потом выяснилось, что кому-то (деревенским) разрешали собирать вещи почти день. А кого-то торопили даже больше, чем нас, и эти бедные люди смогли схватить только самое необходимое, как при пожаре.

Естественно, что сначала мы думали: надо спешить, чтобы не опоздать на поезд. Но очень скоро поняли, что это совсем не так. Никуда мы не опаздывали, просто оперативники спешили доложить начальству об исполнении приказа. И погонять высылаемых людей, как скот — это входило в служебные обязанности работников «органов». Это было, так сказать, одним из элементов давно разработанной у них технологии депортации. Впрочем, слова «депортация» еще не было в ходу. Говорили просто — переселение, а то и еще проще — выселение.

С собой разрешили брать только самое необходимое. Мама потом рассказывала, что вес поклажи был очень ограничен — не то 30, не то 40 килограммов на человека. То есть столько, сколько мы можем поднять сами. Нас было четверо. Следовательно, взять с собой можно было только около 150 килограммов. И минимум «мест», — чемоданов или узлов...

Трехлетнюю Рину быстро одела няня и, спящую, держала на руках.

Мама собирала вещи — сначала детские, потом свои. Естественно, что в смятении она не сразу сообразила, что следует брать с собой. Хотела даже взять вечерние платья и строгие костюмы: «В чем же я буду делать визиты?» Но помог молодой милиционер. Впоследствии мама много раз с благодарностью вспоминала того сердобольного эстонца,

давшего очень хороший и очень уместный совет. Он вдруг отвел маму в сторону и тихо сказал по эстонски:

— Вы что, не понимаете, куда едете? Вас же в Сибирь повезут! И надолго! Так что берите самые теплые вещи, какие есть, и деньги с драгоценностями. И, конечно, еды побольше, что найдете.

Мама вспомнила эвакуацию из Риги в 1918 году, когда убегали от немцев в Витебск. И быстро решила:

— Берем большой бабушкин сундук. Вон тот, окованный железными полосами. Все вещи — туда. Зимние шубы, все, какие висят в шкафу, потом вязаные вещи, обувь, одежду, одеяла, какое-то белье. А детские вещи и продукты — в два чемодана, во французский желтый и мой черный. Посуду металлическую, серебро, сколько войдет, в сумку. Вот в эту, какую разрешили.

Папа собрал документы, все, кроме паспортов — их сразу забрали немногословные штатские. Он упаковал в два своих дорожных чемодана самое дорогое, что у него было: альбомы с фотографиями, коллекции марок и старинных монет, свою дорожную одежду и предметы туалета. Для него это было привычным делом, так как он часто ездил в дальние края.

Мне было поручено сложить в свой большой школьный портфель письменные принадлежности и книги, мои и Ринины, на мой выбор. Эти книги потом оказались очень нужными. Их недолго и перечислить: несколько тонких раскладушек с картинками для Рины, «Волшебник изумрудного города», моя любимая «Что я видел» Бориса Житкова и томик Марка Твена с принцем и нищим, Томом Сойером и рекой Миссисипи. Но, как оказалось позже, тетрадь с писчей бумагой я все же не положил, позабыл.

Через два часа нас свели вниз, в темноту. Там уже стояла открытая грузовая машина, полуторка ГАЗ-АА.

Красноармейцы помогли снести вещи.

Через 15 минут мы уже были на железнодорожной станции.

ИЗ ТАРТУ В НАРЫМСКИЙ КРАЙ

В тихом темном тупике, далеко за вокзалом, стоял длинный товарный состав из красных двухосных теплушек. Их почему-то звали телячьими. Впрочем, тогда других грузовых вагонов, равно пригодных для перевозки скота или людей, наверное, и не было.

Машина остановилась около открытой двери одного из первых вагонов. Папе велели выйти, объявив, что мужчины до места назначения поедут отдельно от детей и женщин. Где это «место назначения», нам, естественно, не сказали.

Отец забрал свои два чемодана, прошел несколько шагов, поднялся в темную теплушку и, прощаясь, махнул нам рукой. Махнул только один раз. Больше не успел...

Солдаты с грохотом задвинули тяжелую дверь, отделив папу от нас...

Разве мы тогда могли подумать, что эта глухая дверь разделила нас навсегда? Этот пронзительный момент, словно стоп-кадр, всегда хранится в моей памяти: папа, стоящий с поднятой рукой в черном дверном проеме теплушки⁷.

Нас же провезли дальше, вдоль поезда, и так же, как отца, высадили из машины. Забросили в вагон вещи, а потом под-

---

⁷ Примечательно, что трагический момент расставания с отцом сохранился не только в моей памяти. Так было у многих. В воспоминаниях поэта Варю, высланного из Пярну, читаем: «все эстонские дети, попавшие потом в детдома, забыв многое из того, что было до этого в детстве, навсегда запомнили, как уводили их отцов» (Томский вестник. – 11.06.1994 г. – № 110).

толкнули и нас с мамой и сестрой. Так же задвинули дверь, и мы остались в вагоне одни, в полной темноте.

Через некоторое время глаза привыкли к темноте. Через маленькое зарешеченное окошко под потолком проникал свет далекого станционного фонаря. Мы огляделись. Увидели слева и справа от входа двухэтажные нары, сколоченные из неструганных досок. Над нарами, под крышей четыре маленьких зарешеченных окошка. У двери в полу небольшая дыра. Тогда мы еще не знали, что эта дырка почти месяц будет служить нам туалетом.

Мы вдвоем с мамой волоком как-то протащили в дальний левый угол тяжеленный сундук, взгромодили на нары остальные свои пожитки.

Мама, расстелив что-то на нарах, скомандовала:

— Дети, спать!

Рина действительно быстро уснула — шел четвертый час ночи. Я тоже лег. Мама не плакала, боясь, наверное, потревожить нас.

Но долго спать нам не пришлось. Через полчаса дверь вновь открылась. В наш вагон привезли еще одну семью, женщину с двумя девочками.

Спрашивает на эстонском:

— Кто здесь?

— Мы!

— Кто вы?

— Мы, евреи.

— А, значит, мы одни тут, — ответила эстонка и начала устраиваться на нарах рядом с нами. Позже она как-то сошлась с мамой и зимой, уже в Нарыме, мама не раз лечила ее маленьких дочерей. Потом дверь грохотала еще много раз...

Почему нас привезли первыми из всех, со всего города и его окрестностей? Может быть, нами открывался список высылаемых, так как на букву «а» никого не оказалось. Во-вторых, мы жили ближе всех от вокзала. Поэтому начали с нас.

Немного времени спустя доставили Капланов — тетю Гиту, младшую сестру отца, ее сыновей Яшу и Алика. Им тогда было 14 и 12 лет. Надо сказать, что мы даже обрадовались, увидев друг друга, и «поселились» на нарах рядом. Их отец дядя Миша, как и наш папа, был оставлен в «мужском» вагоне.

Когда заполнился наш вагон, стали открывать соседние. И так целый день 14 июня везли людей. Везли женщин, детей и стариков. Эстонцев, русских, евреев. Богатых (бывших такими до 1940 года) и бедных. Образованных и малограмотных. Интеллигентов и простых крестьян из окрестных хуторов Тартуского уезда.

Как отбирали людей для высылки, так и осталось не вполне понятным. Конечно, высылали, во-первых, состоятельных, «буржуев». Во-вторых, «идеологически чуждых». Например, Энта Моисеевна Крушкаль из Тарту была бедной, но образованной. Она делала доклады в сионистском обществе, была глубоко верующая, и поэтому тоже оказалась в «черном» списке...

Одна молодая эстоночка с хутора приехала накануне своей свадьбы в город, к бабушке — за приданым и разными продуктами. И поехала вместо свадьбы в Сибирь...

Все эти наши невольные спутники числились, выражаясь в терминологии тех лет, «социально опасными» (или чуждыми) элементами. Мы тоже считались опасными. А «социально вредные» были изолированы (то есть арестованы) до того, заблаговременно.

Мы ждали, что вскоре привезут и нашу бабушку Любу. После смерти деда Шлемы она жила одна. И бабушка часто ночевала то у дочери, то у сына. А в ночь на 14-е июня она была в своей квартире, в том же доме, где жили Капланы. Впрочем, возможно, ее и не было в списке лиц, подлежащих высылке: она в свои 73 года не могла быть причислена к социально-опасным элементам. Поэтому ее оставили дома. Но

назавтра, когда она хотела проводить нас, ее не подпустили к поезду.

Какие приключения выпали вскоре на ее долю — об этом будет сказано ниже.

А у нас особых приключений уже не было: главное событие уже осталось позади, изъятие нас из привычного образа существования уже состоялось.

Утром 15-го июня дверь вагона задвинули в последний раз. Поезд тронулся и медленно, с невероятно длительными остановками на всех станциях, двинулся на юго-восток, в сторону Пскова. Вдоль всей железнодорожной насыпи стояли старушки-эстонки и кланялись, и крестились вслед поезду. Это напоминало похороны...

Надо сказать, что нас как-то организованно покормили, выдали кипяток, хлеб и какую-то невкусную похлебку. Продолжали кормить и позже.

Мама нашла мне занятие — вести дневник. Писать было не на чем, так как тетради я, как нерадивый ученик, забыл дома. Но выход нашелся быстро: я стал делать короткие карандашные записи на больших чистых страницах, которых оказалось очень много в книге Марка Твена. Отмечал, какие проехали станции, что ели, что видели за окном. К концу нашего «путешествия» набралось страниц десять, но много лет спустя, в 1949 году, мама их неожиданно сожгла. Она боялась, что их смогут увидеть сотрудники НКВД: в то время среди евреев Томска прошла волна арестов, как в Москве и в других городах. Несколько раз. Но до обыска у нас не дошло: маму просто пожалели. Сказали — ради детей...

Но это было потом. А сейчас вернемся в июнь 1941 года...

Через неделю мы оказались неподалеку от Новгорода, на станции Старая Русса. Проехали около трехсот километров.

К долгим стоянкам нашего эшелона мы уже привыкли. Но на этот раз, простояв у вокзала почти ночь, мы почувствовали — что-то тут не то!

В открытые двери, под которыми стоял конвоир, стали доноситься какие-то непонятные голоса. Было видно, что вдалеке бегут люди, все в одном направлении. Как потом выяснилось, они бежали к вокзалу, к уличному громкоговорителю. По радио выступал нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов.

Скоро и до нас дошло страшное слово:

— Война! Германия напала на Советский Союз!

Взрослые в вагоне притихли, не знали, что думать, что предполагать. Стали говорить вполголоса, перешептывались. Все понимали, что война — это очень и очень плохо. Как оказалось потом, много позже, кое-кто из наших соседей по вагону откровенно обрадовался такому известию: скоро, когда победят немцы, нас освободят.

А внешне для нас, в нашей вагонной жизни, ничего не изменилось. Простояв в Старой Руссе какое-то время, мы поехали дальше.

Нас дорогой хоть и плохо, но кормили: на больших станциях были какие-то кухни, еду в ведрах и воду приносили дежурные, которых до очередного вокзала сопровождали конвойные с винтовками наперевес. Кипяток для «чая» был тогда на всех станциях... Что-то ели из припасов, взятых с собой. У женщин, приходивших к поезду, можно было купить картошку или домашние пирожки. Выдавали и черный хлеб. По совету опытных соседей по вагону мама ухитрилась из скромного пайка выделять какую-то часть и сушить сухари. Объясняла нам просто:

— Что поделаешь, дети — война. Сухари нам еще пригодятся.

И мама оказалась права — сухари понадобились нам очень скоро, уже через месяц...

Еще через неделю кругом пошли густые леса. Начались Уральские горы. Нам всем стало ясно и очевидно: больше сомнений нет, нас везут в Сибирь.

Во время продолжительных стоянок конвой иногда разрешал выходить из вагонов. Женщины приноровились мыться прямо на перроне, когда была вода. Отойдя чуть в сторону, две из них поднимали на вытянутых руках простыни, создавая какое-то подобие ширмы, за которой третьей можно было помыться.

На какой-то сибирской станции нескольких женщин повели на котлопункт. Рина попросила пить. А все местные жительницы смотрели на нас подозрительно, с опаской — вот, каких-то буржуев везут. Никто не дал напиток. Рина долго и безутешно плакала...

— Ты была такая хорошенькая, пока ехали, — рассказывала мама уже взрослой сестре. — Еще хорошо ухоженная, причесанная, чистенькая.

Иногда матерям с детьми разрешали погулять около вагонов. Солдаты охраны молча и как-то сумрачно наблюдали за происходящим. За две недели совместного пути конвойные и конвоируемые даже стали привыкать друг к другу.

Как-то к маме обратился один из молодых конвойных:

— Вы теперь ясно поняли, куда вас везут? В Сибирь, в тайгу, на край света!

— Ну, и что? — ответила мама. — Что мы можем поделать?

— Как что? Вы то там, скорей всего, пропадете, одни, без мужиков. Тем более, что война теперь, будет совсем плохо. А вот детей жаль! Так отдайте мне свою дочку, все равно помрет там, — так и сказал солдат открытым текстом. И продолжил: — Больно уж она мне понравилась, уже неделю смотрю на нее.

— Как это, отдать дочь?! Что это вы говорите?

— Очень просто: мы завтра будем проезжать город, где находится мой дом. Там у меня живут родители, братья, сестры. Я уже им сообщил телеграммой, что проезжать буду мимо них. Они придут на станцию, повидаться со мной. Вот

и оставим им вашу доченьку. Скажем командиру, что отстала на станции. Настанут лучшие времена — заберете ее. А так ведь пропадет...

Мама не стала продолжать этот разговор. Но доброго солдата, тем не менее, поблагодарила... Она все время думала об одном: где же наш папа?

О судьбах наших мужчин ничего не было известно. Поискать их, пройти вдоль вагонов — об этом не могло быть и речи. Нам ничего о них не говорили. Почему такое произошло — осталось нам неведомо до сих пор. Возможно, что это было сделано по инициативе эстонского НКВД. Ведь депортация таких же спецпереселенцев из многих городов Латвии, Литвы, Молдавии и других мест происходила без отделения мужчин от их семейств. Впрочем, на этот счет могло прийти распоряжение из Москвы: в Севураллаге не хватало рабочей силы на лесоповале.

...Наш эшелон медленно продвигался на восток. А встречь нам один за другим шли воинские поезда, составленные из таких же теплушек, как наши. Мы смотрели на солдат, на танки и пушки, на лошадей и автомобили, и понимали: солдаты едут на войну, бить фашистов.

А солдаты с недоумением смотрели на нас, выглядывавших в маленькие зарешеченные окна и открывавшиеся на остановках двери... На станциях, переговариваясь через пути, красноармейцы расспрашивали нас, интересовались, кто мы. Не многие из них понимали, кого это везут на восток. Переселенцев-крестьян, завербованных на работу? Или семьи врагов народа? Но наш «цыганский табор» не был похож ни на тех, ни на других...

В начале июля нас, наконец-то, выгрузили на степной станции Каргат, в двухстах километрах западнее Новосибирска. Разместили прямо на бетонном полу, в больших пристанционных зерновых складах, пустовавших в это время года. Чем-то накормили, но без горячей пищи. Понятно, что

ночью нас одолели мыши, которые бегали прямо по спящим людям.

В этих бараках было очень шумно, и днем, и ночью, так как сотни людей, набитых в эти сараи, не умолкали. Плакали голодные дети, причитали старушки... А совсем рядом находились пути железной дороги Транссибирской магистрали, по ним беспрерывно с грохотом и гудками проносились поезда.

Ужасным оказалось то, что на этом перевалочном пункте не нашлось туалета. Наверное, он где-то и был, но за пределами «зоны» нашего временного расположения. За домом, на улице, обнаружили огромные зловонные кучи испражнений. Мама потом вспоминала:

— Наша попутчица Тамара Исурина, тоже из Тарту, никак не решалась туда сходить. Я ее долго убеждала: возьми же себя в руки, идем вместе. Ну, сходили...

Утром объявили, что теперь мы будем жить в деревне, находящейся недалеко от станции. Из нашего эшелона отобрали часть людей, в основном, эстонцев-хуторян, погрузили на большие телеги, запряженные волами, и куда-то увезли. Оставшимся предстояло провести в этих складах еще одну ночь. В числе уехавших была и Энта Крушкаль, с тремя детьми — три года, два и грудничок.

Но наутро быки притащили обратно телеги с нашими несчастными спутниками. Смотрим, а у Энты только двое детей. Грудничка уже нет, умер...

Оказывается, председатель тамошнего колхоза сказал:

— Везите всех их обратно, иначе все помрут. Нам самим есть нечего!

И нас снова погрузили в вагоны, в тот же эшелон, и повезли дальше. Везли недолго.

Следующая остановка — Новосибирск. Большой город, центр Западно-Сибирского края. В окошко видны большие дома, много людей и много автомобилей.

Выгрузили на каменистый берег Оби, где железнодорожные пути подходили к большому элеватору. Вскоре, в тот же день, подошел большой красивый пароход «Киров», флагман Обского речного пароходства. Погрузились на него по шатким сходням, разместились в большой общей каюте и поплыли вниз по широкой разлившейся реке.

Удивительно, как в этот пароход вместились несколько сот человек⁸. Но часть эшелона все же на него не вошла, осталась на берегу. Было тесно, и в нашем третьем классе, и на палубе, и внизу, около больших гребных колес, где громко пыхтела жаркая паровая машина. Здесь нам, как и ранее в поезде, выдали какой-то сухой паек и кашу. Но на верхней палубе, в первом классе, были салон с роялем и буфет. И там еще можно было что-то купить за деньги. Война сюда в полной мере еще не дошла. Много раз, на протяжении голодных военных лет, я вспоминал этот буфет: здесь мы досыта и вкусно поели, завершив трапезу стаканом сметаны. Этот обед был последним из сытого довоенного времени.

На третий день пути нас высадили в Каргаске, на песчаном левом берегу Оби. И сразу же погрузили на небольшую деревянную баржу, которую по-местному называли «паузок». Но теперь уже не всех, только человек сто. Остальные остались ждать другого транспорта.

Баржу взял на буксир небольшой катер, газогенераторы которого заправлялись маленькими чурочками. Он потащил баржу вниз по Оби. Потом поплыл влево, по темноводному

---

⁸ Как следует из решения Новосибирского облисполкома от 23 июня 1941 г., в области предполагалось расселить всего 17815 (по другим данным — 21815) человек, в том числе 9115 из Эстонии. Причем на территории нынешней Томской области — 7792 человека. Из них в нынешнем Каргасокском районе — 1983 человека. (Данные из книги: Невольные сибиряки Из истории массовых депортаций народов СССР в Сибирь в 40–50-е годы XX века // Из истории земли томской. 1940 — 1956. Невольные сибиряки: Сборник документов и материалов. — Томск: Об-во Мемориал, 2001. — С. 40–41.

Васюгану. В переводе с хантыйского Васюган значит «темная вода», «коричневая вода». В каких-то местах на берегах Васюгана лежали большие кучи заготовленных чурочек. Когда останавливались для погрузки, то не только команда была занята этим делом, но и пассажиры — для скорости.

Первая остановка — поселок Новоюгино, на правом берегу Васюгана, в 15 километрах от устья. Стоим недолго, но успели сходить в магазин. Купили толстую книгу в хорошем синем переплете — алтайский народный эпос «Алтай буучай», Новосибирского (Западно-Сибирского) издательства (как потом оказалось, во всем крае только эта художественная книга и продавалась свободно). Купили мне летние полуботинки, что-то из еды и красивую в цветочках фарфоровую сахарницу Ломоносовского завода. Сейчас мне думается, что, несмотря на всю тяжесть ситуации, надежды на светлое будущее маму не оставляли... Следовательно, еще сохранялся определенный оптимизм. Другими словами: была бы сахарница, сахар найдется...

Потом были селения Напас, Наунак и поселок Усть-Чижалка, на 150-м километре судового хода от устья. Далее катер потащил баржу по очень извилистой и очень узкой речке Чижалке, буквально цепляясь за ветки прибрежных кустов. Эта река имела и другое, селькупское название Вень-Еган, то есть «узкая река».

За подступавшими к низким берегам деревьями не просматривались никакие признаки существования человека. Никакого конвоя, никакой охраны здесь уже не было: убежать некуда, общаться не с кем. И тут, на барже, мы впервые ощутили, что такое нарымские комары.

Все пассажиры-невольники притихли...

Рина страшно заболела. Как говорила мама, сестра чуть не умерла. Она без движения лежала на детской подушке, которую мама положила прямо на палубные доски. Батистовые

наволочки всё рвались от гвоздей и заноз, и мама их выбрасывала за борт. Какие мы были наивные!...

Еще через 110 километров наш долгий путь закончился. Баржа и катер пристали к невысокому глинистому обрыву, куда по узким сходням переместились сначала люди, а потом и наши вещи. Оказалось, что это и есть конечный пункт нашего назначения — поселок Юрты Еремино (его называли просто Еремино). Так — Юрты Иваново, Юрты Степаново и т.д. — назывались все стойбища аборигенов здешней тайги селькупов, сколько бы семей в них не жило.

ЮРТЫ ЕРЕМИНО

— Пойдем, дети, будем устраиваться, — сказала мама. На берегу сидеть на вещах остался Яша. Голодный, он принялся грызть сухари, запасенные еще в поезде. А мы медленно двинулись по лесной дороге в деревню.

Последний отрезок нашего многотысячекилометрового пути мы прошли пешком, Через километр показались небольшие рубленые дома, покрытые грубым тесом. Они выстроились одной улицей вдоль берега. Мы прошли к конторе колхоза. Там нас уже ждали — всех вновь прибывших заранее распределили на постой по хатам местных жителей. Свои избы-дома жители, в большинстве своем украинцы, так и звали хатами⁹.

— Смотри, Волька, тут магазин, — обратился я к своему сверстнику Володе Попову, высланному с матерью из Пярну. — Написано: Усть-Чижапское сельпо, лавка № 26. Значит, это большой город, раз тут столько лавок! А вот рядом и школа, и пекарня, и контора. Тут написано: «Правление колхоза имени А.М. Горького». Вот, значит, где теперь мы будем жить.

Наивные, мы тогда не знали, что система номеров магазинов были единая для всего района. А на все Еремино вполне хватало одного продавца...

Мы поселились в домике Валентины Хитровой, которая жила одна (дом 26). Маленькая хатка находилась в центре поселка, прямо против школы. В ней были только кухня и

---

⁹ Все те дома поселка не сохранились, выгорев после войны при большом пожаре.

комната, беленые глиной. А сеней, настоящих сибирских сеней не было: сказывались украинские традиции и, вероятно, нехватка строительных ресурсов. Тетя Гита с Аликом и Яшей сначала помещались у Хитровой вместе с нами, а потом их приняли Юрковские (дом 36). Затем они переехали к Балущким, а потом к Егер (дома 24 и 57). И к нам, и к Капланам хозяева относились с большим сочувствием и жалостью. Председателем колхоза в Еремино в то время был Алексей Беспалько. Семьи Капланов и многодетная украинская семья Беспалько до сих пор не забыли друг друга. С его сыновьями Александром и Анатолием и я знаком до сих пор.

Поселок был окружен тайгой. Поначалу, уже во время ознакомительных походов по ближним окрестностям, местность нам даже показалось по-своему интересной и красивой. Лес с окнами болотистых озер, распаханые поляны, сухие возвышенности-«гривы», заросшие сосняком. Позже появились грибы, ягоды. Особенно восхищала нас черемуха — сперва цветущая ароматными белыми кистями, а потом, в конце лета ясная, сверкающая фиолетово-черными гроздьями.

И над всем этим тучи гнуса — комары, мошка, пауты и слепни. От всей этой гудящей и звенящей летучей живности все деревенские спасались дымокурами, то есть кострами, забросанными сырой травой или мхом. А при ходьбе набрасывали на голову куски рыболовной сетки, пропитанной очень пахучим (но отнюдь не вонючим!) дёгтем. Дёготь гнали из бересты тут же, неподалеку от деревни, и этим снадобьем, который сейчас зовется репеллентом, мазались все жители. Иногда мазали им и коров, но редко — дегтя не хватало.

Около этих смолокурен сооружались пихтоварки — устройства для извлечения масла из пихтовой хвои. И дёготь, и пихтовое масло были (да и сейчас остались) ценным народным лекарственным средством. Мама по совету других женщин втирала в ноги это масло как «лучшее средство от ревматизма».

Все население Еремино состояло тогда из 190 человек. В основном, из малограмотных крестьян-украинцев (33 семьи из 65). Русских было 14 семей. Жили здесь и 16 немецких семейств, состоявших исключительно из женщин и детей. Сюда были сосланы семьи чуваша и даже армянина. Все эти семьи были выселены из Омской области и с Алтая в начале 30-х годов, во время коллективизации села, сопровождавшейся безжалостным раскулачиванием. До нашего прибытия большинство из первых спецпоселенцев уже погибло. По имеющимся сведениям, в Еремино из 285 семей к началу войны выжило лишь 65.¹⁰ Такая же участь постигла большинство других сосланных «пионеров освоения» этого северного края...¹¹

Кроме них, в поселке проживали и молдаване, которых мы называли бессарабами (Бессарабия — западная часть Молдавии, до 28 июня 1940 года входила в Румынию). Их привезли сюда сравнительно недавно, в 1940 году, когда Васюганье уже обжили и как-то обустроили первые спецпереселенцы, то есть раскулаченные крестьяне из Южной Сибири, из Курьинского района (Алтай) и Ново-Омского района Омской области. Среди них были и семьи сибирских казаков. Все они составляли «старый контингент», а мы, прибалты — эстонцы и другие — образовали «новый контингент».

Дополняли этот интернационал мы, евреи. Нас оказалось здесь всего три тартуских семьи — Бакшты, Капланы и Коловские. Берта-Рахиль Коловская (урожденная Каплан) умерла здесь в 1942 году, а ее молоденькая дочь Анелла потом перебралась в Томск, где впоследствии закончила учебу и вышла замуж. Сейчас она в благополучии живет в Берлине.

---

¹⁰ *Беспалько А.А.* Мелочи жизни. Проза. Стихи. — Чехов: Издатель Е. Балина, 2000. — 184 с.

¹¹ *Макшеев В.Н.* Спецы. Исследование. — Томск: СК-Сервис, 2007. 180 с.

Такая политика разношерстного расселения спецпереселенцев в Нарыме была задумана властями специально и дальновидно: в условиях некомпактного проживания представителей разных национальностей управлять ими было проще.

Большинство из 68 жилых домов поселка были без полов, что для нас, приезжих, казалось странным. То есть полы-то были, но просто глиняные — как в украинских хатах. А посреди каждого дома стояла большая русская печь. В нее загружали чугунки — разнокалиберные горшки, литые из чугуна. Их помещали туда с помощью ухватов — специальных двухрожковых железных вил, насаженных на длинную палку. Сковородки задвигались в глубину печи особыми, с длинной ручкой сковородниками, а тесто для выпечки хлеба или лепешек совали на кирпичный под печи (дно) простой деревянной лопатой. Скоро и мы научились пользоваться этими простыми, но остроумными приспособами. Нам это было интересно и, главное, необходимо.

Так же необходимо, как пилить и колоть дрова. Обращению с двуручной поперечной пилой научил меня старший брат Яша. Дрова, конечно, мы с ним успешно пилили, по очереди с Аликом. Дело это нехитрое, не интересное и требующее не так уж много сил и времени. Но оно требует определенной сноровки: тяни пилу, не дергая и не прижимая ее вниз, а потом отпускай вовремя. Вот и вся премудрость этой науки. Пила вырывалась из слабых детских рук, проскакивала и подпрыгивала. После той учебы у меня остались и до сих пор белеют шрамы на ногах и руках: ходил-то я босиком, и защитных рукавиц-верхонок тогда и в помине не было.

Освещались дома маленькими лампами-коптилками, а то и просто лучинами: электричества не было. Чаще просто сидели в темноте. Но в конторе колхоза и в школе были нормальные керосиновые лампы.

Начальная четырехклассная школа помещалась в большой двухкомнатной избе. Русскую печь в ней заменяла плита с

высоким, до потолка кирпичным обогревателем. Днем школа выполняла свои прямые функции, а вечерами иногда служила клубом и местом для редких собраний.

Школа была, как тогда называли, однокомплектная: во всей деревне разновозрастных учеников набиралось всего на один класс, около тридцати учащихся. Поэтому учитель был тоже всего один: молодой, лет двадцати, Павел, только что закончивший двухлетний Колпашевский учительский институт. В первую смену в левом ряду парт, у окна сидели второклассники, а в правом — четвертый класс. После обеда их сменяли ученики первого и третьего классов. И Павел ухитрялся обучать нас всех. Тогда для малых деревень это было обычным делом.

Писали мы на протяжении всей войны на чем попало. Тетрадей и писчей бумаги не было. Так что приходилось писать между строк на том, что найдется. В ход шли старые газеты, классные журналы, обрывки книг. Это, естественно, не способствовало развитию чистописания.

Я с очень большой неохотой ходил во второй класс. В третий меня не приняли — во-первых, из-за возраста: мне было всего восемь лет, а учиться в России тогда начинали с восьми: во-вторых, во втором классе было меньше всего учеников. Так я стал второгодником, хотя прочитал к тому времени все учебники за все классы нашей школы. Только таблицу умножения почему-то я учить не желал. Так же, как категорически отказывался петь «соло» на уроках пения, даже патриотические песни, стесняясь своего голоса и картавого исполнения. Конечно, меня за это нещадно ругали. Но единица в журнале для меня была намного предпочтительнее безжалостных дразнилок одноклассников, которых невероятно «восхищало» мое пение.

Наш Павел Антропов был в школе единственным учителем, добрым, внимательным и, конечно, авторитетным. Особенно в военном деле: тогда такой предмет входил в про-

грамму уже четвертого класса, а так как нас было мало, то мы нередко маршировали на уроках все вместе, всей школой, посменно. В строю я почти всегда оказывался последним, так как был младше своих одноклассников, и к тому же, отличался малым ростом (догнал я своих сверстников, только будучи студентом).

Потом мальчишки изучали оружие, а девочки — санитарное дело, готовясь стать санитарками. И делали это в свои десять-двенадцать лет на полном серьезе. Существовал специальный военно-спортивный кружок «ЮВС» — Юный вооруженный стрелок. Успехами «по военке» мы гордились не меньше, чем по другим предметам.

В школе мы были все равны, все одинаковые. Но эстонцам приходилось очень туго из-за абсолютного незнания русского.

А за дверью школы многое менялось. Украинцы («хохлы»), которых было в деревне большинство, дружили с русскими («кацапами»), но настороженно относились к ребятишкам из немецких семей. Молдаване вели себя тихо, избегали всех, их было немного. А нас, «жиденков», в школе оказалось всего трое. И все прочие при каждом удобном случае дружно выказывали свое неприятие еврейской части ученического коллектива. В эту часть входили я и мой двоюродный брат Алик Каплан, учившийся в четвертом классе. А его брата, четырнадцатилетнего Яшу, отправили учиться в седьмой класс в Усть-Чижанку, где он жил на квартире у Волковых.

Большинство из нашего окружения относилось к нам с известной терпимостью, даже беззлобно, принимая нас в качестве представителей прочих «нацменов». В те времена в СССР полуофициально существовало такое именование национальных меньшинств — татар, остяков (селькупов, хантов) и прочих. Евреи, и дети и взрослые, такое свое положение понимали и принимали как объективную реальность, как данность «от Бога».

Но были среди наших соседей и такие, которые относились к нам как к назойливым существам, как к мухам, подлежащим уничтожению. Кстати, в детстве, в Еремино, и позже, мне неоднократно приходилось слышать обращенное ко мне «ласковое» ругательство «муха», да еще с сочным эпитетом «поганая»...

И мы, дети, воспринимали эти слова не только как образное выражение эмоций, но и как прямую, неприкрытую угрозу по отношению к нам, евреям. Иначе и не могло быть: некоторые мальчишки, передавая, по-видимому, настроение и установки старших по дому, прямо говорили нам:

— Вот, скоро немцы победят, Сталина и большевиков не будет, и мы уедем домой. А вас, еврейских буржуев, немцы убьют, или здесь останетесь навсегда.

Конечно, так думали очень немногие. И такие слова, к счастью, звучали не часто, да и то только на первом году войны.

Особенно напряженно было 16—17 октября 1941 года, когда по радио перестали передавать ежедневные сводки Советского информбюро. Эти «исторические» даты мне и многим моим сверстникам врезались в память навсегда. Хотя сообщения с фронта, ставшие уже привычными, приносили всем мало утешительного, но их отсутствие приводило к совсем грустным и ужасным мыслям: «Неужели немцы уже в Москве?»

Теперь-то мы знаем, что немцы были очень близко от столицы, но все же до нее не добрались. А тогда у нас никакой связи с миром не было, почту с местными (окружной и районной) газетами привозил раз в неделю то почтовый катер-глиссер, то почтальон на обласке (маленькой лодке-долблёнке). Зимой почтальон ездил в Усть-Чижапку на санях, тоже раз в неделю, если не было сильного мороза. Радио работало несколько часов в день, и то не всегда, так как солярки для дизеля не всегда хватало. И отсутствие каких-

либо известий о положении на фронте воспринималось как тревожный предвестник трагедии.

Но рано или поздно все утряслось. Фашистов от Москвы отогнали, местные злопыхатели присмирели. Молодые парни даже из семей раскулаченных спецпереселенцев уходили на фронт, были среди них и добровольцы.

Ушел на фронт и наш учитель Павел. Он уплыл на катере летом 1942 года. Но до этого он, сам не зная того, успел преподать мне хороший жизненный урок. Случилось это на поле, куда мы всей школой ходили на сельхозработы. Особенность той поры была в том, что тогда в колхозах работали все. И как работали — до изнеможения, до упаду! Моей маме благодаря ее высшему медицинскому образованию доверили должность санитарки в яслях, мыть полы и носить горшки. И еще она научилась быстро вязать рыболовные сети. Это называлось «надомная работа». Ей выдавали мотки ниток, специальные вязальные иголки и рабочий продуктовый паек. Сначала в магазинах были списки, потом, в 1942 году, появились карточки на выдачу продуктов и промтоваров.

А мы, школьники, осенью убирали с полей картошку, турнепс. Этот кормовой овощ считался у нас лакомством. Весной собирали в лесу березовые почки — лекарственное сырье (оно называлось «лексырье») для госпиталей. А летом ходили на работу на ферму и в поле. Однажды, в июне, на прополке ржаного поля отведенная мне делянка оказались рядом с делянкой соседа, эстонского мальчика Антса. Ему не повезло: на его полоске оказалось много сорняков, и он отстал от меня. За это его неизбежно ожидала выволочка от Павла. И он попросил меня помочь ему на его участке, что я и сделал.

Мы выдернули оставшуюся у него траву и собирались перейти на мою делянку, где травы оставалось совсем мало. Но тут появился Павел и велел скорей идти на обед, который на телеге привезли прямо на поле. Второй раз нас звать не надо

было, после голодной домашней пищи любая колхозная кормежка воспринималась как награда.

Обед был хороший: миска перловой каши с большим куском хлеба, кружка молока и одно яйцо. Но при раздаче выяснилось, что двух яиц не хватает. И Павел мудро решил:

— Без яйца остались мы двое — я и ты, Федя. Я — как ваш руководитель, и ты, потому что не выполнил задание, как единственный, не закончивший свою делянку.

Мои объяснения по поводу невыполненного задания не были услышаны...

Понятно, что вся наша школьная бригада восторженно ржала, издеваясь надо мной, как отстающим и самым ленивым. И вместе со всеми надо мной смеялся Антс. Возможно, он радовался даже больше всех. Еще бы — как он здорово обвел Бакшта вокруг пальца!

Горечь от той обиды усиливалась тем, что я по своей наивности пытался убедить Антса в том, что мне попало из-за него, что он должен хотя бы поделиться со мной своим яйцом. Но где тут! Антс вполне доходчиво и очень серьезно, по-крестьянски деловито объяснил мне, что мы таких вкуснейших яиц год не видели, и неизвестно, когда еще увидим, и поэтому пол-яйца ему и одному-то мало. И он был прав: яйца на столе появились у нас только через много лет...

Если в наших отношениях с земляками-эстонцами всегда присутствовала некоторая отчужденность, то совсем по-другому складывались отношения с местным русским и украинским населением. Сейчас очевидно, что это помогло нам выжить, тогда как многие, очень многие наши земляки были обречены на гибель от голода и болезней.

Мамины знания русского языка, русских обычаев и, конечно, ее профессиональный опыт помогали налаживать контакты со всеми людьми. Если ее звали к больному, то она всегда брала с собой красивый складной фонендоскоп, сделанный из какого-то светло-желтого твердого дерева. И тща-

тельно выслушивала пациента, что нравилось и больному, и окружающим. А потом ставила диагноз и давала советы по уходу. Этим, собственно, и ограничивалась ее помощь: лекарств тогда совсем не было, йод, аспирин и простой антисептик стрептоцид были в большом дефиците. Обходились народными средствами — малиной, ромашкой, подорожником и т. п.

Возвращаясь откуда-нибудь, мама приносила нам что-то, называемое «подарками» или «угощениями». Это могла быть горстка муки (настоящей, ячменной или ржаной, а то и рыбной), несколько картошин, соленая капуста, а то и просто картофельные очистки: у нас они шли в суп вместо лапши. Мелкую картошку варили, не очищая, «в мундирах». Поэтому и картофельные оладьи из тертой картошки («драники»), и «мундиры» до сих пор наводят на меня тоску...

Кстати, картошка спасала не только нас, но и всю Россию. Ранней весной в ход шла даже прошлогодняя мерзлая картошка, которую не заметили при прошлогодней уборке. Из такой картошки, если ее нельзя было сварить, делали крахмал. А из крахмала — кисели, особенно ягодные, благо в лесу росли всякие ягоды — черемуха, смородина, малина, брусника, черника и, конечно, клюква, которой были усыпаны окружавшие поселок болота.

Ягоды у нас, как у всех сибиряков, были в меню очень популярны, если не сказать обыденны. Заготавливали их с осени в больших количествах, бочками, замачивая в воде, замораживая или высушивая. Их темнозеленые матовоблестящие листья сушились для чая. А травы — крапива, лебеда, щавель и другие — шли в «витаминные» супы. Особенно крапива — мама утверждала, что она хоть и не жирная, но очень полезная, как тогда говорили — «питательная», что в ней много железа и других полезных веществ.

Иногда, очень редко, на наш стол попадала рыба: зимой из колхоза, в котором была рыболовецкая бригада, а летом с

реки, из чужих сетей, которые мы с мальчишками проверяли, плавая по реке на чужом же обласке. Делали мы это неумело и крадучись, прячась от взрослых, рискуя попасться или в руки рыбакам, или в пасть щукам. Встречи с рыбаками мы избежали, но одна щука все же меня укусила острыми зубами, когда я неумело выбирал ее из сети.

Конечно, сами мы тоже рыбачили с удочкой или мордой — сплетенной из ивовых прутьев корзинкой-ловушкой. Лески делали сами, из тонких белых ниток или плели из конского волоса. Крючки выпрашивали у рыбаков или гнули из иголок (хотя и иголки были страшным дефицитом). Кроме удочек, были популярны закидушки и переметы (леска с несколькими крючками).

Еще можно было сходить за два километра от поселка на атарму — древнюю селькупскую ловушку, плотину. Перегородкой, построенной еще зимой из бревен и жердей, переплетенных прутьями, полностью перегораживали Чижапку, оставляя небольшое отверстие, перекрытое сетью. В эту ловушку попадала всякая рыба, которую извлекали, потрошили и солили в бочках или в берестяных коробах, а зимой тотчас замораживали для отправки на фронт. Бригада рыболовов отправляла в год сотни бочек.

А рядом с атармой на берегу реки в большом двухведерном котле постоянно варилось густое варево, называемое ухой. В котел по мере его опустошения сваливали очередную порцию частичковой рыбы (частик — мелкая рыба, которая на заготовки не годилась). Эта рыба там варилась безо всего, без любой другой приправы, даже без соли: соль была большим дефицитом. И приходившим сюда ребятишкам разрешали есть эту рыбную кашу вволю, сколько влезет.

Мяса мы не видели. Его в то время не было совсем ни у нас, ни у наших хозяев. Так же, как нормального, не обезжиренного молока. Вся забиваемая поздней осенью скотина, все

масло уходили на госпоставку, на выполнение и перевыполнение плана: «Все для фронта! Все для Победы!»...

Поэтому, когда к нам пришел с далекой заимки селькуп Кузьма и спросил, нужна ли нам медвежати́на, мы все, конечно, этому обрадовались и ответили вполне определенно и утвердительно.

Но оказалось, что деньги Кузьме не нужны. За мясо, не помню, за какое его количество, он попросил отдать ему книгу:

— Я читать очень люблю, но читаю плохо, медленно очень, — смущенно объяснял он нам. — А читать нечего. Раньше, до войны, хоть газетки привозили из Новосибирска и Колпашево, и книжки попадались. А теперь не стало ничего. А у вас, говорят, книжки какие-то есть?

— Да нет у нас книжек, — ответила мама старому охотнику. — Вот только две детские, сын их читает, уже в третий раз. Жалко их отдавать. А подойдут ли они вам?

— Вот эта сильно мелко написана, — указал Кузьма на Марка Твена. — И название какое-то не такое — «Принц и нищий». А вот эта зелененькая мне нравится — «Волшебник изумрудного города». Уважаю сказки разные. И шрифт крупный, мне подходит.

— А, может, вы ее возьмете к себе, в тайгу? Прочитаете, потом вернете?

— Нет, я ее всю зиму читать буду. Медленно, и с повторами. Потом вот еще: вдруг испорчу, замажу в избушке, или подпалю еще не ненароком. Так что уж отдайте мне ее насовсем. А я вам мяса дам малость, и хлебца еще добавлю, нашего, остяцкого...

Я не хотел отдавать книгу. Нам было голодно, но мы еще не умирали. Но мама без особого труда убедила меня, что книгу надо отдать, что это для общего блага, особенно для Рины, которая маленькая, и без нормального питания ей плохо. А когда она читать научится, мы новую книгу найдем.

Так и решили. Кузьме книгу, а нам — продукты.

Вот так у нас к Новому 1942 году неожиданно появилось медвежье мясо. Да еще с необыкновенным черным хлебом. В двух круглых буханках, замороженных для сохранения, оказались запеченными маленькие кусочки сушеной медвежатины, не виданной нами прежде. Это было очень вкусно! И сожаление от потери книги быстро пропало...

С тех пор Изумрудный город и Элли ассоциируются у меня с сушеной медвежатиной. И с Новым годом, первым в Сибири.

Наступление нового года в нашем малюсеньком поселке Еремино, как и во всей России, отмечалось очень по-разному. Православные и лютеране, католики и иудеи — эту дату одновременно отмечали все. Но дело было не в календарных датах, а в различных ожиданиях и надеждах, возлагаемых на наступающий год. Волею «партии и правительства» здесь были собраны представители разных социальных слоев и культур, сохранившие свои традиции и обычаи.

Наши привычки заметно отличались от обычаев и поведения «старого» населения поселка. Это неизбежно приводило к недоразумениям, иногда довольно серьезным, хотя и курьезным.

Вспоминается такой случай. Однажды вечером в наш дом вошли трое. Они назвались «Комиссия по проверке чистоты санитарии». Среди них был комендант-капитан НКВД, председатель колхоза и местная фельдшерица.

Пришли, чтобы выяснить:

— Действительно ли вы используете одну посуду и для приготовления пищи, и для испражнений ребенка? Об этом нам сказали ваши соседи. О таком «преступном поведении буржуев» знает весь поселок...

Мама не знала, как реагировать на такой вопрос. Что это — чья-то неумная шутка или злой умысел? Уже само присутствие коменданта внушало тревогу. Позже мама не раз

вспоминала, как ее охватил ужас при мысли о том, к каким страшным последствиям могло привести такое обвинение.

А все дело оказалось в том, что эмалированная посуда в сибирской деревне была очень большой редкостью. Больше всего пользовались разнокалиберными сковородками и «чугунками», специально приспособленными для варки в русских печах, жестяными и деревянными ведрами и глиняными сосудами разного калибра и назначения. Алюминиевой посуды вообще не знали. Поэтому, когда за несколько лет до нашего прибытия в лавку завезли партию красивых детских ночных горшков, покрытых зеленой эмалью, местное население мгновенно расхватало их. Прямое их назначение всем было неизвестно. И «ночные вазы», как они числились в сопроводительных документах, стали использоваться всеми в качестве очень удобных кастрюль. К тому же эти сосуды были снабжены ручкой и крышкой, чего не было у традиционных для этих мест, но тоже очень дефицитных «чугунков». Мы же использовали горшок по его прямому назначению.

Комиссия, убедившись в отсутствии «состава преступления», обрадовалась и быстро удалилась.

А у нас в доме потом долгое время бытовало выражение:

– Где же Ринина кастрюля?

Даже в самые тяжелые времена юмор и оптимизм были необходимы. Они помогали выжить в тесноте и в морозы, в условиях полуголодного существования и при отсутствии сведений о родных и близких. Где наши отцы, что случилось с родственниками, оставшимися в Тарту и Риге?

Плохо было нам тогда, когда тяжело заболела тетя Гита. Это случилось посреди зимы, в январе или феврале. От плохого питания и от простуды у нее случилась тяжелая болезнь – фурункулез. Помог мамин авторитет медика, который она уже сумела приобрести у местных. Она убедила председателя колхоза, что Гиту Каплан надо срочно отправить на лечение в

больницу в Усть-Чижапку. Гиту увезли по реке на санях, ук-
рыв тремя овчинными тулупами. Это ее спасло...

Но многие спецпереселенцы, практически лишенные ме-
дицинской помощи и лекарств, уходили в мир иной. Их хо-
ронили на Новоомском кладбище, дальнем из двух еремин-
ских. Оно располагалось западнее поселка и было много
больше восточного, Чернокуринского, находившегося у въез-
да в поселок, перед пристанью. Понятно, что могил на клад-
бище было в несколько раз больше, чем жителей поселка.
Для взрослых очередные похороны были большим горем.

А мы, ребятишки, воспринимали это событие как нечто,
нарушавшее наш однообразный скучный быт. К тому же мы
знали, что у могилы детям раздают поминальное угощение —
какие-нибудь пирожки или даже конфетки-карамельки. По-
этому мы очень хотели успеть к этой раздаче, пробраться по-
ближе к могиле, которую обступали провожающие. Однаж-
ды, в апреле, обгоняя похоронную процессию по раскисшей
рыхлой обочине, я даже утопил в густой вязкой пашне одну
из галош, обутых прямо на носки. Понятно, что мне за это
здорово влетело от мамы — и за то, что без спроса пошел на
похороны, и за то, что потерял галошу. Кого тогда хоронили,
я не помню. Но ту горсточку конфет запомнил...

За зиму 1941—1942 года нашлась сначала наша бабушка
Люба, благополучно эвакуировавшаяся из Тарту в Чувашию.
Потом отыскалась и мамина сестра тетя Ида, с трудом вы-
бравшаяся из Риги буквально из-под пуль айзсаргов (ла-
тышских фашистов) и оказавшаяся с полуторагодовой до-
черью Асей в г. Чкалове (ныне Оренбург). Они разыскали
нас с помощью Всесоюзного центра поиска эвакуированных,
находившегося, кажется, в Бугуруслане. К осени 1942 года
Ида с очень ослабевшей от голода Асей приехала в Карга-
сок. Нашелся и стал писать письма дядя Яша, муж тети Иды,
который с июня 1941 г. воевал на фронте. К этим событиям
я вернусь позже.

Обо всем, что творилось в мире, мы узнавали из скудных и лаконичных сводок Советского информбюро и из кратких рассказов каких-то людей, приезжавших из мест, близких к цивилизации, то есть из Каргаска или Колпашево. Про них говорили — он приехал «сверху», то есть ездил вверх по течению Оби, в Томск или в Новосибирск, на Большую землю.

КАРГАСОК

Через год жизни в Еремино и мы двинулись на Большую землю.

Наша энергичная мама, получив от местного коменданта разрешение на краткосрочную поездку в Каргасок, съездила туда (сплавала) на почтовом катере и добилась в районной комендатуре «перевода» в райцентр. Через неделю мама вернулась за мной и Риной, и мы, быстро собравшись, поплыли вниз по реке. Тетя Гита с сыновьями осталась в Еремино.

До Усть-Чижапки добрались на катере, потом перегрузились на маленький белый двухпалубный пароходик «Тара», ходивший по Васюгану, и в тот же день оказались в Каргаске. Нам рассказали, что «Каргасок» в переводе с селькупского значит «Медвежий мыс». Люди здесь жили очень давно, с каменного века.

Но в Каргаске мы прожили недолго, только до конца лета 1942 года. Ранней осенью нас выселили из Каргаска: таков был приказ комендатуры, на исполнение которого отводилось одни сутки. Причины нам не объяснили, хотя она была простой: в Каргаске оказалось слишком много спецпереселенцев, а «на периферии» рабочих не хватало. Кроме того, не хватало квартир для эвакуированных. И много семей было вынуждено покинуть райцентр. Мы погрузились на телегу, запряженную быком и отправились в Бондарку, небольшое село на правом берегу Васюгана, в 8 километрах от Каргаска.

В октябре 1942 года с последним пароходом к нам из Чкалова приехала тетя Ида с Асей. Мы втроем встретили их на пристани. Потом пешком пошли обратно. Таежная дорога от Каргаска до Бондарки представляла после осенних дож-

дей залитую жидкой глиной колею, прерываемую кое-где колдобинами и лужами. Обувь была — какие-то городские туфли. Мы с Идой и мамой несли по очереди чемодан и маленькую Асю, скользили, падали и плакали. К вечеру дошли до Бондарки, где жили у моста в небольшой низкой избушке размером 5х6 метров.

В избушке всего одна комнатка с двумя маленькими оконцами, дымящаяся печка, дощатые нарты («топчаны») и один стол. Сиденьями служили чурки. Но вещей у нас было очень немного, вся посуда умещалась на одной небольшой полке, а спать всем вместе было даже теплее.

Сегодня, спустя многие годы, я вспоминаю это место как самое унылое, тяжелое, самое грустное из нашей жизни в Нарымском крае. Именно здесь мы получили из поселка Сосьва Свердловской области (Северный Урал), из лагеря п/я № 23-а, официальное извещение о смерти папы. Наш папа умер в ноябре 1941 года в одном из известных лагерей, находившихся на реке Сосьва. Его не расстреляли, он не замерз среди сугробов северной тайги и его не задавило упавшее дерево. Как рассказал потом дядя Миша Каплан, Борис впал в апатию, его охватило отчаяние и он полностью потерял веру в жизнь, всякую надежду на будущее. И умер от дистрофии, последовавшей вслед за дизентерией. Дядя Миша его и похоронил в братской могиле.

То извещение у нас не сохранилось, от него остался только один конверт из грубой оберточной бумаги, поступивший в Каргасок 26 сентября 1942 года. Много позднее Прокуратура Эстонской ССР прислала справку о реабилитации отца, в которой говорилось:

«На основании ст. 1 ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 19 февраля 1990 г. «О реабилитации лиц, репрессированных во внесудебном порядке и безосновательно осужденных» полностью реабилитирован.

Бахит Борис Шлемович 1902 г. рожд., уроженец гор. Тарту Эстонской ССР национальность еврей до ареста проживал в гор. Тарту арестован 13 июня 1941 г. репрессирован решением [срока не заполнена — Ф.Б.] находясь в заключении в Севураллаге умер 15 ноября 1941 г. до рассмотрения дела в суде. Наказание отбывал [срока не заполнена — Ф.Б.] со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Примечание: сведения об имуществе в деле отсутствуют. Первый заместитель прокурора Эстонской ССР Ю.О. Роотс.»¹²

Мамины рыдания и стенания тех дней до сих пор звучат у меня в ушах. Это страшное известие для нее оказалось несравненно более тяжелым, чем сама высылка из Тарту и события нарымской ссылки. Эти дни вспоминались мне потом многие годы, особенно в день рождения отца, 19 февраля (5-го по старому стилю), когда мама, следуя обычаю, ставила свечку в углу комнаты под маленьким папиным портретом.

Тетя Ида, как могла, утешала ее и заботилась о двух малышей, Асе и Рине. А я не находил себе места в наполненной горем и дымом маленькой низкой избушке. И убегал на улицу, в мороз, «гулял», насколько хватало терпения и худой одежки...

В Бондарке из спецпереселенцев-прибалтов была, кроме нас, только одна эстонская семья из Выру. Жили здесь, в основном, молдаване (бессарабы) и украинцы. Со мной в школе на одной парте сидела девочка Катя с поразившей меня фамилией — Оцедак, что значит по-русски — «Вот так!».

В этой школе я благополучно закончил третий класс.

Помнится, что в Бондарке было по тем временам сравнительно сносно с продуктами. Даже в школе на большой перемене нам давали горячий обед: суп или щи в глиняной миске с деревянной ложкой, кусочек хлеба, стакан (тоже

---

¹² Справка от 13.07.90 г. № 13/3911/89. Орфография сохранена.

глиняный) чаю (конечно, несладкого). Может быть, такая «роскошь» объяснялась тем, что в этой деревне существовало «военное» производство. Артель, кроме мирной продукции — бочек, саней и дуг, выпускала заготовки для винтовочных лож и широкие солдатские лыжи, очень нужные фронту.

Была в Бондарке и рыболовецкая бригада, ловившая зимой и летом и на Васюгане, и на Оби. Раз шел лов, то нужны были и снасти. То есть, находилась работа и маме, а мы с тетей Идой помогали ей вязать рыболовные сети, которые здесь почему-то звали «дель».

В магазинах в то время не было ничего, кроме того, что полагалось выдавать по карточкам. Карточки разные по цвету и назывались «рабочие», «служащие», «иждивенческие» (старикам, детям, инвалидам). По первым норма была больше, в разное время и в разных местах по-разному, от 400 до 600 г хлеба на день. Иждивенцам — вчетверо меньше. Служащим, к которым относились мама и тетя — посредине. Продавщица каждый день ножницами вырезала из хлебной карточки маленький (один сантиметр) квадратик с датой, опускала его через прорезь в деревянный ящичек-копилку, а в конце дня наклеивала эти талончики на листы бумаги для отчета.

Кроме хлеба, по карточкам выдавались сахар или конфеты (если они были в магазине), жиры (300 г на месяц), крупы и макароны, мыло (только хозяйственное, для стирки, 1 пачка), соль 400 г, спички 5 коробков¹³. Карточки получали ежемесячно в картбюро. Лишиться их (потерять или попасться вору) было самым страшным событием, а для некоторых это могло стать буквально вопросом жизни или смерти. Люди жалели таких несчастных, но помочь им не могли.

---

¹³ Монголина Н.Г. Краткий очерк к истории Каргасокского района // Земля Каргасокская: сборник научно-популярных очерков / отв. ред. Я.Л. Яковлев. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. — 344 с.

Однажды, когда мы уже вернулись жить в Каргасок (весной 1943 года), тетя Ида в самом конце месяца принесла все наши пять карточек. Утром она ушла на работу, мама с Ринной тоже ушли, а я остался с Асей, так как учился во вторую смену. Естественно, я увлекся какой-то книгой, а Ася, которой шел четвертый год, тихо сидела на полу и занималась «рукоделием». Это было ее любимым занятием — вырезать картинки из старых журналов. А на этот раз ей попались продуктовые карточки...

За этим делом нас и застала тетя, придя на обед. И пришла в ужас — Ася заканчивала стричь ножницами уже четвертую карточку. Это была карточка ее мамы. Свою резать она решила последней. Как она это «решила», осталось загадкой — читать она еще не умела...

Нетрудно представить, какова была реакция тети Иды: как я мог оставить малышку без присмотра с таким опасным предметом в руках?! И с чем завтра идти за хлебом?

Все закончилось всеобщим плачем. Тете потом пришлось сидеть всю ночь, склеивая карточки из мелких кусочков. (Это напоминает пазлы XXI века). В картбюро нас пожалели и заменили карточки новыми. А могли и не заменить: на них было четко прописано «при утере не возобновляется». Но тетя смогла убедить их, что карточки не утеряны, а только испорчены, и требуют замены.

Сегодняшней молодежи трудно представить себе буквально пустые прилавки и магазинные полки, как будто перед ремонтом или переездом. Существовал только один товар, которого можно было получить в досталь (не купить, тогда магазины только «выдавали» положенное, а мы «получали» или «доставали» что-то). Этим продуктом являлся чай. Разный и красивый: очень редко настоящий черный китайский, обычно ягодный, витаминный (из шиповника), морковный и даже липовый. Такой чай, не поддельный, а подлинный, из очень пахучих, но почему-то невкусных листьев липы, стоял

целыми рядами красных пачек с непонятными для нас надписями на английском языке. Это была американская помощь, доходившая даже до Васюганья.

Но если без сахара, мяса и жиров мы как-то обходились, то жить без соли было очень плохо. Соли нам в Бондарке не хватило. В магазине ее вообще не продавали. В некоторых поселках, более удаленных от райцентра, соль не выдавали по полгода. Но нам повезло: оказалось, что талоны на соль можно отоварить в Каргаске. Это следовало сделать срочно, иначе талоны пропали бы. И я был послан туда за солью. Произошло это в конце октября.

Те восемь километров совершенно безлюдной таежной дороги стали первыми из тысяч пеших километров, которые суждено было мне пройти в геологической жизни. Дались они мне с большим трудом. Мои взрослые попутчицы, две молодые женщины, уже после первых двух километров посоветовали мне вернуться домой. Понятно, что мне, десятилетнему, обутому в какие-то громадные селькупские сапоги-чирки, было не угнаться за молодайками. Я не успевал за ними, сильно отставал, и им надоело меня поджидать.

И они ушли вперед без меня.

А я чувствовал себя обязанным выполнить такое поручение. Ведь на меня возлагалась вся надежда. Не даром мама называла меня «Мой мужчинка».

Но я не знал, что меня еще ожидает впереди. По неопытности я не представлял себе, что в это время на севере быстро темнеет. А ужасно грязная дорога займет у меня часа три-четыре. Я засветло успел только получить соль, выстояв длинную очередь в районном магазине.

Нагрузившись солью (унес не сколько мог, а сколько дали, то есть всего килограммов пять), я потащился в обратный путь. Мне удалось не заблудиться, не потеряться. И добрался я до дома в полной темноте, поздно вечером, где меня с беспокойством ждали все наши четыре женщины. Я был

очень горд и доволен, что меня назвали настоящим мужчиной. Сбитые ноги и усталость быстро забылись. Но ощущение дискомфорта от ночного одиночества на тяжелой таежной дороге запомнилось навсегда...

В Бондарке мы прожили всего одну зиму, вернувшись весной снова в Каргасок. Этому возвращению очень помог дядя Яша Кац, гвардии капитан, которого отпустили из госпиталя в краткосрочный отпуск на лечение после тяжелого ранения. Он приехал в мае и прожил с нами до осени, до последнего парохода.

После его отъезда я долго вспоминал фронтовые рассказы и его наставления по поводу необходимости каждодневного утреннего мытья. Памятны и походы в лес за дровами, для плиты: электроплиток, газа и даже керосинок-примусов тогда и в помине не было. И дрова постоянно надо было запастись на зиму.

Тетю Иду в Каргаске приняли библиотекарем в школу. Мама смогла, как специалист-медик, получить место в детском саду. Ей доверили работу няни и санитарки. Приходилось не только мыть полы, кормить и убаюкивать детей, но и выносить на улицу горшки и помойные ведра. Как-то раз, не удержавшись на обледеневшей лестнице второго этажа, мама упала с полными ведрами в руках. Повредила себе позвоночник, лежала, ее долго лечили, в том числе прикладывая к спине «сухое тепло», то есть мешочек с нагретым песком или прямо горячий утюг. Через несколько лет последствия этой «залеченной» травмы проявились в виде туберкулеза позвоночника, который потом не отпускал маму до конца жизни. Но ее работа с детьми как-то сыграла свою положительную роль: мама впоследствии, уже в Томске и Новокузнецке, стала опытным и уважаемым педиатром.

В Каргаске нам на пятерых даже дали одну комнату в двухкомнатной квартире в старом деревянном доме на улице Красноармейской 20, напротив бани. От нас было недалеко и

до школы. Близость этих объектов была очень важной, удобной: так меньше ощущались суровые морозы, которые для нас, непривычных и плохо одетых, стали большим испытанием.

Эта улица и перпендикулярная ей центральная Советская поразили нас своей невиданной мостовой, сооруженной из деревянных чурок, поставленных стоймя, торчком. Она так и звалась — «торцовая мостовая».

Красноармейская улица, пересекавшая все село, упиралась на востоке в обрывистый берег Оби, а на западе в лес. Этим ограничивалось отведенное нам жизненное пространство: даже кратковременный уход из села, ночевка в соседней деревне или просто в лесу без разрешения нам были категорически запрещены. Это приравнивалось к побегу и считалось преступлением.

Но нас такое ограничение не очень тяготило. Ехать нам все равно было некуда. Окружающие нас эвакуированные, как и большинство местных, жили ненамного лучше нас. Высланных разных мастей и национальностей было так много, что наш социально-юридический статус никого не удивлял и не трогал. А мы, наша семья, своего еврейства никогда не скрывали и не стеснялись его, хотя, конечно, и не выпячивали «в обществе» своего происхождения.

Тем не менее, мы никогда не забывали своего прошлого. Мама рассказывала о своих родителях, о еврейской истории, о знаменитых евреях — Спинозе, Дизраели, Шолом-Алейхеме. В Пейсах, в апреле (точный день мы не знали), мама иногда готовила несколько пресных лепешек — что-то вроде мацы. У нас это воспринималось не как часть религиозного ритуала, а как одна из древних традиций предков.

Евреев в Каргаске было очень мало, несколько семей. Большого веса в общественной жизни они не играли. Сколько-нибудь выдающихся людей среди них не было. Все это не создавало условий, необходимых для подпитки антисеми-

тизма — и бытового, и государственного. И мы его ощущали только в редких случаях, как, впрочем, и евреи всей Сибири.

Но того же нельзя сказать о немцах, высланных сюда с Поволжья. Отношение к ним было двойственное. С одной стороны, они не были «врагами народа», как мы, прибалты и многие другие. И их ведь переселяли не выборочно, как нас или до нас раскулаченных, и без изощренных гонений. В тюрьмы и лагеря попадали немногие их мужчины. Высланные в Сибирь или Казахстан, они, не подпадая под действие статьи 58 Уголовного кодекса («измена Родине»), не лишались пенсий, званий и даже партбилетов. Но, с другой стороны, эти «наши» российские немцы, которых гитлеровцы называли «этническими» немцами или «фольксдейче» (народные немцы), выглядели как бы родственниками фашистских убийц и врагов. Поэтому более или менее настороженное отношение населения к ним хоть и редко, но проявлялось в разных мелочах. И не только в мелочах. То кого-то из них прямо в глаза фашистом назовут, то при раздаче продуктов обделят, и т.д.

В одной с нами квартире на Красноармейской соседнюю комнату занимала семья Трошиных, вывезенных из блокадного Ленинграда по ледовой Дороге жизни. Мать — повар в столовой, отец был на фронте. Их дочь Ксения училась в 9 классе, а сын Коля оказался моим одноклассником. Мы с ним очень подружились, и даже переписывались после войны, когда они вернулись домой. Коля изредка водил меня к своей маме в столовую, где нас, вечно голодных, всегда чем-то подкармливали. Это называлось «угощали».

Однажды я от Колиного угощения получил весьма болезненную травму. Дело было так: друг тихонько вызвал меня вечером в коридор, в темноте полез в карман и сунул мне в руку кусок хлеба, чем-то посыпанный. Мне показалось, что это сахар, я быстро откусил половину и тут же почувствовал, как рот мне обожгло, будто огнем. Оказалось, что весь хлеб

был укутан черным охотничьим порохом! В то военное время у многих мальчишек карманы были набиты военными предметами — патронами, порохом, звездочками и т.п. А Коля, пряча хлеб для меня, просто перепутал карманы...

Я долго плевался, полоскал рот, два дня потом ничего не ел, а только пил, но никому пожаловаться не смел: и порох, и хлеб попали к нам отнюдь не благопристойными путями, и рассказывать об этом нельзя было никак.

А Капланам разрешили перебраться в Каргасок «на воссоединение» с бабушкой, эвакуировавшейся из Тарту в Чувашию и потом сумевшей в одиночку преодолеть все тяготы долгого и сложного пути до Каргаска. Ей тогда было 75 лет!

Тетя Гита с Аликом (Яша оставался один в Усть-Салате, на Васюгане) и бабушкой Любой с сентября 1943 года до июня следующего года жили недалеко от нас, в разваленном бараке на берегу Оби, на Пушкинской 12. Их «дом» был слеплен из нескольких маленьких низких хибарок, пристроенных друг к другу в один ряд. Эту постройку почему-то звали «Шанхаем» или «Соединенными Штатами». Так во всей России назывались трущобы, задворки. Во дворе у них и на крыше лежали дрова, доски и разный хлам. Хозяином барака был инвалид войны Шошин. Его многодетная семья очень бедствовала, голодала. И однажды они поймали и убили колхозного коня. Мясо рубили ночью, громко распевали песни, прячась от посторонних. Потом варили. Запах был манящий, и мы завидовали. Но собаки откопали кости в снегу, растащили их. Шохина посадили в тюрьму.

А летом 1944 года бабушку и Капланов всех отправили обратно, в Усть-Чижапку. Конечно, возвращаться туда они очень не хотели, им было очень тоскливо, но все же это было лучше, чем снова попасть в находящееся на краю света Еремино.

Недалеко от дома Капланов стоял районный Дом культуры. В нем шли кинофильмы, сменявшиеся всего раз-два в

месяц. Из-за отсутствия света иногда приходилось часами крутить ручку динамомашины руками. Часто занимались этим ребятишки, которых за это бесплатно пускали в зал.

В райцентре был даже музыкальный театр, с украинским и западным репертуаром, с которым мы все ознакомились за зиму по нескольку раз. Это очень известные оперетты «Наталка-полтавка», «Запорожец за Дунаем», «Ой, не ході, Гріцю, тай на вечерніці», «Сильва», «Цыганский барон» и другие. Ставила их труппа артистов, эвакуированных из Полтавы (Украинский театр имени Шевченко). Мама принимала кого-то из них у себя дома, устраивая нечто вроде салона, с патефонной музыкой и импровизированным угощением. Патефон с ручным пружинным заводом брали «на прокат», на вечер у кого-то из артистов. Изношенные старые иголки затачивали на оселке. Благодаря этим атрибутам Каргасок по сравнению с Еремино казался нам чуть ли не столицей.

Приходили к нам в гости разные люди, рассказывали о своих довоенных путешествиях, читали на память стихи, пели какие-то песни и, конечно, рассуждали о будущем, которое начнется тогда, «когда кончится война». Среди них была и молодая художница, рижанка Мария Возлинская. Аquareльный портрет Рины ее работы, выполненный на обрезке картона от какой-то старой коробки, остался единственным, сохранившим облик сестры тех лет.

Одним из важнейших учреждений в селе была баня. Раз в месяц мы все ходили туда на «санобработку», на определенные часовые «сеансы», как в кино. В общей бане быстро, но тщательно мылись, не жалея воды и простого хозяйственного мыла. Без справки о пройденной санобработке не выдавали карточки на следующий месяц. Так боролись со вшами, но, к сожалению, не всегда успешно. Вшивость, которая сейчас высокопарно зовется педикулезом, почему-то не проходила, словно тлея среди населения. Но эпидемий сыпного тифа в то время у нас не было.

Насекомые, конечно, нам очень досаждали, но иногда, как ни странно, оживляли нашу жизнь: весь класс возбуждался, когда у кого-то вдруг обнаруживалась живность в волосах или на одежде. Несчастливого плачущего школьника с позором прогоняли домой — «Без справки о санобработке не приходи!» — наставляла «провинившегося» учительница. И ругала дежурных по классу, в чьи обязанности входило проведение ежедневного осмотра всех голов.

Меня больше всего в Каргаске радовали библиотека, река (летом) и лыжи зимой. Лыжня начиналась прямо у дома и уходила далеко в лес, через замерзшее болото в сторону реки Парабель. По ней мне нравилось бегать даже в темноте, по вечерам, вернувшись из школы. На Севере, хоть и на ближнем, зимой темнеет рано, а в домах электричество горело не всегда.

Каргасокская детвора зимой каталась на лыжах с высоко обрывистого берега Оби. Тут я сломал ногу. Точнее, ее сломала какая-то грузная деваха, наступив на мою ногу, когда я ехал домой, лежа поперек саней. Месяц я пролежал дома в гипсе, чему был очень рад: не надо ходить в школу! Лежал, сидел и вырезал из дерева самолетики с красными звездами, истребители, воевавшие на фронте.

А летом мы проводили все время на Оби, около пристани. Удили рыбу, целыми днями купались и грелись у костра, который горел не переставая. Благо дров на берегу хватало. Кстати, без дров домой возвращаться не полагалось. Матери нас ругали:

— И сейчас надо топить плиту, и на зиму дрова надо готовить. Вся надежда на вас, мужчинок-мальчишек.

Находясь на берегу, мы внимательно наблюдали за разгрузкой пароходов и барж. Нас все время не оставляла надежда чем-то поживиться: привезут ли сахар в мешках, или хозяйственное мыло, а то и карамельки в ящиках, или кормовую макуху (жмых, прессованные отходы масличного произ-

водства) большими, по 10–20 килограммов, кусками. Что-то мы выпрашивали у грузчиков, что-то молниеносно выхватывали из разбившегося при падении ящика.

Особенно оживленно было на берегу в самом начале навигации, то есть в апреле, после ледохода. Надо сказать, что ледоход — это всегда событие, особенно в тех местах, где нет наземного пути, и все население живет в ожидании пароходов. Это, конечно, нашло свое отражение в дневнике наряду со школьными и прочими большими и малыми событиями. Ниже приведены отрывки из моего дневника тех лет, которые приведены с сохранением стиля и детской орфографии:

«20-IV-44 г. Сегодня в школе Анна Васильевна [наша учительница в 4-м классе] и мы все пошли на реку. Лёд действительно шел всякими фигурами, кораблями. Вода прибыла метра на 2 с 1/2.

22-IV-44 г. Сегодня лёд тоже идет. Я в школу не пошёл. Вчера сидел у Трошиных и кот ихний употребил мои галоши как уборную, и они не высохли. Я взял ботинки из школьного склада.

26-IV-44 г. Сегодня писали самостоятельную по арифметике и Контрольный диктант. Сегодня приехал пароход «Магнитострой». Я был на пристани. Прочитал «Героический полет» Годины.

27-IV-44 г. По самостоятельной я ничего не получил, по диктанту 3. Сегодня пришли 2 парохода — «Карл Маркс», «Александр Невский». Они превезли водки и пива, на первый май будут давать.

29-IV 44 г. Сегодня я получил по русскому 5; спрашивали правила прямой речи, сложное предложение и неопр. Ф. глагола; по истории за дополнению тоже 5 и по чтению за чтение и пересказ рассказа «Первый май» — тоже 5.

30-IV-44 г. Сегодня мы учились. После школы я ходил по дрова на берег вниз и за закупками. Я с Колей пошел за пивом

но достали только 2 литра. Я напился пива и осталось только $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$ л. -ой банки.

1-ый Май! — **День моего рождения.** [Здесь и ниже выделено в оригинале].

Сегодня утром очень сильно болел живот и стал понос. Это наверно от пива. Ида мне подарила бумагу на дневник.. Бабушка через Гиту передала письмо следующего содержания: «Дорогой Цвика! Поздравляю тебя с днем рождением и желаю тебе в будущем году со своими двоюродными братьями встречать этот день в более теплом климате и быть здоровым и счастливым. Я бы лично тебя поздравила [далее два слова неразборчивы] болит очень и также поздравляю тебя Аня с днем рождения Цвики и желаю тебе иметь много радостей от Цвики и Риночки. Целую всех! Бабушка». Потом приписка: «Дорогой Цвики! Я не могу купить тебе кое-что, то посылаю тебе 15 р. на кино. Бабушка». К этому письму было приложено 15 р. Еще Анела и Н. Френкель принесли тарелку с гороховой кашей, винигрет с яйцом и кренделёк с 2 лепёшками с вареньем. Мама нажарила стерлядей. Ужванская принесла торт с вареньем из свеклы, яйцо, морковки, брусники. Было очень вкусно. **Но я остался голоден...**

5-V-44 г. Я не мог писать, так как не имел пера. Я достал у Фимы химический карандаш. [Из карандаша разводили «химические» чернила фиолетового цвета]. З.V. получил 3 по русскому устно, получил на днях 5 по эстествознанию. Мне Коля должен 2 марки. Я достал клепку (заготовки для бочек, которые шли у нас в печку) и достал за 5 рубл. 3 марки...

16-V-44 г. По диктанту 3. Писали еще один. Променял 4 одинаковых палестинских марки.

Видно, что собирание марок уже тогда увлекло меня. Но я не просто «копил» почтовые миниатюры, а интересовался их содержанием, сюжетом. Это, конечно, не было настоящим коллекционированием, для десятилетнего мальчишки это

было бы преждевременным. Лишь много лет спустя, когда я серьезно заинтересовался филателией, детские марки мнегодились. Но марками тогда занимались многие ребята, коллекционные знаки почтовой оплаты продавались в книжных магазинах, несмотря на все тяготы военного времени. О них писали в газете «Пионерская правда», в детских журналах, которые я регулярно читал в читальном зале.

То, что тетя Ида работала в библиотеке, давало мне возможность читать много и все подряд. Хоть библиотека и школьная, но книги там попадались совсем «взрослые». За такие книги мне влетало, особенно за чтение на уроках, с книгой под партой, на коленях.

ВВЕРХ ПО ОБИ. ЧЕРЕЗ КОЛПАШЕВО В ТОМСК

Летом 1944 года мы переехали в Колпашево, в ближайший и единственный в округе город. До 1939 года он являлся административным центром Нарымского округа, известного в России с XIX века как место ссылки. Нарымский край площадью около 200 тысяч квадратных километров был настоящей тюрьмой без решеток. Казачий острог заложен здесь еще в XVIII в. Со своими пятнадцатью тысячами жителей город считался крупным в области, в которой тогда было всего три города.

Разрешение на перевод нас с мамой из Каргаска в Колпашево выхлопотала тетя Ида, как эвакуированная, как жена офицера-гвардейца и орденосца, дважды раненого, и как специалист, опытный педагог. Все это она изложила в пространном заявлении на имя начальника Управления МВД по Томской области, ответ на которое пришел, по тем временам, очень быстро – всего через два месяца. 21-го июля 1944 года такое разрешение на переезд было маме вручено в комендатуре, и через три дня мы все уехали из Каргаска.

Началась новая жизнь. Окружной центр произвел на нас большое впечатление. Вот что я записал в дневнике:

25-VII-44 г. Вот и Колпашево! Какая большая пристань! Одних катеров 14 и 4 буксира!...

28-VII-44 г. Я хожу в читальню. Когда мама пропишется, запишусь в библиотеку.

10-VIII-44 г. Мамин день рождения. Сегодня все ходили в кино на звуковой цветной фильм «Веселые артисты»...

В Колпашево мы стали жить в центре, в Колпашевском переулке № 17, в небольшом двухэтажном бревенчатом доме. Однокомнатную квартиру дали тете, как эвакуированной.

Город располагался на правом берегу Оби, высоким обрывом спускавшемся к воде. Деревянный город, с деревянными торцовыми мостовыми и дощатыми тротуарами, как в Каргаске. Но тротуары имелись только на центральных улицах. А кругом была пыль летом и непролазная грязь осенью. Причем «непролазная» надо понимать абсолютно буквально: при возвращении из школы глубокой осенью, мне, чтобы добраться до своего дома, нужно было пересечь неширокий Колпашевский переулок. А это оборачивалось сложной проблемой: посреди улицы разлилась большая лужа, окруженная месивом вязкой глины, растоптанной скотом. Беда была в том, что в грязи с ног снимались ничем не закрепленные галоши, одетые на толстые стеганые ватой «демисезонные» носки, называвшиеся «бурками». Так что домой приходилось пробираться через огороды соседей. А когда в конце октября грязь замерзла и остались одни твердые кочки — это принесло настоящую радость.

В городе находились районные (бывшие окружные) учреждения, больница, три школы, кинотеатр, библиотека, Дворец культуры с разными группами по интересам, аэропорт и пристань. И, наконец, здесь же, в центре, была большая комендатура НКВД. С этим учреждением мы познакомились в первую очередь, так как всех под роспись обязывали отмечаться там раз в месяц.

Вместе с мамой ходили на «отметку» много людей. Тут были латыши и эстонцы, евреи и поляки. В долгих многочасовых очередях в комендатуре стояли и представители давнего «старого контингента, но их было сравнительно немного, не как в Каргасокском районе.

Тетя Ида стала работать в районной (бывшей окружной) библиотеке, заведующей передвижным фондом. За эту важ-

ную должность ей выдавали рабочую продуктовую карточку. В библиотеке имелось много книг и журналов, свежих и старых, довоенных. Для меня это стало настоящим раем — я сам выбирал на полках то, что хотел, и читал, читал... Записывал в дневник:

21-1-45 г. За эти три недели прочитал вот что: «Два капитана» Каверина, «Отверженные» Гюго, «Детство» Горького, «Звезда КЭЦ» неизвестно кого, «От костров до радио», «Прощай оружие» Хемингуэя и многие другие. У меня хорошие оценки за 2 четверть: только одна 3. Передали по радио, что наши войска уже заняли города в Восточной Пруссии. Прибыла посылка от Габриэля Бахита...»

Библиотеку я не просто посещал, не просто ходил за книгами, а прямо-таки жил в ней. Там было достаточно места, что-то вроде маленького читального зала. Было тепло (зимой это очень существенно), тихо, уютно. Мне нравились журнал «Вокруг света» с его статьями про весь мир, газета «Пионерская правда» с печатавшимися в ней длинными фантастическими романами А. Беляева и разными военными повестями. На полках стояли Алексей Толстой, Жюль Верн, Артур Конан-Дойль, Эдгар По и другие известные писатели-фантасты. Страницы Миклухо-Маклая, Пржевальского, Ливингстона звали в дальние путешествия по экзотическим неведомым странам, к совершенно разным народам. Все это подкрепляло любопытство.

Я не только глотал книги, но и записывал в дневник кое-что на память, сопровождая выписки комментариями. Естественно, что это отражало мои интересы того времени. Оказывается, что 1945 году меня увлекали и строение планет, и поиски золота (конспект книги Адамова «Покорители недр»), и жизнь таежных аборигенов (книга очерков В. Финка «Евреи в тайге», 1932 г.) и многое другое. То есть уже тогда во

мне определенно проявлялась разбросанность в интересах, простирающихся от геологии до истории.

К тому же, эта естественная тяга к познанию неведомого, свойственная возрасту, усиливалась нашим положением, общественным статусом: мы были официально лишены прав на путешествия, даже пересечение Оби по зимнему льду, или летом на лодке или пароме до левого берега, рассматривалось как преступление и сурово каралось по закону. Страшным наказанием за такое нарушение комендантского режима могла быть отправка к первоначальному месту поселения, то есть в Каргасок или даже в Еремино. А путешествовать с книгами и географическими картами в руках не возбранялось, а даже в какой-то мере поощрялось. Это мое увлечение автоматически гарантировало школьные успехи в истории и в некоторых других науках. Но отнюдь не по математике или по русскому языку, которые я просто не воспринимал. Поэтому-то пятерки по любимой и «полезной» географии, и совершенно необходимому военному делу чередовались с единицами по арифметике и русскому.

Мама поступила на работу в какую-то местную артель, занимавшуюся вязанием шерстяных вещей и рыболовных сетей. Выбора работы у мамы не было, так как по специальности ее никуда не брали. Работу давали на дом, так что проблем с устройством Рины не возникало.

Лето прошло в основном на реке. Здесь все то же, что и в Каргаске: купанье, рыбная ловля, костер у воды, компания мальчишек. И вечная забота о дровах, которые надо тащить с берега домой. Там, на реке, плавника хватало всем, и многие местные жители, что-то собирая по берегу, а что-то вылавливая на лодках из воды, запасались топливом на зиму. Наша же проблема заключалась в том, что всегда хотелось унести бревнышко побольше, но не всегда хватало детских сил на то, чтобы вытащить на высокий берег выбранную с утра лесину. Иногда несли одно бревнышко вдвоем, но такой способ

был нежелателен: могли возникнуть сложности при дележке добычи.

На берегу было интересно: проходили и иногда причаливали к берегу большие белые пароходы, всякие баржи и катера. Пароходы швартовались у большого двухэтажного дебаркадера. Через Обь ходил паром, который тянулся на буксире за маленьким пароходиком «Бийск». Изредка на воду садился однокрылый двухместный самолетик — гидроплан. Он возил почту и по одному пассажиру. К самолету можно было подплыть и ощупать его поплавки и крылья. Для ребятшек это большое событие.

Здесь, на Оби, я научился плавать. От крутого обрыва к воде полого спускался широкий песчаный пляж. Теплый светло-желтый песок был чистым и мягким, таким же, как на средиземноморских пляжах где-нибудь в Герцлии или Яффо. Хотя здесь и не бывает больших штормов и скрытых течений, но ям на неровном дне достаточно. Попав в одну из таких ям, я однажды чуть не утонул, оказавшись на пустынном берегу один, но сам благополучно выбрался на берег. Долго лежал, тошнило и рвало, в глазах туман. Клялся себе, что больше близко к воде не подойду. А наутро позвали соседские ребята, и я снова пошел на реку.

Об этом тоже напоминает дневник:

«11-VIII-44 г. Я считаю, что научился плавать. Проплыл 25 метров. Прочитал книгу «Малахитовая шкатулка».

Так как мы в Колпашево приехали поздно, после посевной кампании, то приусадебного огорода и загородной пашни у нас не было, и картошку мы, как и в Каргаске, не садили. Осенью пришлось все покупать на зиму. Понятно, что хранить картошку было негде, и ее ссыпали на хранение под кровать, в отгороженное досками место.

Картошка тогда для всех — основной спасительный продукт. Ее садили и около дома, и на улицах, вдоль проезжей части, и на пригородных полях. Поля располагались и в лесу, на сравнительно недавно расчищенных полянах, на них в изобилии водились кроты. Мы, мальчишки, ловили этих кротов с помощью маленьких капканов. Делалось это очень просто: шли по рядам проросшей картошки, стараясь наступать рядом с кустами. Там, где нога проваливалась, чуть-чуть раскапывали землю, находили вход в нору и устанавливали открытые капкан, безо всякой приманки. Вот так, расставим по кругу два-три десятка капканов, а потом собираем добычу. Шкурки пойманных грызунов сушили и сдавали заготовителям пушнины, получая за это деньги, как настоящие взрослые охотники.

Около дома зеленело несколько небольших грядок. Выраставшая там овощная мелочь являлась хоть и небольшим, но существенным подспорьем в нашем скудном питании, которое приобреталось в магазине по нормам военного времени. Кое-что покупали у соседей, а базара в том городке в военные годы практически не было. Чтобы быстрее отоварить карточки в магазине, мы подряжались (разумеется, бесплатно) доставлять хлеб из пекарни на ручной тележке.

Небольшая, но вполне реальная помощь стала приходиться в 1943—1944 годах из США через Иран в виде посылок от еврейского благотворительного фонда «Джойнт» и от старых друзей, живших в эвакуации в России. Каждая посылка для нас становилась событием, которое обсуждалось почти так же серьезно, как последние известия с фронта и домашние происшествия. Об этом в моем дневнике того времени сохранилось несколько характерных кратких записей, которые я приведу дословно.

«2-II-44 г. Сегодня была контрольная по арифметике. Получил за нее 4. Сводка Информбюро: «Взяли город Кингисепп. Более 50 нас. п. Много пленных, трофеи...»

9-II-44 года. Сводка Информбюро. 3-ий и 4-ой Украинские фронты взяли город Никополь, форсировали р. Днепр и очистили плацдарм в излучине Днепра. Взяли много нас. Пункт. Взято 24 танка, 338 пулеметов, 7 тракторов-тягачей, 2000 винтовок и другие трофеи. Взято в плен 2000 немцев. Мы получили опять посылку через Тегеран. Марок нет [Тогда я уже начал собирать марки]. В посылке были: 1 пара ботинок, пара туфель, трико, шарфик, три пакета ваты. Было много сургу-ча. Из сургу-ча я растопил маленький круглый шарик...

14-II-44 г. Сводка Информбюро: Наши войска взяли города: Луга, Гдов. Взяли 800 нас. пункт. на Восточном побережье озера Чудского. В итоге Освобождено все Восточное побережье Чудского озера. Сегодня получили от Кропманов из Тюмени посылку. В посылке было: крупа рисовая, сахар (американский), кофе, витчина (барана), свитер (Рине), ботинки (Асе), чулки (Рине), носки (Асе), масло (сливочное). Сегодня Коля [Коля Трошин, мой друг сосед-одноклассник, эвакуированный из Ленинграда] подрался с Аликом и Алик опрокинул горшок, куда Рина с Асей делают (свои дела). Мама ругалась очень...

5-V-44 г. Мы выкупили несколько посылок, и в них было: платье маме, красная вязаная кофта, которую мама выменяла на 1 кг масла, Рине перчатки, мне носки, нитки, иголки, бумага лощеная, конверты, 1 карандаш и Рине масляные краски с кисточкой, которые мама оставила на 16 мая...

15-V-44 г. Сегодня мы писали контрольный диктант. По нему получил 3. Мама выкупила посылку¹⁴. В ней было мыло, чулки, три майки, трусы, Рине пальто и шерстяная шапка. На посылки были марки. Одну променял Коле на Шуру Чекалина, Героя Советского Союза...

16-V-44 г.... На Ринином рождений Гита подарила 4 литра молока. Мы испекли торт и печенье из пшеничной муки. И намазали их кремом, которое она сделала из сахара и яйца.

---

¹⁴ Выкупить посылку — в то время до получения посылки следовало внести плату за ее хранение.

Рабинович дала мне 2 иранские марки. Коля дал одну. Сегодня идет кино «Комсомольцы». Нет денег идти...

6-VI-44 г. Сегодня мы получили посылку из Тегерана, которую нам пришла 29-V-44 г. В ней было 1500 гр. Индийского чая, 1000 гр. мыла, трусы, медикаменты, пуговицы. Только что по радио передали вот что: «Сегодня агентство Рейтер в 19 часов 35 минут по английскому времени передало: 6-VI-44 г. На судах переправились через Ла-Манш и при содействии 11-ти тысяч самолетов высадили десант в Северной Франции. В этой операции участвовали самые лучшие силы американцев и англичан за всю войну, в операции участвовали 4000 судов...

13-VI-44 г. Сегодня исполнилась 3-ья годовщина, как мы уехали из дому. Да, **13** в самом деле несчастливое! И что только **13** не бывает! **13**-го умер папа. Вчера в десять часов вечера уехала Ида в Колпашево на пароходе «Пролетарий». Я на нем был... [Посещение парохода для всех любопытных мальчишек было невероятно интересным и с точки зрения знакомства с техникой, и как прикосновение к внешнему свободному миру. Ида ездила в Колпашево по библиотечным делам и посетила комендатуру, добиваясь разрешения на наш переезд в город].

15-VI-44 г. Я достал две новых палестинских марки. Началось наступление на Карельском перешейке; взяли несколько городов и много нас. пункт...

20-VI-44 г. Сегодня в обед пришла от Иды телеграмма: «готовьтесь к отъезду. Встречайте». Говорят, что завтра нам дадут паспорта [какие мы иногда были наивные!].

26-VI-44 г. Позавчера я с Риной был в кино. Там показывали два журнала, часть фильма про Сибирь и поезд идет в Москву». Было очень интересно! Вчера приехала Ида из Колпашево на «К. Марксе». Она говорит, что была у окружного коменданта и он дал разрешение на переезд. Она интересно рассказывала о жизни в Колпашево. Жить там лучше... Ида привезла мне серию марок «Штурм Переконя». Трошины по-

лучили вызов. [Эвакуированным в то время тоже требовалось разрешение, чтобы вернуться домой]. Ну, в общем, едем!

29-VI-44 г. На улице жара! Стоять нельзя – слепни кусаются. Вечером мошка, а ночью клопы покоя не дают. Что это за напасть, насекомые! Капланы уезжают в Салат. Эти дни я только и делал, что купался...

15-VII-44 г. Была на Оби буря и сгорел пароход «Дзержинский», а с «Пожарского» снесло крышу. Вчера Трошины уехали. У них хорошая каюта. Она с электричеством. Я был там до 2 часов ночи, до второго гудка.

14-X-44 г. Сегодня взяли Ригу. По радио также передавали, что Ригу немцы не успели сильно разрушить. Англичане и американцы воссоединились в Греции и Болгария эвакуирует свои войска из Греции. Сегодня я получил по военному делу 5 и по арифметике 4. В школе нам дают обеды. Обычно суп и кисель. Сегодня давали рыбные котлеты».

Как видно из этих и из других коротких записей, в моей жизни событиями становились, кроме посылок и новых марок, и домашние происшествия, и школьные оценки, а также сообщения с фронта. И нашего, а потом и второго, западного, союзнического.

В посылках нам присылали, в общем-то, полезные, но навивные вещи: мыло, зубные щетки, печенье, какую-то мелкую одежду. А мы мечтали о тушенке и шоколаде, которые иногда появлялись на прилавках и назывались «американская помощь» «второй фронт». Нам нужны были калории и сладости...

Эти самые калории выдавались в магазинах начальству (это не афишировалось) и донорам. Мы смотрели на эти яства, как на сказочное чудо. Однажды, придя из магазина, я объявил:

— Вот, вырасту, и стану донором! Буду получать на «литерную» карточку шоколад, и вас всех угощать!

Естественно, что у детей, как и у большинства взрослых, полуголодных и истощенных, не брали кровь, очень необходимую для военных госпиталей. Школьники собирали для раненых другое — так называемое *лексырье*, дикорастущее лекарственное сырье. Это были березовые почки (весной), листья малины, смородины и брусники (летом), а к осени — сами ягоды. И все время, от весны до поздней осени, собирали, сушили и сдавали в аптеки разные целебные травы — пастушью сумку, ромашку, Иван-чай и другие.

Прошли годы, и детская «мечта» реализовалась. Я действительно стал донором, и много раз угощал своих детей шоколадом, полученным в больнице «для восстановления крови».

В этой связи появляется неожиданная ассоциация на тему дефицита. В военные годы остро не хватало не только продуктов или одежды, но и простого вонючего дерьма. Да, обыкновенных человеческих испражнений. Поэтому дверь нашего простенького туалета, маленького деревянного домика, размещавшегося в конце огорода, вечером запиралась на висячий замок — от воров. Так делали и наши соседи. Дело в том, что несколько китайских семей-огородников, живших в Колпашево, подкармливали свои огороды лучшим естественным удобрением на свете — человеческими экскрементами. Они скупали этот компост по рублю за ведро. И голодные люди по ночам стали тайком выгребать его из соседских уборных — на продажу китайцам. А лишний рубль нам и самим был нужен.

Маминой и тетиной зарплаты еле хватало, чтобы не умереть с голоду. Помогали и деньги, приходившие «по аттестату» с фронта от дяди Яши. Продавались остатки довоенных вещей. В числе последних предметов сбыта оставалась мамина черная каракулевая шуба, мама берегла ее. Продать эту довольно дорогую вещь было сложно. Поэтому шубу разрезали на несколько кусков, каждый из которых продали от-

дельно как воротник. Наступала суровая зима, и воротники разошлись быстро.

К 1944 году из немногочисленных фамильных драгоценностей у нас в семье еще сохранилась одна семейная реликвия — небольшой (93x73x15 мм) серебряный портсигар, позолоченный внутри. Почти квадратная форма была характерна для того времени. Видны проба **99** и буквы **АП** — личный знак одного из петербургских ювелиров. Крышка украшена традиционным растительным орнаментом, обрамляющим надпись: **S. B. — 14. II. 1901.** Это инициалы моего деда Шлема (Соломона) Бакшта и дата его помолвки с Любой (по паспорту Беллой) Самсоновой.

Официальная помолвка (обряд «эрусин» на иврите) состоялась в Петербурге. Портсигар торжественно вручил деду его будущий тесть Борис Моисеевич Самсонов, бывший солдат из кантонистов, проживавший тогда в Царском Селе. Так его звали в обиходе, то есть в семье и в его окружении, хотя в казенных записях и по паспорту он числился как Берко.

В метрической книге Петроградской хоральной синагоги о бракосочетавшихся евреях из купцов за 1901 год имеется актовая запись № 7:

Шлиома Иука Абрам Мейлахович Бакит, дантист, 32 лет, и Бейла Берковна Самсонова, девица, дочь заславского мещанина Минского уезда Минской губернии, Берки Мовшовича Самсонова, 28 лет, бракосочеталась 24 апреля 1901 года. Обряд бракосочетания совершил исполняющий обязанности помощника раввина Яков Шохер.

Своей синагоги в Царском селе не было: там в 1910 г. проживало всего 236 евреев.

По инициативе бабушки Любы ее первенец в честь деда Самсонова был наречен Борисом. Он родился в Тарту 5/19 февраля 1902 г.

Через сорок лет, после смерти деда, бабушка отдала этот свадебный подарок моему отцу и отметила, что по традиции такую памятную вещь должен хранить старший сын, а потом он передаст старшему внуку и так далее. Вещи помогают сохранить память...

И вот, спустя еще три года, этот наследственный сувенир вдруг захотел купить у мамы какой-то офицер из Колпашевского районного военкомата. Узнав об этом, я, хоть и понимал наше голодное нищенское положение, чуть не расплакался: так мне стало жалко этой отцовской вещи. Когда военный пришел к нам домой за покупкой, мама ему портсигар не отдала. Сказала, что сын уговорил ее не продавать эту единственную вещь, оставшуюся от отца, и что пока мы еще с голоду не умираем, каким-нибудь обойдемся без мяса. А я отказался от реальной возможности получить новую цигейковую куртку, которую предлагал нам в придачу к мясу тот военный — так ему понравился старинный портсигар.

Так что в очередную зиму я вошел, оставшись владельцем портсигара и будучи одетым в старое короткое пальтишко. В нем я и проходил до лета в Колпашевскую среднюю школу № 1, где закончил пятый класс. Закончил, как и предыдущие классы, с широким диапазоном отметок, от троек до пятерок. В школьном журнале у меня все время были и «колы»-единицы (до 1942 года их называли «очень плохо»), и все остальные отметки до «отлично». Но зато в библиотеках — районной и школьной — меня считали очень хорошим, примерным читателем.

А столетний портсигар с инициалами своего прапрадеда сегодня хранит мой внук Илья Бакшт. Портсигар Илье мы торжественно вручили, соблюдая традицию, после того, как ему исполнилось 18 лет и он стал солдатом Армии Израиля, хаялем элитной бригады «Голани». Тогда в лесу близ Иерусалима на пикник собралась почти вся наша семья, человек двадцать. Тут были его дед, то есть я, его отец Борис, его дя-

дя Миша и другие родственники. Их всех можно увидеть на 3-й странице обложки этой книги.

Теперь уже Илья рассказывает о своем прапрапрадеде Борисе Самсонове, о других предках, показывая эту семейную реликвию, которая проехала из Петербурга в Иерусалим через Эстонию, Западную и Восточную Сибирь (Томск и Красноярск).

Естественно, что тогда, в засыпанном сибирскими снегами Колпашево, мы и предполагать не могли, что этой вещице уготована такая долгая жизнь...

Не думали так и о другой семейной реликвии. У старшего внука Шлемо Бакшта, то есть у моего двоюродного брата Яши Каплана, в Тель-Авиве хранится любопытная вещица, тоже принадлежавшая некогда нашему прадеду Борису. Это изящная серебряная табакерка тульской работы размером 6,8×2,8×2,3 сантиметров, покрытая простым тонким чешуйчатым узором в восточном стиле. На ней дарственная надпись: **Борисъ Моисеевичъ Самсоновъ. 1/1 — 1895 г.** Такие табакерки обычно употреблялись не повседневно, а только раз в году. Верующие евреи открывали их торжественно только в самом конце поста на Йом Кипур (в Судный день). Это происходило в синагоге, так как в то время почти все мужчины нюхали табак. Так изредка, по праздникам, делает Яша Каплан и по сей день.

Вот такой любопытный сувенир более чем столетнего возраста. Он напоминает о том, что мой сын Борис — уже Борис III в нашей семье...

Вернемся в Колпашево победного, 1945 года.

Закончилась долгая сибирская зима. И моя учеба в пятом классе. Единственное, что я любил в школе — это лыжные занятия (лес начинался почти рядом со школой) и политинформации в классе. В то время все радиоприемники у населения изъяли, и даже не у всех имелись дома простые репродукторы местного проводного радио. Поэтому школьни-

кам поочередно поручалось записывать новости, передававшиеся по городской радиосети, и потом коротко пересказывать их в классе. Это я делал с удовольствием. Поэтому, наверное, меня 30 октября 44 года ввели в редколлегияу классной стенгазеты.

Прежде всего, естественно, всех волновали победные события на фронте: сколько оставили или освободили городов и поселков, сколько подбили танков и сбили самолетов, сколько уничтожили и взяли в плен фашистов. Сколько погибло наших, не сообщалось. Были и другие новости, со всего мира и Советского Союза.

Я записывал сводки Советского информбюро (так тогда называлась информационная передача «Последние известия») в своеобразном дневнике из сшитых в тетрадку почтовых открыток. Эти недорогие открытки иногда можно было купить на почте. Другой писчей бумаги здесь не было...

Развлечений в то время было немного. В гости ходили мало. Совершенно не помню пышных и многолюдных застолий, их не устраивали. Очень редко встречались пьяные — и дома, и на улице. Рестораны в такой глуши совсем не существовали. Были только столовые, получить в которые «литер» — специальную карточку на дополнительное питание — удавалось немногим. Такие литеры давали только начальству, очень заслуженным людям и тяжелобольным туберкулезникам.

В единственном городском кинотеатре шли фильмы, меняясь раз в неделю или раз в месяц, как привезут из Томска. Большинство фильмов в то время были немыми, без звука, с крупнобуквенными титрами внизу. Шли фильмы художественные и документальные, как например, «Секретарь райкома», «Парень из нашего города», «Свинарка и пастух», «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» или «Сталинград». Смотрели их по несколько раз, и поэтому они хорошо запоминались. В начале каждого сеанса внимательно,

без кашля и разговоров, просматривали ежемесячные фронтовые киножурналы «Боевой киносборник».

Доходили до нас и американские кинокартины: «Джордж из Динки-джаза», «Тетка Чарлея». Были и просто великолепные фильмы, сегодня считающиеся классическими. Такие фильмы не просто развлекали, но и как-то воодушевляли, поднимали настроение. И у взрослых, и у нас, у детей. Обратимся снова к дневнику:

«25-I-44 г. Вчера я был в кино. Шел фильм американский — «Песнь о России». Очень хороший фильм, но я сидел на первом ряду. Оценок в школе нет. Мне захотелось описать один обыкновенный день:

Утро. Светает. Я натягиваю на себя плед.

— Цвики, вставай!

- Спать хочу, - отвечаю я.

— Вставай, — говорит мама, иди за хлебом!

Я кряхтя поднимаюсь и одеваюсь.

— Не забудь помыться, напоминает Ида.

— Не-э-э-т...

Наконец я собрался и ухожу. Часа 3 я хожу, потом прихожу домой.

— Достал хлеб? — спрашивает мама.

— Достал.

— Сколько?

— На два дня.

[Здесь не обойтись без пояснений: хлеб по карточкам выдавали в магазине с утра и только на один день. С раннего утра уже образовывалась очередь. Часто хлеба на всех не хватало, ждали следующей подводы-хлебовозки. Поэтому в ожидании иногда приходилось стоять часами. Но если хлеба привозили много, то могли дать и на день вперед. А вот завтра могли и не дать за вчерашний день, и «неотоваренный» талон пропадал безвозвратно. Перед праздником и, иногда, в

очень сильный мороз (ниже 40°) давали на два дня. Поэтому получить двойной паек было очень здорово].

Садимся завтракать. Я, как всегда, с книгой. Мама — «Положи книгу!». «Сейчас!». Минут через десять: Положи книгу!»... На третий раз мама берет книгу и кладет на письменный стол. После завтрака я начинаю читать. «Ты опять не делаешь уроки, будешь делать без пяти З», говорит мама. Я сажусь делать уроки. Минут 15 я бормочу: «Прилагательные бывают...Качественные... Обозначают... Полные... Сильный, полный... краткие... Все! Выучил! Теперь ботанику... Через 10 м, — Готово!».

Через час (не больше!) иду в библиотеку.

— Приходи скоро! — говорит мама.

В 2 часа я прихожу домой и тороплюсь в школу. За ½ часа я готов.

— Ты куда так рано? — спрашивает мама.

— Уже надо в школу! — кричу я с порога.

Прихожу в школу. В классе шум и гам. На парте лежит тетрадь — «Три»: большая редкость, когда есть оценка. Звонит звонок. Заходит учитель. История. Зразу он приступает к установлению дисциплины. «Плохо стоишь. Будешь стоять весь урок. Володя, иди отвечай урок. Не знаешь? Садись. Единица. Будешь сидеть после уроков». Так урок за уроком проходят 5 уроков. После школы иду домой...»

Радовали хорошие письма дяди Яши с фронта, редкие письма от знакомых, эвакуировавшихся из Тарту и из Риги куда-то далеко в тыл.

Какое-то разнообразие в нашу жизнь вносили постоянные занятия с Риной. Сестра уже научилась свободно читать. Старые детские журналы и книжки брали в районной библиотеке.

Очень помогали коротать длинные зимние вечера мамыны рассказы о путешествиях — своих, папиных и недостижимо

далеких литературных героев. Поездки всегда привлекательны, тем более для нас, несвободных, «наказанных» неизвестно за что и на сколько. Правда, весной 1942 года нам объявили, что нам определена ссылка на 20 лет. Но этому не хотелось верить...

Маме было что поведать нам. Она родилась и училась в Риге, жила во время Первой мировой войны в Двинске, гостила много раз у своих родителей в Латвии, ездила потом с дядей Мишей Капланом в Париж (в 1935 году возили меня к хорошему детским врачам) и с папой по Финляндии летом 1937 года, откуда привезла мне красивые финские туфли. К тому же она была очень начитанной. Рассказывая о своих поездках, мама часто повторяла:

— Вот победим Гитлера, и после войны поедем с вами путешествовать. А это так хорошо — ездить по разным странам! Только учитесь и не болейте!

Вся наша жизнь, можно сказать, проходила в ожидании конца войны. Этому не очень мешали даже тяготы ссыльно-поселенческой жизни — ежемесячные отметки в комендатуре, бесконечные обсуждения и составления разных прошений и заявлений, для себя и другим людям, нуждавшимся в помощи.

Почему-то считалось, — человеку свойственно надеяться на хорошее! — что после войны наше положение изменится, что наша высылка — это какая-то нелепая ошибка, и что мы уедем домой. Для этого имелись какие-то основания. Во-первых, ходили всякие слухи о чем-то освобождении. Во-вторых, случались и реальные события, например, отъезд в 1944 году части высланных в Нарым польских евреев в освобожденную Польшу. Эти «поляки» так верили в свое неминуемое освобождение, что соседский мальчик, мой сверстник, пачками складывал в конверт всякие марки, в том числе и обычные стандартные советские. Он говорил, что когда они вернуться в Польшу, в свою родную Лодзь, то на эти бу-

квально копеечные советские марки он выменяет там кучу польских, немецких и других.

Я тоже начал собирать почтовые марки. Кстати, советские марки тогда выполняли функцию мелкой разменной монеты. Ими рассчитывались везде, в магазинах, в кассах кино и почты. Монет в обороте просто не существовало. А марки СССР в обращении имелись всякие, военные и довоенные. Как ни бедственно было наше положение, мама не ругала меня, если я какими-то марками не расплачивался в магазине, а оставлял в своем альбоме. Кроме советских знаков, были и другие, иностранные. С тех пор в моей коллекции сохранились марки Палестины, Ирана, Америки, еще какие-то. Немецкие тогда считались противными, вражескими. А марки с Гитлером, вообще, были «запрещенными» (какими, впрочем, через десять лет стали марки с портретом Сталина).

Разглядывая марки, мы, дети, размышляли о странах и городах, откуда они попали к нам. И были уверены — вот закончится война, все изменится, еды будет вволю, и мы поедem в эти страны. (Поехать во все эти страны нам, конечно, не удалось. Но марки пригодились, и через полвека некоторые из них даже оказались иллюстрациями в моих книгах).

Так что все жили в ожидании конца войны.

Наконец-то он наступил — долгожданный День Победы. Об этом сказали по радио рано утром 9-го мая.

Все кругом радовались. Радовались и мы. Но мама очень плакала: нет папы, нет родителей, нет очень многих, многих. Поэтому победа была не только великой радостью, но и грустной тоже.

Несмотря на плохую погоду, все пошли в центр. Там, на берегу, на площадке около пристани и Горисполкома, состоялся митинг с речами и слезами. Милиционеры, человек 15—20, под дождем салютовали, стреляли в воздух из винтовок. А вечером во Дворце культуры — бесплатный праздничный концерт. Выступали и местные, самодеятельные певцы и

танцоры, и настоящие заезжие артисты из эвакуированных. До сих пор у меня в ушах звучат мелодии песен-шлягеров тех лет, впервые услышанные тогда — «Дорогая моя столица», «На позицию девушка провожала бойца». И, конечно, уже заслуженные мелодии «Катюши», «Трех танкистов» и «Священной войны».

Так у нас, в Колпашево, прошел этот Великий праздник Победы.

Вскоре, в начале июля, тетя Ида с Асей уехали в освобожденную от немецких оккупантов Ригу. Там их уже ждал демобилизовавшийся из армии дядя Яша — трижды раненый гвардии капитан, орденосеиц. Они стали жить в старой родительской квартире № 16 на улице Красной Армии 6 (Саркан Армияс, бывшая Шарлотес). Через год там родился сын Саша.

После Идиного отъезда нас сразу же выселили из квартиры в Колпашевском переулке. Мы сняли домик по соседству, на каком-то болотистом месте. И там к нам прилепилась собачонка — маленькая желто-рыжая дворняжка, названная нами Бобкой.

А тетя Ида по дороге в Латвию смогла попасть на прием к начальнику областного УВД и подать ему заявление с просьбой разрешить переезд Анны Бакшт с детьми в Томск. Удивительно, но ее прошение не осталось без ответа. Его в Томском УВД услышали, быстро рассмотрели и ответили положительно. Нам разрешили «перевод», и в очень любопытной форме. 20 июля в колпашевскую комендатуру пришла короткая телеграмма:

«Направьте Бакшт Анну Соломоновну в Томск. Дату выезда сообщите. Начальник ТО УМВД (Подпись)».

Это предписание было объявлено маме под расписку 23 июля. Для сборов был дан строго ограниченный срок — 24 часа.

Получению разрешения помогло то обстоятельство, что в областном центре вдруг стало не хватать медицинских работников, так как эвакуированный персонал госпиталей уехал, а многие врачи, ушедшие на фронт, еще не были демобилизованы.

А незадолго до того, весной 1945 года мама неожиданно получила короткое письмо из Москвы, адресованное в Томск, «товарищу Бакшт А.С.». Такое обращение ей, беспаспортной ссыльной, было непривычным и настораживающим. В письме говорилось:

«Наркомздрав Эстонской ССР просит Вас, для дальнейшего использования в будущем на работе в ЭССР, заполнить прилагаемую учетную карточку и вместе с подробной автобиографией переслать немедленно в Наркомздрав ЭССР по адресу: Москва, Собиновский пер. д. 6».

Забегая вперед, скажу, что этим приглашением, как и другими возможностями вернуться в Эстонию, мама не воспользовалась. Кроме наших рижан — тети Иды и дяди Яши — никого в Прибалтике не осталось, ни Бакштов, ни маминых родителей Дикманов. Не осталось и их домов, и даже могил...

Менять Томск на тяжелые воспоминания мама не стала. Она у нас была очень мудрой...

И вот 25 июля 1945 года мы сели на пароход и поплыли в Томск, в областной центр, который стал для нас местом жительства на долгие годы. Плыть (28 часов) было интересно. Впервые за 4 года мы увидели и услышали рояль, электричество над головой в каюте, много пароходов, плывущих по Оби. В дневнике, копия которого показана на цветной вставке, я записал:

«Ехали мы очень быстро: уехали в 12 часов дня, а приехали в 16 часов следующего. Мы за 200 р. сняли каюту № 31. Первое, что мы увидели в Томске, это скопление пароходов. Вдали

виделся паровоз. Это была грузовая пристань. Сдесь мы постояли 6 минут и пароход пошел дальше...».

Это очень примечательно: паровоз, стоящий на Томской пристани, воспринимался нами как представитель другого мира. Ведь на Севере мы видели только речные суда и самолеты...

Мама поначалу разрешила нам с Риной взять с собой нашего любимца Бобку. Собака с веревкой на шее прибежала на пароход и поехала с нами. Но уже в Томске, уходя с парохода, мы ее привязали на палубе. Договорились, что ее заберет потом весовщица. Собачонка скулила и лаяла, а Рина горько плакала вместе с ней. Сестра потом вспоминала, что для нее этот удар был очень болезненным, но уже тогда она поняла, что иногда чем-то в жизни приходится поступаться, так как расставание с собакой в тех условиях было необходимым. Жалость к этой собачонке до сих пор сидит у нее внутри.

Мы уходили с пристани, наше барахло мама везла на тележке, а Бобка укоризненно смотрел на нас. Но деваться было некуда — мы временно заехали к каким-то евреям, жившим рядом с пристанью, на углу Коммунистической улицы (сейчас Ленина) и переулка 1905 года. Там, в ужасно перенаселенной квартире, мы прожили два дня.

Нашлись в Томске хорошие люди, которые маму сразу же устроили на работу младшим научным сотрудником кафедры биохимии Мединститута (впоследствии она стала заведовать биохимической лабораторией). И даже помогли подобрать жилье, одну комнатку с кухней в коммунальной квартире. Эту квартиру на Источной 49, в которой мы прожили последующие пять лет, мама “купила” у польских евреев, освободивших квартиру после отъезда в Польшу.

Началась наша новая жизнь в старинном культурном городе, известном своим Университетом, библиотеками и ин-

теллектуальным обществом. Новая жизнь, интересная и многообещающая.

Но жизнь все такая же беспаспортная...

Паспорта граждан СССР мы получили вместо «Удостоверений взамен паспорта» только через долгие десять лет...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и закончилось повествование о нашей Семье, одной из многих семей Бакштов, продолжающих жить по всему свету на протяжении двухсот лет, а возможно, и дольше.

Заканчивается этот бесхитростный рассказ 1945-м годом — годом Великой Победы над фашизмом и годом начала новой нашей жизни, связанной уже с Томском. Кто знает, когда придет время, и на диске моего компьютера появятся строки, рассказывающие об этом замечательном городе? Томск стал для меня второй родиной (или даже третьей, если считать первой Родиной всех евреев Землю обетованную). Пока же вся эта информация хранится в некоторых более или менее строгих документах, да еще в памяти моего личного (не путать с персональным!) компьютера, то есть в моей голове. В конце книги приведены некоторые фотографии из тех многих, которые, возможно, увидят свет в будущем.

За свою жизнь я написал десятки тысяч страниц. Самых разных — научных, околонаучных (газетных и производственных) и других. Все они шли от души и получили положительную, иногда даже хорошую оценку читателей. И все они дались мне не просто, но в большей или меньшей степени принесли какое-то удовлетворение.

Но из всего написанного именно последние сто страниц, составивших эту книгу, дались мне особенно тяжело. Это понятно: вспоминать прошлое, вспоминать минувшие годы и ушедших людей трудно и сложно. Прежде всего, потому, что беззаботное игровое детство для меня закончилось в июне 1941 года. Как и для многих, очень многих моих сверстни-

ков. Особенно еврейских, для тех, у которых битва за жизнь вскоре и закончилась...

Поэтому слова «детство», да еще и «прекрасное и счастливое», у меня не встают рядом. И еще потому, что минувшие полвека (всего каких-то коротких полвека!) волею судеб оказались особенно сложными и для всех людей, и для нашей семьи-мишпахи.

Эта сложность была и объективной, и субъективной. Неожиданно оказалось, что даже в кратких воспоминаниях моих родственников, в их подходах к изложению каких-то фактов, не говоря уже об оценках некоторых событий, нет полной идентичности, однозначности. Впрочем, так же, как и в некоторых архивных и исторических документах.

Я еще раз утвердился в своем мнении: объективной истории нет и быть не может! Объективны только факты, то есть историография. Но не их анализ, селекция, изложение (пересказ), интерпретация.

Поэтому в закрытой вами книжке отражены события, происходившие лишь до осени 1945 года и в той или иной степени касающиеся наших Бакштов и окружавшего их мира.

Для меня, как и для любого человека, детские годы были периодом формирования и закрепления моей сущности. Но не личности! Сущность — это фундамент моего "Я", моя наследственность и природа. Личность же, «Эго» (Ego — латинское Я), складывается потом, и после детства, то есть всегда, до тех пор, пока человека не покинет разум. Сущность не меняется. Личность же может измениться очень быстро.

Естественно, что во многом детское изложение субъективно. Но я старался, чтобы оно было максимально правдивым! И немало помогла мне в этом поддержка родных.

А для чего же все это надо?

Пройденный нашим поколением путь, приобретенный опыт позволили накопить знания, которые очень поучитель-

ны. Сохранить и передать эти знания потомкам — наш долг. Ибо сказано: «...*весьма оберегай душу свою, чтобы не забыл ты того, что видели глаза твои, и чтобы не ушло это из сердца твоего все дни жизни твоей, И поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих*» (Дварим (Второзаконие) 4:9)¹⁵. Вот и я по мере сил своих попытался последовать этой мудрой тысячелетней заповеди.

Об том же недавно очень хорошо написала нам Таня Бакшт — та Таня, которая жена Бори и мать Ильи.

«Дорогие бабушка и дедушка!

Вы как две птицы встретились в полете, приземлились и свили свое уютное гнездышко, вывели птенцов; пришло время и птенцы разлетелись, свили свои гнезда. Но земное притяжение не властно ни над вами, ни над вашими птенцами. Теперь вы все перелетаете от гнезда к гнезду через моря, горы и равнины, чтобы новые желторотые, глядя на вас, тренировали свои еще не окрепшие крылья для дальних перелетов навстречу друг к другу, когда в пути можно будет наслаждаться бесконечностью пустыни, прохладой гор и шумом моря».

Вот для птенцов нашего гнезда и предназначена эта книжка. Может быть, и не только для них.

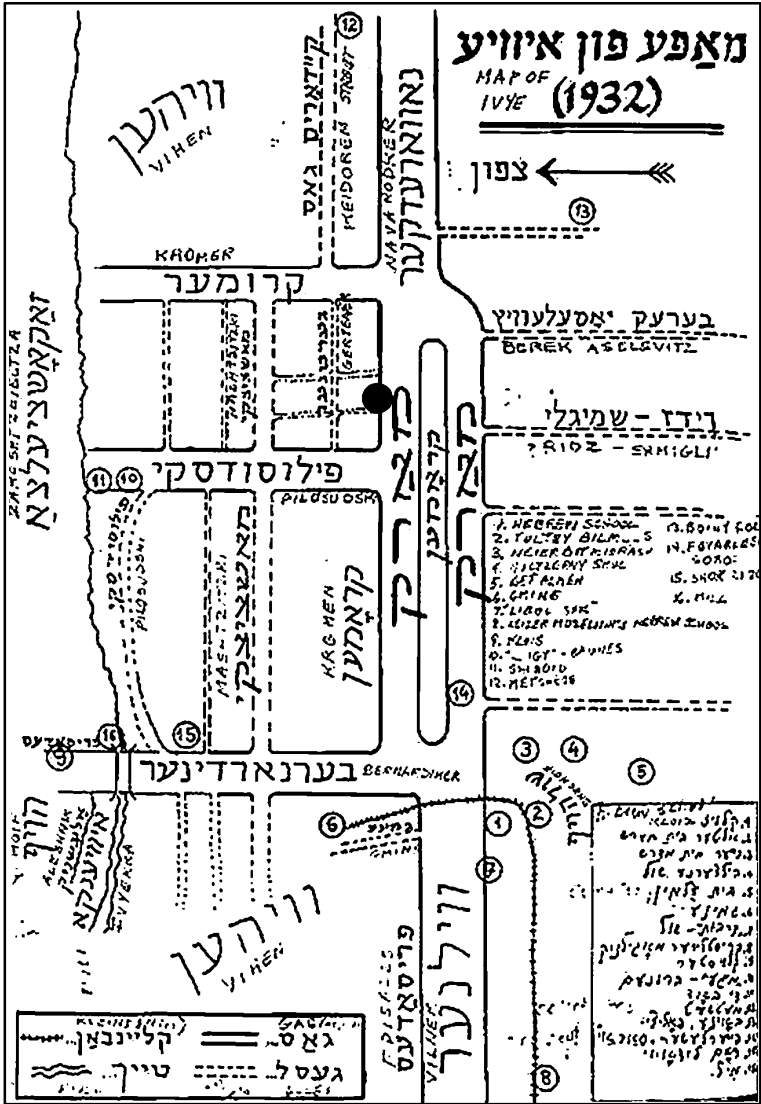
---

¹⁵ Тора с русским переводом / под общ. ред. проф. Г. Брановера. — М.: Шамир, 2005. — 450 с.

Часть 2

История

План г. Ивье. 1932 г. Кругком выделен дом Бакштов на ул. Рыночной 37.
 Plan of Ivye city. 1932. Baksht's House on 37 Rynochnaya st. (marked by the circle).

БАКШТЫ – ЧТО ЭТО?

Бакшты – это и тип здания, и географическое название, и фамилия, которая, как полагают специалисты-историки, обязана своим возникновением топониму (географическое название) *Бакшты*. Об этом речь пойдет в следующей главе.

Топоним «Бакшты» встречается на карте современной Белоруссии трижды: так называются поселок городского типа в Гродненской области, на западе Белоруссии, а также река и поселок в Минской области. Последний назывался Бакшты (Бакштаны) до 1657 г., так как когда-то принадлежал шляхетскому роду Бакштанских, затем его переименовали в Смиловичи.

Эти названия впервые упоминаются в письменных источниках очень давно – в 1387, 1469, 1491 годах. Они встречаются в различных документах на протяжении всех последующих веков, вплоть до Еврейской энциклопедии и военных сводок прошлого века, а также сайтов Интернета века нынешнего¹⁶.

Деревня Бакшты стоит на слиянии Западной Березины и Ислочи, на дороге М6 «Минск – Гродно». В нее сегодня входят несколько более мелких местечек и поселений.

Естественно, что некоторые поселения того времени могли унаследовать свои изначальные имена от самоназвания аборигенов той местности. А ведь здесь, в Центральной и Западной Белоруссии, еще в XI–XII веках обитали бакшты, одно из языческих племен группы балтов.

---

¹⁶ Ivie.grodno-region.by.Бакшты

На старобелорусском языке, некогда бывшим основным в Литве и Белоруссии, слово **бакшта** означала «абарончая вежа» (оборонная башня). Улица Бокшто (лит. *Bokšto gatvė*, польск. *ulica Bakszta*) — одна из древнейших улиц в Старом городе Вильнюса; упоминается в документах XV века. Поселение на горе Бакшта, возвышенном окончании улицы, существовало, как полагают, ещё до Гедимины, в XII веке. Нынешнее название связано с названием горы Бакшта. Предполагается, что на ней возвышалась башня (лит. *bokštas*), от которой произошло название местности и улицы. Поэтому литовцы утверждают "литовскость" данного названия на основе того, что это славянизированное слово имеет первоначальное значение *Bokštas*.

О происхождении топонима «Бакшты» очень ярко и правдоподобно повествует древняя белорусская легенда. Приведу ее в изложении М.Я. Гринблат и А.И. Гурского¹⁷, а затем и в собственном переводе.

Даўным-даўно, калі ўвесь пушчанскі край пакарыў бязлітасны князь-Жмудзін, парашыў ён звесці са свету ўсіх мясцовых князёў. Хітрыкамі і падманам завабліваў іх да сябе ў замак і забіваў. Так ён расправіўся з трыма братамі, уладальнікамі Лоскага замка. Але застаўся яшчэ адзін княжыч-малалетак. Загадаў Жмудзін сваім людзям забіць і таго княжыча. Але не паднялася ў іх рука на бязвіннага хлопчыка. Забралі яго воіны з сабой, аднак давезлі толькі да вярхоўя Бярозы, прывязалі да чоўна і пусцілі той човен ка цячэнні.

На трэці дзень вылавілі багамольцы ўжо зусім зняможанага ад смагі і голаду княжыча. Жылі яны ў захаваным у пушчы скіце. Яны і выхадзілі, выгадавалі княжыча. У Лоск княжыч больш не вяртаўся. На беразе Бярозы, у тым месцы, дзе вылавілі яго манахі, збудаваў ён драўляцы замак-вежу. Сцены

---

¹⁷ Легенды і паданні/ Склад. М.Я. Гринблат і А.І. Гурскі; /Рэд. тома А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1983.

яго для трываласці былі настолькі прасмолены і закураны, што нейзабаве празвалі той за-мак «Чорнай вежай».

Ажаніўся князь з пушчанкай-прыгажуняй і нікуды адсюль не выязджаў. Паляваў, лавіў рыбу. Асабліва любіў прымаць у сябе, у замку, купцоў, што падымаліся на лодках-стругах з Нёмана або спускаліся па цячэнні з-пад яго роднага Лоска. Шчодра пачаста-ваўшы гандлёвых людзей, уважліва слухаў іх расказы-навіны.

Вось тыя купцы, яшчэ здалёку ўбачыўшы чорную княжацкую вежу, што ўзвышалася над лясамі, быццам бы і крычалі, паведамлялі ўсяму каравану: «Бакшты! Бакшты!..» З таго часу і паселішча, што пабудавалася каля княжацкай вежы, сталі называць Бакшты. А потым, калі ўжо скончыўся род бакштанскіх князёў-пушчанцаў, іх старажытнюю бакшту-вежу вялікі князь ператварыў нібы ў турму.

В переводе эта была, явно перекликающаяся с ветхозаветной историей спасения Моисея, звучит так:

Давным-давно, когда весь край Пущи покорил беспощадный князь Жмудзин, решил он известить со свету всех местных князей. Хитростью и приманками заманил он их к себе в замок и убил. Так он справился с тремя братьями, владельцами Лоскского замка¹⁸. Но остался еще один княжич-малолеток. Повелел Жмудзин своим людям убить и того княжича. Но не поднялась у них рука на безвинного хлопчика. Забрали его воины с собой, но довели только до верховья Березины, привязали к челну и пустили этот челн по течению. На третий день выловили богомольцы уже совсем занемогшего от жажды и голода княжича. Жили они в спрятавшемся в лесу ските. Они и выходили, вырастили княжича. В Лоск княжич боле не вернулся. На берегу Березины, в том месте, где выло-

---

¹⁸ Пос. Лоск и сегодня находится в 40 км к северо-западу от пос. Бакшты.

вили его монахи, построили они деревянный замок-башню. Стены его для прочности были настолько просмолены и обкурены, что не зря прозвали тот замок «Черной башней».

Женился княжич на лесной красавице и никуда отсюда не выезжал. Охотился, ловил рыбу. Особенно любил принимать у себя, в замке, купцов, которые поднимались на лодках-стругах с Немана или спускались вниз по течению из-под его родного Лоска. Щедро потчевал, угощал приезжих людей, внимательно слушал их рассказы-новости.

Все те купцы, еще издавек завидев черную княжескую башню, что возвышалась над лесами, будто бы кричали, объявляя всему каравану: «Бакшты! Бакшты!». С того времени и селение, которое обосновалось подле княжеской башни, стало называться Бакшты. А потом, когда уже окончился род бакштанских князей из пуци, сторожевую бакшту-вежу великий князь будто бы превратил в тюрьму.

Можно принимать или не принимать этот рассказ на веру. Но, в любом случае, нельзя не отметить тот факт, что крепость Бакшты была возведена в очень удачном месте, на пересечении сухопутного (из Польши-Литвы на восток) и водного (по Березине и Неману) торговых путей. Разделяющая верховья Березины и крайний юг старой Литвы Налибокская пуца, начинающаяся у д. Бакшты, и сегодня-то лишена нормальных дорог, а в старину и вовсе была непроходимой. Поэтому попасть из Гродно на восток можно было только по воде, по берегам рек. Время от времени этот пункт становился и военно-стратегическим. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания Бакштов в военных сводках времен ливонских войн, Отечественных войн 1812 и 1941–1945 годов.

Подтверждением очень благоприятного расположения местечка Бакшты является то, что на его месте была обнаружена стоянка древних людей, облюбовавших это урочище в 7–3 тысячелетии до н. э. Сегодня рядом с этим историче-

ским памятником времен неолита появился еще один памятник – братская могила жертв, погибших в 1941–1944 гг. от руки фашистов...

Вероятно, что не только природа, но и выгодное для торговли расположение селений Бакшты (и минского, и виленско-гродненского) послужило именно теми обстоятельствами, которые привлекли сюда евреев – земледельцев, ремесленников и торговцев.

На протяжении многих веков, вплоть до сегодняшнего дня, бакштаки (жители Бакштов) славились на всю Беларусь водкой высшего качества, так называемой бакштанкой. Этой славе способствовали превосходная вода окрестных речек и безупречная честная технология самогонарения.

В настоящее время в Бакштах насчитывается около 700 жителей, в основном, белорусов (62 % от населения района). Еврейской общины ни здесь, ни в Ивье уже нет...

Сегодня поселок Бакшты Ивьевского района представляет собой фактически слившиеся крупные деревни Бакшты, Заберезь, Пацевичи и несколько мелких – Островцы, Бакуново, Борисовка, Ягодень, и др. Стоит на слиянии Западной Березины и Ислочи, на дороге М6 «Минск-Гродно». Так что Бакшты – это большая деревня (или маленький город), находящаяся в центре того треугольника, которым обычно обозначают сердцевину древней языческой Литвы.

Бакшты являются одним из привлекательнейших туристических пунктов в Белоруссии. Туристов интересуют и исторические достопримечательности, и природа этого района, который зовут Нарочанским краем голубых озер. На юге от Березины располагаются «приболоченные» лесные угодья заповедной Налибокской пущи, а в самой Березине, по рассказам местных рыбаков, до сих пор водятся громадные угри в размах рук.

БАКШТЫ – КТО ЭТО?

Фамилия Бакшт (Baksht, בַּקְשֵׁט) появилась в списке жителей поселка Ивье¹⁹ в самом начале XIX века. Она относится к числу топонимических фамилий, то есть образованных от топонимов (географических названий), встречающихся у евреев, особенно у ашкеназов, чаще, чем у других народов. Так было потому, что топонимическая фамилия (как правило, возникавшая из прозвища) обычно давалась тому человеку, который был приезжим (переселенцем) из другой местности. То есть фамилия указывала на то, откуда прибыл этот человек. Также, как фамилии Бакштанов, Бакштанский, Бакштановский, Бакст, литовские Bakstys, Bakštys, немецкая Bakscht, английские Baksht, Bakst, Baht, шведская Bakszt и др.

Существуют и другие, несколько более сложные версии связи нашей фамилии с термином Бакшты. Например, ее носитель когда-то мог быть смотрителем *бакштов*, то есть башен, или же просто человеком большого «башенного» роста.

Если же учесть, что некоторые западно-белорусские местечки (**Бакшты** и др.) с XV – XVI были (и остаются по сей день) местами компактного поселения польских татар, то слово *Bokšta* можно интерпретировать как фонему, производную от тюркского *бахча* (*огород в поле*). В таком случае Бакшты получили название чуть ли не от татарских огородов, существовавших в Белоруссии. Тогда носители фамилии Бакшты – это просто Огородовы, Огородниковы.

---

¹⁹ Альтернативные названия: Iwye [Bel], Ивьевский [Rus], Iwje [Pol], Ivia [Yidd], Ivija [Lith], Iwia, Iwie, Iv'ye, с сайта <http://www.shtetlinks.jewishgen.org/Lida-District/lida-dist.htm>

Наиболее корректной представляется первая из вышеупомянутых, тот есть «топонимическая» версия этимологии нашей фамилии, которой мы и отдаем предпочтение.

В Белоруссии имеются два поселка, называемых Бакшты. Первый из них, западный и более известный, находится на западе Белоруссии, в Гродненской области, в 27 км восточнее города Ивье. О нем уже говорилось в предыдущей главе. А второй, находящийся неподалеку от Минска, упоминается в документах с 1451 года. Был известен как местечко под названием Смиловичи-Бакшты, как центр бывшей Бакштанской волости, а потом и графства. Евреи тут поселились не позднее начала XVIII века.

Евреи стали постоянно жить в Литве уже в 14 веке, во времена правления Гедиминаса (1316–1341), который расширил границы Литвы на восток, в бассейны рек Неман и Буг. Язычник Гедиминас был свободен от комплекса ненависти к евреям. И он открыл ворота своей земли для купцов и ремесленников Запада и Причерноморья, в том числе и евреев. Таким образом, сельское население сразу получило помощь от посредников и торговцев, среди которых, естественно, наиболее активными оказались евреи. Возможно, предки нынешних Бакштов уже тогда поселились в этих местах?

Может быть, евреи появились в этих местах еще ранее: польский историк Ярошевич уверял, что в местечке Эйшишках Лидского уезда на еврейском кладбище в XVIII был отыскан надгробный камень, на котором значилась надпись **1170 г.**²⁰

В то время не только правители, но и все население Литвы относилось к евреям с большей терпимостью, чем другие народы Европы. Да и потом, уже в конце XIV века, литовский католицизм не был таким фанатичным, как централь-

---

²⁰ Шперк Ф. Гродненская губерния // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А.

ноевропейский. В этом сказалось более устойчивое наследие языческих традиций, сохранявшихся среди народов Восточной Европы.

Одним из первых юридических документов, регламентировавших жизнь еврейской общины на белорусских землях, были привилегии князя Гродненского и Трощкого Витовта, выданные Брест-Литовским евреям 24 июня 1388 в Луцке. Великий князь Витовт в 1395–1398 годах переселил сюда 400 семейств крымских караимов вместе с татарами, взятыми в плен под Азовом. Евреи-раввинисты жили здесь ранее. Названными привилегиями устанавливались юридические нормы условий проживания евреев в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ): гарантировалась неприкосновенность личности и свобода вероисповедания и богослужений. Синагога и еврейское кладбище были освобождены от налогов. Привилегии Витовта оказались самыми толерантными из всех юридических документов, выдаваемых евреям в Европе: именно в ВКЛ им гарантировалось значительно больше прав и свобод, чем в любой другой европейской стране.

Такой статус евреев на территории бывшей Польши сохранялся до начала XIX в. Естественно, что это способствовало увеличению их численности. По данным М. Бутримовича — посла Сейма 1788–1792 гг. от города Пинска — евреев в Речи Посполитой тогда насчитывалось около 900 тысяч.

С этих времен еврейское население белорусских городов получило самоуправление. Образовались *кагалы*²¹, которые занимались сбором налогов и другими административными вопросами. В большинстве городов Беларуси не менее 50%

---

²¹ Кага́л (кагал; ивр. קהל — собрание народа, сход) — орган общинного самоуправления, стоявший во главе отдельной еврейской общины в диаспоре и являвшийся посредником между ней и государством, в широком смысле слова община у евреев, в узком — административная форма самоуправления общиной у евреев Восточной Европы в XVI–XVIII веках, в Российской империи в период 1772–1893 гг.

жителей тогда были евреями. Кагалы просуществовали до 1844, когда российской администрацией был издан приказ об их ликвидации и о налогообложении евреев на тех же самых условиях, что и христианского населения. После этого городские евреи начали объединяться в общины во главе со старостами. Так было и в городе Ивье, где старостой стал Авраам Бакшт. Был ли он нашим родственником, неизвестно, хотя это весьма вероятно...

Этот город, некогда старинное местечко, расположен на речке Ивьенка, близ ее впадения в Неман, в 160 км от областного центра. В 42 км севернее находится столица нынешней Литвы Вильнюс (центра так называемого Виленского треугольника, давнего предмета территориального спора между Литвой, Польшей и Россией). В 9 км севернее Ивье располагается железнодорожная станция Гэви, а в 42 км западнее – районный город Лида. Считается, что город и река получили свое название в незапамятные времена от имени владельца мельницы Ивана (Ivok). Хотя, возможно, это было как раз и наоборот.

Возникновение города Ивье относится к XIV – началу XV века. Существует легенда, согласно которой, город возник благодаря княгине Еве (жене великого литовского князя Гедемина), по воле которой на территории, где сейчас расположен город, был построен красивый замок. Именно он и послужил началом поселения. А своим названием город, по этой версии, обязан большому количеству плакучих ив, которые росли повсюду.

Наконец, есть и третья версия происхождения этого топонима – от татарского слова «Еве» (гнездо, жилище). Здесь издавна живут белорусские татары, а Ивье считается неофициальной татарской «столицей» Беларуси. В городе и сейчас ежегодно проводится мусульманский праздник.

Евреи проживали в Ивье и его окрестностях на протяжении многих поколений и стали органической частью здеш-

ней социальной среды. По всем источникам, еврейские поселения появились в Ивье в первой четверти 17 века. Первое упоминание о налогоплательщике «Мойше от Ивьевского» сохранилось в протоколе пленума еврейского «Совета земли Литва», состоявшегося в 1626 г. На протяжении более 400 лет ивьевские евреи хранили свой образ жизни, соблюдали свои обычаи, традиции, присущие общинной жизни. Этому в немалой степени способствовало то, что законами ВКЛ им были даны некоторые права. Например, Статусом ВКЛ (1558 г) им разрешалось носить золотые украшения (но не оружие!), решать внутриобщинные споры по своим обычаям и законам Горы и т.д.

Число евреев в Лиде и в ее окрестностях резко увеличилось в середине XVII в. после большой катастрофы, постигшей народ Израиля на Украине. Некоторые из тех, кто бежал оттуда от погромов Богдана Хмельницкого, добрались до Литвы и остались там. Первые три еврейские семьи поселились в Ивье в 1650 году. Одна из них, вероятно, и стала началом рода Бакштов. Уже в то время Ивье был одним из наиболее уважаемых округов в Литве.

Вообще, XVII в. был самым трудным периодом в жизни евреев той Литвы. Только за одно лето 1648 года десятки тысяч евреев стали жертвами жестокостей Богдана Хмельницкого на Украине, а также и в южной Белоруссии, куда дошли казацкие отряды. Еврейские общины, которые были потом восстановлены, вновь очень пострадали во время русско-шведской войны 1654–1667 гг. В исключительно сложных условиях Белоруссии евреи участвовали вместе со своими союзниками — католиками шляхтичами-поляками и православными мещанами и крестьянами-белорусами в обороне своих городов (Витебска, Мстиславца, Слуцка, Старого Быхова и др.) от казаков и московских войск. Евреи брали на себя все обязанности по охране города и тысячами гибли на крепостных валах и стенах.

Затем Польшу до Вильны заняли шведы, которые не убивали евреев, но грабили их. А в 1655 году вся Литва была занята русскими войсками. В провинциях Вильно (куда включили Ивье) и Гродно прошли еврейские погромы, гонения и грабежи. Царское правительство часть евреев выслало в Великий Новгород, а потом в Казань. По дороге многие умерли, иным по принуждению пришлось принять православие...

Евреи боролись за свои права и со шведами, и с поляками. Нередко им удавалось добиться каких-то привилегий и послаблений, например, освобождения от налогов. В западной Белоруссии им жилось все же лучше, чем в южных областях. Поэтому еврейское население этих мест, несмотря на потери во время долгих войн, все же увеличивалось. Согласно данным переписи населения, в 1766 году во всем Лидском районе было 5291 евреев, из них 1167 в самой Лиде и ее округе (Ивье в переписи не упоминается).

Население Ивье тогда состояло из поляков (католики), русских и белорусов (православные), татар (мусульмане) и евреев. В 1847 году в Ивье насчитывалось 804 еврейские души.

Позднее, оказавшись в России в результате третьего раздела Польши (в 1795 г.), евреи попали под действие многочисленных законов царицы Екатерины II, ограничивающих их права. Им разрешили заниматься только торговлей и ремеслами, но владеть трактирами, продающими водку, они уже не могли. В 1804 г. была введена так называемая «черта оседлости», запрещавшая евреям проживать вне западных губерний России и ограничивавшая возможность их передвижения по России.

В XVII и XVIII столетиях и в самом начале XIX века большинство евреев жили в княжеских поместьях и в окружающих их деревнях-местечках. Еврейская община в самой Ивье в то время была невелика. Основной причиной этого было то, что в деревнях они могли зарабатывать себе на хлеб, как арендаторы земли, как управляющие у помещиков

и приказчики у лавочников. Многие из них были мелкими разносчиками товаров. Небольшого куска земли и одной коровы было достаточно для поддержки семьи. Среди жителей деревни были и еврейские ученые-хасиды, известные во всем регионе. Они продолжали традиции, заложенные сотни лет тому назад. Например, существует предание, что на древнем виленском еврейском кладбище (за Вилией) похоронен начальник всех литовских раввинов, или великий раввин Яков Леви, получивший это достоинство в 1427 г.²²

В том же 1804 г. началось изгнание евреев из сельской местности. Царские указы заставили их покинуть свои деревни и переехать в соседние города, в том числе и в Ивье. Благодаря своим связям с местными жителями они смогли продолжить здесь свое существование. Так, в основном из бывших жителей окрестных деревень, образовалась еврейская община в Ивье. Названия деревень, где они жили прежде, закрепились во многих фамилиях, сохранившихся и поныне.

В Российской империи обязательность наследственных фамилий была введена соответствующей статьей специального «Положения о евреях», утвержденного императорским Именным Указом от 9 декабря 1804 года. Статья 32 этого Положения гласила:

«При сей переписи каждый Еврей должен иметь, или принять известную свою наследственную фамилию, или прозвание, которое и должно уж быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере, или при рождении, мера сия необходима для лучшего устройства их Гражданского состояния, для удобнейшего охранения их собственности и для разбора тяжб между ними»²³.

---

²² Селиванов А.Ф. Виленская губерния // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. – Информация с сайта: wiki.laser.ru/index.php/Виленская_губерния

²³ Цит. по: Википедия, Еврейские фамилии. – ru.wikipedia.org/wiki/

На практике выполнение этого указа происходило чрезвычайно медленно.

В десяти польских губерниях, составлявших Царство Польское, пользовавшееся определённой степенью автономии в составе Российской империи, наследственные фамилии были введены для евреев в 1821-м году постановлением наместника Царства Польского Великого князя Константина Павловича. Первоначально обязанность выбрать фамилии была возложена на самих евреев, но, поскольку они не торопились с выполнением постановления, то присвоение фамилий евреям было перепоручено местным чиновникам. Окончательно процесс присвоения фамилий польским евреям завершился только к сороковым годам XIX в., как и в других областях черты оседлости Российской империи. В новое Положение о евреях, изданное в 1835 г., власти снова включили соответствующую статью за № 16:

«Каждый Еврей должен навсегда сохранять известную наследственную, или же на основании законов принятую фамилию, без перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере, или при рождении».

Исполнение этих Положений возлагалось на еврейское кагалное самоуправление, а после роспуска кагалов по закону от 1844-го года было постановлено:

«каждому еврею, главе семейства, объявляется, каким именем и прозванием он записан по ревизии, внесён в посемейный и алфавитный списки и должен именоваться в паспортах и во всяких актах...».

И, наконец, специальным законом, принятым в 1850 году, евреям запрещалось менять фамилию даже при переходе в другое вероисповедание.

В регистрационные списки, составленные в апреле-июне 1858 года и по сей день хранящиеся в еврейской общине

Ивье, были внесены 68 жителей города, носящих фамилии Бакшт. Среди них — глава семьи Абрам Янкель (Abraham Yankel), родившийся в 1788 году и умерший в 1851 году, а также Йосель Шмуль (1802 г. р.) и Шая Берко (1806 г. р.), тоже главы больших семей Бакштов, с многочисленными детьми и внуками. Кроме того, в окрестных деревнях Волошине и Ошмяне еще проживали восемь Бакштов.

Чем занимались тогда Бакшты и прочие ивьевские евреи? В основном, они были ремесленниками (кузнецами, портными, шорниками и др.) и мелкими торговцами. Но еврейские торговцы, в отличие других, довольствовались малой прибылью и обладали развитыми торговыми связями и культурой. В то время 51 % всех ремесленников Белоруссии составляли евреи.

Многие из них продолжали кормиться от земли, то есть были крестьянами, селянами, по сегодняшнему — фермерами. Они держали коров и занимались огородничеством. Этим еврейским земледелием Белоруссия — «еврейское гетто Восточной Европы» — выделялось среди всех европейских губерний России.

Местное население относилось к ним без предубеждения, терпимо, иногда даже дружелюбно. К ним приходили за советами, участвовали в их праздниках, торжествах. Происходил обмен мелодиями, поговорками, даже некоторыми обычаями. Евреи были грамотны, у них были свои книги, школы, учителя и ученые. Наиболее успешные и состоятельные из них имели возможность получить образование в гимназиях и университетах.

Отсутствие антагонизма между евреями и белорусами, в большой степени, объясняется тем, что у коренного населения этих мест с пришлыми чужеземцами не было такого противостояния, как с соседними народами, на протяжении сотен лет стремившихся ассимилировать аборигенов Белой Руси.

Об этом, в частности, свидетельствует фольклор ивьевчан. Вот что сказал один из тамошних Бакштов своему собесед-

нику Ицхе Бересу, сидя в таверне: «Разве наш урядник анти-семит? Он же ходит пить к Хаиму Симжесу!»²⁴

Любопытно, что белорусские и литовские евреи в то время уже не были, как прежде, особенно активными политически. Вероятно, именно поэтому их фамилии сравнительно не часто встречаются в списках политических преступников и сосланных в Сибирь участников польского восстания 1863–64 гг. Хотя из 7 000 поляков, отправленных в ссылку в Томскую губернию, было около 40 евреев из Варшавы и других губерний Царства Польского.

В 1869 году в Ивье насчитывалось уже 2123 жителей, из них 1053 мужчин и 1070 женщин (сведения о национальности или религии отсутствуют). А в 1897 году в Ивье жили только 573 еврея (15.7 % от всего его населения). Конец XIX в. стал периодом интенсивного бегства евреев из России. Всего за период с 1881 по 1914 из империи эмигрировали около 1,7 млн евреев. Из них 85 % уехали в США, остальные в Западную Европу (в основном в Германию и Англию), а также в Канаду, Южную Африку и в Аргентину.

Наступили войны – японская, Первая мировая. К тому времени в русской армии оказалось много ивьевцев, так как еврей-кantonисты в XIX веке были обычным делом²⁵. Бывшие кантонисты получали пенсию – 40 рублей, что позволяло существовать их семьям, а многочисленным детям получать светское образование. Кстати, кантонист Берко Бен Моше (Борис Моисеевич) Самсонов, родившийся в Вильно и взятый в армию из Минска, живший в конце века в Царском селе, стал впоследствии тестем Соломона Бакшта из

---

²⁴ Ivey Witticisms, Anecdotes and Idioms by Avrum-Tsvi Mekeel. – *Jewish-Gen, Inc. and the Yizkor Book Project*, 2009. – P. 343.

²⁵ Кантонистами называли несовершеннолетних солдатских сыновей, числившихся с рождения за военным ведомством, а также принудительно отправленных на подготовку к службе детей раскольников, польских повстанцев, цыган и евреев.

Ивье, то есть моим прадедом. К нему мы вернемся в следующей главе.

В начале зимы 1918 года немцы бежали, Ивьевский уезд и прилегающий к нему регион остались без власти. На собрании солдат-евреев, которые вернулись из России и из немецкого плена, было принято решение о создании милиции. Ее назначение было в патрулировании улиц, особенно в длинные зимние ночи. Недостатка в винтовках и боеприпасах не было, поскольку евреи купили у немцев во время их бегства оружейный склад.

Под влиянием большевиков и по инициативе местных активистов в округе начали появляться «ревкомы» (революционные комитеты). В Ивье тоже был создан ревком. Его председателем стал студент-поляк Мотецки из поселения Тшивнович, который изучал теологию в Вильнюсском университете вплоть до начала войны. Его заместителями были Мойше Статский, Йозеф-Хаим Ингель, Бере-Мендель Абелевич, татарин Эшман Штутский из Лукашина. Начальником милиции стал Антон Яхнедович, секретарем ревкома был Эли-Аврум Бакшт. Евреи составляли большинство в ревкоме и в милиции (Кхемеле Бакшт и другие). Кроме поддержания общественного порядка, в их задачи входили также сборы налогов, поставка коней для «конвоя» и др.

По данным переписи польского правительства, в 1921 году евреи составляли уже 76 % (3653 человек) от общего населения Ивье.

В 1938 году, вследствие интенсивной эмиграции (главным образом, в США), в этом маленьком городе осталось 3025 еврея. Большинству из них была уготована трагическая участь, о чем со всегда присущим им усердием позаботились немецкие фашисты...

Немцы пришли в Ивье в июле 1941 года. В результате деятельности оккупантов община, которая просуществовала здесь более 350 лет, была стерта с лица земли вместе с сот-

нями, тысячами других еврейских общин в Европе. Сделано это было тщательно, чтобы полностью исключить восстановление еврейства этих мест.

Первые 244 жертвы, выбранные из числа ивьевских евреев, немцы и их пособники из местных поляков и литовцев расстреляли 2 августа 1941 г. В основном, это были представители интеллигенции, духовной и светской.

Восемь месяцев спустя, 1 апреля 1942 года, в Ивье в гетто фашисты согнали местных евреев и из близлежащих местечек Бакшты, Борисовка, Липински, Траб и других. Здесь было собрано более 5000 евреев, в том числе местных около 3000. В гетто царили голод и болезни. Этим воспользовались местные крестьяне, которые за бесценок унесли к себе мебель, одежду, постельное белье, то есть все то, что с трудом зарабатывали предшествующие поколения их несчастных соседей..

А еще через месяц началась ликвидация гетто. Рвы, выкопанные в 2-х километрах от города, были заполнены трупами 2500 человек, в основном, детей, стариков и женщин. Крестьяне из близлежащих деревень бросились в ров, чтобы снять кольца и серьги с еще теплых, окровавленных трупов.

По официальным данным немецкой комиссии, только в тот день было «ликвидировано» 2482 еврея. Этот день 12 мая 1942 года в Ивье до сих пор отмечают как траурный день Великого убоя, когда к мемориалу жертв Холокоста собираются тысячи людей, не только местных, но и из России, Израиля, США и ЮАР.

В живых «временно» оставили около 30 % жителей гетто, которых немцы предусмотрительно причислили к «полезным евреям». То были, в основном, молодые люди, способные выполнять необходимые оккупационным властям работы.

Последних евреев Ивьевского гетто немцы полностью уничтожили 20 января 1943. Гетто перестало существовать.

Список всех жертв Ивьевского Холокоста хранится в Музее памяти этого города. Среди них, по неполным данным,

было около 140 Бакштов из 36 семей. Можно полагать, что все они были нашими дальними или очень дальними родственниками (троюродными или четвероюродными дядьями и братьями). А ведь кроме них, здесь смерть настигла семью папиной двоюродной сестры Ривы Хайи Бакшт (жены Якова Журавски) и других, всего 6 человек, может быть, и больше. Кроме того, Бакштов зверски убивали и в гетто Бакшты-Смиловичи, Вильнюса, Гродно и других.

Выжить удалось очень немногим. Нескольких Бакштов спрятали в Ивье семья Владислава Курбата, чье имя занесено в список праведников мира, хранящегося в Институте Яд-ва-Шем. Кто-то спасся в лесах, у партизан, которых там звали «лесными евреями». Отрядов в округе было несколько. В них воевали несколько Бакштов.

Наиболее известным был отряд имени Орджоникидзе, входивший в партизанскую бригаду имени Кирова. Командовал этим отрядом Тувья Бельский, родившийся в деревушке Станкевичи, что между ст. Лида и пос. Новогрудок, то есть рядом с Бакштами. В боях с оккупантами отряд уничтожил почти столько же врагов, сколько герои восстания в Варшавском гетто. Три брата Бельские — Тувья, Асаел и Зусь — спасли столько же евреев, сколько и всемирно известный Оскар Шиндлер. Об этом написали сам Бельский, а также совсем недавно в своей интереснейшей и захватывающей книге американский журналист Питер Даффи и другие²⁶.

Всего же Холокост пережили около 3 тысяч выходцев из Западной Белоруссии (включая немногих, которые успели эвакуироваться вглубь страны). Это из десятков тысяч евреев!

Сегодня в городе Ивье и его окрестностях (в Лидском районе) проживают меньше ста евреев.

---

²⁶ Бельский Тувья. Лесные евреи. Иерусалим: 1946; Тек Нехама. *Defiance. The Bielski Partisans*. Коннектикут. 2000.

В заключение заметим, что нашу фамилию можно рассматривать еще с одной очень любопытной и очень интересной точки зрения – каббалистической. Как известно, существуют верования, что не только в фамилии, но и в каждой ее букве скрыт какой-то тайный смысл. Идея здесь вполне понятна: если Богу было угодно, чтобы определенная группа людей носила такую-то фамилию, то он подбирал ее отнюдь не случайно. Бог выбирал ее так, чтобы она напоминала ее носителям о существовании высшего Разума, все деяния которого целесообразны, хотя и не всегда постижимы.

Итак, дана фамилия בקשט. Разберем ее по буквам:

барух (благословенный) ברוך – ב
квиа (установил, определил) קביעה – ק
шем (имя) שמ – ש
тов (хорошее) טוב – ט

Впрочем, есть и другие, не менее пафосные варианты расшифровки букв нашей старинной фамилии.

Через кого и когда Всевышний уведомил Бакштов о таком многозначительном смысле их фамилии, неизвестно. Но наши родственники вспоминают, как Мише Бакшту, приехавшему в Палестину из Эстонии и поселившемуся в Тель-Монде в 1934 г., предложили изменить непонятую литовскую фамилию на более благозвучную для других евреев. Тогда такие поступки были приняты среди иммигрантов. Но Миша страшно возмутился и, сославшись на глубокий смысл нашей старинной фамилии, наотрез отказался менять ее, и по форме (по ивритскому начертанию), и по содержанию (по звучанию). Об этой истории мне поведал Додя в 1995 году.

Помогла ли Бакштам их благословенная фамилия? Ныне здравствующие однофамильцы, не колеблясь, могут ответить утвердительно.

Но что по этому поводу сказали бы сотни безвинно погибших Бакштов?

* * *

Итак, мы предельно кратко ознакомились с историей евреев из Ивье.

Мы убедились, что наши далекие предки могли появиться на берегах Березины очень, очень давно, еще в XIV веке. Это могло произойти и позже, двести лет спустя, когда стоящее на торговых путях литовское местечко Бакшты стало заселяться приезжими — татарами и евреями.

Прошли еще столетья... Через Бакшты и Ивье прошагали армии поляков и литовцев, шведов и русских, а потом и французов. Бакштинские евреи стали евреями ивьевскими, получив фамилию Бакшты. Переселившись из местечка Бакшты в город Ивье, вероятнее всего, в самом начале XIX века, мишпаха Бакштов обрела свою фамилию. К тому времени фамилиями были наделены (именно так — фамилии им были принудительно присвоены властями) все евреи Европы. До того таким правом в Европе среди евреев обладали только выдающиеся, особо привилегированные лица, например, такие как Спиноза, Ротшильд, Дизраэли.

В этой большой семье в 1828 году родился Абрахам Элимелех Бакшт (Abraham Elimelekh Baksht). С него и начинается наша документально подтвержденная родословная. Сначала его семья жила в центре Ивье, на улице Рыночной дом 37. Сегодня на этом месте новые постройки.

В 1929 году этот дом сгорел, и наши Бакшты стали жить на той же улице, в доме 19. Кем были родители Абрахама? Чем они занимались? Как они жили, к чему стремились? Ответы на все эти вопросы пока не нашлись. Никаких сведений о нем, моем прапрадеде, не сохранилось. По воспоминаниям наших родственников, он занимался производством тканей из льна, а также торговал ими.

ДЕДЫ: БАКШТЫ, ДИКМАНЫ, САМСОНОВЫ

Шломо (Соломон) Бакшт

Мой дед Шлемо Ицхак (Соломон) Бакшт родился в 1872 году, в семье Авраама Элемелеха Бакшта, жившего в Ивье с 1828 по 1900 год и Slove Baksht, прожившей там же с 1830 по 1910 год. Прадед Авраам (Абрахам) был ремесленником и торговцем, занимавшимся переработкой и продажей льна — важной экспортной продукцией Белоруссии. У него, кроме нашего деда, было еще три сына и три дочери: Исай, Израиль, Аркадий, Сара, Фейга, и младшая, чье имя нам неизвестно.

А вот более ранних и полных сведений о Бакштах пока найти не удалось. Хотя вполне вероятно, что дедом (родным или двоюродным) Шлемы был старейший из жителей Ивье, носивших фамилию Бакшт — это Abram Yankel Baksht, умерший в 1851 году в возрасте 63 лет. Возможно, что каким-то родственником нашего Шлемы Бакшта приходился и Цавел Берел Бакшт, скончавшийся в Каунасе в 1856 году в возрасте 56 лет. Таким образом, можно полагать, что род Бакштов был основан в Белоруссии еще в XVIII веке, а то и много раньше. И отсюда Бакшты разошлись буквально по всему миру. Многочисленные свидетельства этому имеются в Интернете²⁷ и, конечно, в телефонных справочниках десятков городов.

Следует заметить, что повсеместно распространились не только Бакшты и носители близких им фамилий. Белорус-

---

²⁷ Много информации на сайтах <http://familytreemaker.genealogy.com/uhphead.map>, [jewishgen.org/viskor ivye800.html](http://jewishgen.org/viskor_ivye800.html) и др.

сия породила много еврейских династий, среди которых есть и очень известные, с мировыми именами (например, петербургский художник Лев Бакст, Марк Шагал и др.). На формировании своеобразного, обладающего большим потенциалом еврейского (с немецким оттенком) социума сказалось длительное влияние белорусско-литовско-польско-русской среды, со своей сложной культурой. В результате сложился особый язык — ашкеназский идиш, который иногда даже зовут своеобразным предшественником эсперанто.

Дед Шлемо начал учиться в Вильнюсе (Вильно), в известной еврейской йешиве «Katzovisher klois», а затем закончил Воложинскую ешиву — самую большую и самую уважаемую высшую еврейскую школу в России, основанную в 1803 г. В конце XIX в ней обучались 800 человек. В городок Воложин (75 км западнее Минска) съезжались ученики-ешиботники со всей Литвы и Польши. Занятия шли по 16—18 часов в сутки, «зачеты» и отчисление учащихся за плохую успеваемость и негодное поведение производилось еженедельно. Учиться было очень тяжело, но выпускники этой престижной ешивы становились учеными раввинами и, к тому же, могли поступать в российские университеты.

Немаловажное значение в стремлении получить высшее образование имело то, что такой диплом, так же, как и статус бывшего кантониста, или положение купца 1-й гильдии, давали возможность им, евреям, жить вне черты оседлости.

Шлемо Бакшт сначала попытался попасть в Петербургский университет. Потом он смог поступить в известный Тартуский (тогда Юрьевский) университет, на медицинский факультет, который закончил в 1898 году, получив диплом дантиста (стоматолога).

Почему дедушка выбрал именно Тарту? Во-первых, в этом старинном городе, основанном в XI веке, жили его родственники, Левенберги из Белоруссии.

Во-вторых, Тарту (Юрьев) был известен на всю Европу своим университетом. Основанный в 1632 году, университет в XVIII веке долго не работал и снова открылся в 1802 г. Вскоре в нем появились студенты-евреи. Уже в 1810 г. некий Ш. Вольф окончил факультет права. В 1860-х гг. число евреев, учившихся в Юрьевском университете, значительно увеличилось; в 1882 году таких оказалось 115, а к 1887 г. их было уже 240 человек (15% общего числа студентов); из них около 90% (214 человек) изучали медицину. В 1921 г. здесь обучался 121 еврей; к 1926 г. число студентов-евреев достигло 188, среди них был и Борис Бакшт, закончивший его в 1928 году (диплом № 3669). А в 1934 г., в год окончания его моей мамой (диплом № 8245), число еврейских студентов снизилось до 96, так как ослабли связи с Россией. Тогда в Тарту среди евреев было 21,5 % рабочих, 14,0 % специалистов, 9,5 % торговцев, 31,0 % служащих, 24,0 % ремесленников.

Этот университетский город был одним из старинных культурных центров, где жила еврейская интеллигенция, действовали студенческие объединения. Кроме того, местные евреи были более ориентированы на национальные ценности. В этом проявилась многовековая история эстонского еврейства, начало которой восходит к 1333 году, а может быть, и к большей старине. Судя по находкам византийских и арабских монет, купцы с Востока посещали эти места еще в IX веке. Начиная с XVI века еврейские торговцы регулярно приезжали в Эстонию, а сто лет спустя, в конце XVII века в Дерпте насчитывалось несколько десятков евреев.

Естественно, что все эти обстоятельства привлекали в Юрьев многих евреев, в числе которых оказался и мой дед Шлемо.

В 1865 г. численность тартуского (юрьевского) еврейства составляла 60 семей, что позволило сформировать здесь еврейскую общину (1867). В 1869 г. еврейских семей здесь было уже 70 (397 человек), в 1876 г. — 150; в 1879 г. в Дерпте

проживали 616 евреев, в 1881 г. — 667 из 3290 эстонских евреев. В первой половине 1880-х гг. некоторым из них, в основном мелким торговцам, обосновавшимся в городе нелегально, пришлось покинуть его; однако еврейское население продолжало быстро увеличиваться и к 1897 г. достигло 1449 человек, а к 1913 г. — 2027 человек. В то время здесь уже была начальная еврейская школа (1875), литературный и музыкальный кружки (1883), научное общество и «Академический союз еврейской истории и литературы» (1884).

Еврейские промышленники и коммерсанты играли немалую роль в экономической жизни города: по некоторым данным, им принадлежали 44 промышленных и 58 торговых предприятий. Значительную поддержку им оказывал Еврейский кооперативный банк Тарту (основан в 1922 г.) На рубеже XIX — XX вв. уровень жизни большинства евреев Юрьева повысился настолько, что общине удалось собрать деньги на строительство Большой синагоги (освящена в 1902 г., разрушена в годы Второй мировой войны).

Достаточное состояние прадеда, успешного предпринимателя с большими европейскими связями, позволило получить университетское медицинское образование не только Шлемо, но и его старшему брату будущему профессору Аркадию. Аркадий Бакшт, со временем стал известным специалистом-гинекологом.

Его сын Григорий стал профессором, работавшим в Воронежском и Ленинградском мединститутах. Он автор ряда монографий и многих статей по гинекологии.

А дедушка Шлемо, окончив университет и получив диплом дантиста, оставался гражданином Литовского государства. В таком качестве он проживал в Тарту, то есть в Лифляндской губернии. Обладая благодаря большой семье и своей энергии достаточными знакомствами и деловыми связями и в России, и за границей, Шлемо Бакшт основал торговое предприятие и успешно развивал его. Он возглавлял

известную в Эстонии фирму по сбыту шерстяных тканей, в которой работали около 20 человек. Любопытно, что магазин «Бакшт и сыновья» стал в Прибалтике пионером передвижной торговли, запустив несколько «лавок на колесах», то есть на конных фургонах.

Имея два образования — светское университетское и раввинское (ешива), он пользовался большим авторитетом среди евреев Тарту и Эстонии. Слыл не просто умным, а пронзительно мудрым и в своей семье, и в окружении. Естественно, соблюдал он и заповедь о подаяниях (цдаке), занимаясь благотворительностью. Помогал не только семье, не забывая и о тех Бакштах, которые оставались в Польше (в Ивье): многие тартуские евреи благодарили его за всяческую поддержку.

В числе других делегатов от Тарту наш дед участвовал в работе первого представительного (учредительного) всеэстонского съезда евреев, проходившего в Тарту с 9 по 15 мая 1919 года. Этот съезд, созданный по инициативе тартуской общины, добился законодательного утверждения прав еврейской автономии в Эстонии. Был избран Временный национальный комитет. Это произошло впервые в Европе. На этом съезде Шлемо Бакшт вместе с рав. Эпштейном руководил работой религиозной секции «Нецах Израэль — Вечный Израиль». В 1926 году на этой основе была создана Национально-культурная автономия евреев Эстонии, которая существует до сих пор. Еврейская группа перестала быть только национальной: она и социальный слой, и профессиональная группа со своим местом в обществе, с определенными привилегиями, конкурентными возможностями и т. д. Для евреев она являлась еще и религиозной группой. Культурная автономия стала механизмом защиты своего социума в государстве. А рав. Хайм Фишель Эпштейн в 1930 году стал главой ортодоксального раввината США и Канады. Но наш дед

Эстонию не покинул, До 1940 года он оставался в Тарту последним старостой общины (Рош-Ха-кохол — רֹשׁ חַהֲקוֹחַל)

Дед много ездил по Эстонии и Европе по своим торговым делам. В 20-х годах он побывал в Германии, в Польше. В 1936 году они с бабушкой навестили своих родственников — Бакштов и Самсоновых — в Ленинграде. Яша вспоминает: вернувшись оттуда, они с грустью рассказывали, что за прошедшие 20 лет *«некогда блестящая имперская столица превратилась в громадное сборище домов без ремонта, без перил в подъездах и т.д.»*

В то время в Ленинграде жил младший брат бабушки, Михаил Самсонов, летчик, воевавший в 1936–1937 годах в Испании и заслуживший за свой ратный труд высокие награды. Возвратившись оттуда, Михаил был арестован, как и многие другие «испанцы». Но ему повезло: его спас от гибели его друг, тоже вернувшийся из Испании, известный кинооператор Роман Кармен.

Посетил дед в 1938 году и Палестину, вместе с бабушкой Любой, где прожил недолго, несколько месяцев. В деловых поездках покупал книги, подарки детям и внукам. На досуге он много читал — художественные и исторические книги на разных языках. Он ведь знал, кроме идиша и иврита, русский, эстонский, немецкий и, в меньшей степени, латынь и греческий. Книги брал с собой даже на прогулки — он любил много гулять пешком.

Это он, наш дед, передал своим детям те очень важные качества характера, которые свойственны если не всем, то большинству евреев — любовь к книге и любовь к путешествиям.

Похоронен дедушка Шлемо в Тарту, на старом еврейском кладбище, что на улице Роози 46. Так как его проводили в мир иной незадолго до войны, то его темно-красное гранитное надгробие находилось недалеко от входа. И владелец ритуальной фирмы вскоре после прихода немцев забрал его и

увез, якобы за неуплату долга. Спустя почти тридцать лет памятник заново восстановил старший внук деда, мой двоюродный брат Яша Каплан. Ее посещают внуки и правнуки. Они видят на камне из серого мрамора три имени:

ŠLOMO BAKŠT (1872–1940)
IN MEMORIUM LIUBA BAKŠT (1868–1949)
BORIS BAKŠT (1902–1941)

Место захоронения нашего отца в братской лагерной могиле затерялось где-то на Северном Урале, в верховьях реки Сосьва, близ города Верхотурье. А о бабушке речь пойдет ниже.

Белла (Люба) Бакит (Самсонова)

Моя бабушка Люба (Бейла, Белла) родилась 15 июня 1868 года в Петербурге, в семье бывшего кантониста Бориса (по паспорту Берко) Моисеевича Самсонова (1827–01.01.1901 гг). Но надо отметить, что эта дата, указанная в сохранившемся паспорте, немного отличается от актовой записи № 15, имеющейся в архивном фонде Петербургской хоральной синагоги о родившихся евреях из мещан за 1868 год. Там значится:

Бейла — родилась 2 июля 1868 года.

Отец — Берка Мошкович Самсонов, мещанин Минского уезда Минской губернии.

Мать — Хая Айзиковна.

Потом семья Самсоновых жила в Царском Селе (ныне город Пушкин Ленинградской области). Так называемые кантонисты — дети солдат или военных поселенцев — появились в России в начале XIX века, после указа Николая I от

26 августа 1827 года. В армию насильно забирали мальчиков, достигших 12 лет, но иногда в их число попадали и 6–7-летние ребята. Их отправляли в специальные военные школы и учебные батальоны, где их надлежало обучать для службы в качестве нижних чинов — от барабанщиков и солдат до фельдфебелей и унтер-офицеров. Участь их была очень тяжела, особенно у еврейских мальчишек, попадавших в совершенно чуждую им социальную среду. Служить им полагалось по 25 лет. Как писала о своем деде Голда Меир:

«Он был среди тех тысяч еврейских мальчиков в России, которых "похитили" у их семей... Плохо одетые, плохо накормленные, запуганные, эти мальчики страдали еще и от того, что их вынуждали креститься»²⁸.

К 1856 г. в стране насчитывалось уже около 380 тыс. кантонистов, большинство из которых были евреями. Много кантонистов оказалось и в резиденции российского императора Царском селе. Поэтому с 1827 года, когда была введена воинская повинность для евреев, в казармах Царского Села жили еврей-солдаты. После окончания службы многие из них здесь оставались, так как вблизи двора легче можно было найти сбыт изделиям ремесла. Здесь действовала синагога, и на Казанском кладбище был выделен еврейский участок. Некоторые могилы на нем сохранились и сейчас.

Может быть, там нашел свой вечный покой и кто-то из наших предков? И не там ли покоится и Царскосельский санитар Самсонов, который упомянут в газете «Вечерний Ленинград» (1975, 9 окт., № 238) в связи с публикацией фотографии «С.А. Есенин среди персонала военно-санитарного поезда № 143 на станции Черновцы».

На обороте фотографии имеется надпись рукой неустановленного лица: «Сергей Есенин среди санитаров военно-

---

²⁸ Меир Голда. «Моя жизнь». Пер.с иврита Р. Зерновой. 1976.

санитарного поезда № 143 (попечительства императрицы Марии Федоровны) при поездке на Юго-Западный фронт. Черновцы... позади Есенина – санитар Самсонов (бывший денщик Воейкова – коменданта Царского Села)».

Статус бывшего кантониста Бориса Самсонова и пенсия в 40 рублей давали возможность его семье жить там, то есть вне черты еврейской оседлости, а многочисленным детям получать светское образование.

Прабабушка Рахиль была высококвалифицированной швей в пошивочной мастерской, обслуживавшей последнюю русскую царицу Марию Федоровну и ее двор.

Люба-Белла получила хорошее по тому времени образование в гимназии и у домашних учителей. Она знала немецкий и французский языки, русскую литературу, знала толк в домашнем хозяйстве, соблюдала и еврейские обычаи и традиции.

В 1901 году она вышла замуж за Шлемо (Соломона) Бакшта, чей отец имел какие-то деловые связи с питерскими Самсоновыми. (Они, Самсоновы, занимались там торговлей шерстяными тканями и коврами). Помимо рекомендаций, Шлемо имел диплом дантиста, полученного после окончания Юрьевского университета. Этот диплом давал ему право тоже жить вне черты оседлости, и он выбрал для проживания не Питер, не Москву, где он до этого уже смог побывать, а Эстонию, Тарту.

С 1901 года бабушка Люба жила с мужем в Тарту, на улице Гольмской № 2 кв 3, где у нее родились пятеро детей – сначала Абрам, который умер младенцем, за ним мой отец Боря (5 /19 февраля 1902 г., зарегистрирован как Борис Шлемович Ицковичь), названный так в честь незадолго до того умершего тестя Бориса Самсонова. Затем появились Гита (Генриетта – 1903 г.), потом Миша (Элимех) (14 декабря 1904 г.) и Додя (Давид – 1912 г.). Деды жили в своем большом доме в центре города, на улице Лутсу 24. Потом, с

1939 года, на улице Звездной, 10. Дед Шлемо умер незадолго до прихода Советов, весной 1940 г. С осени 1940 года, при советской власти, бабушка жила на улице Ая, 1 вместе с Капланами — Гитой, Мишей и Яшей с Аликом. Жили там они в страшной тесноте, вместе с подселенной семьей военного летчика Еременко.

В дедовском доме на Лутцу мы часто бывали. Этот дом привлекал нас невиданной стариной. В комнатах стояла столетняя мебель, в том числе книжные шкафы с толстыми серьезными книгами. Среди предметов, вывезенных из дореволюционного Петербурга, там были большие настольные лампы и высокие торшеры с зелеными абажурами, переделанные из керосиновых в электрические, фарфоровая посуда с разноцветными орнаментами, высокий черный граммофон, даже кованые или литые чернильные приборы на деревянной стойке-бюро для писания стоя. (В 1955 году я увидел точно такое же бюро в Доме-музее «Сибирская ссылка В.И. Ленина», что в с. Шушенском Красноярского края).

Особенно торжественными были сборы семьи в доме дедов по праздникам — иногда в субботу (шаббат), непременно на Пейсах. Поводами для прихода гостей были и дни рождений, которых в большой семье, конечно, довольно много. Большой черный дубовый стол у бабушки был всегда красивым, обильным, и, можно сказать, идеологически содержательным. Присутствовали обязательные еврейские блюда (фаршированная рыба под хреном, заливной язык, цимес, праздничные кнейдлех, хоменташен и др.), которые сменялись петербургской лососиной, немецкими шпинатом, форшмаком и бульоном с пирожками, эстонскими салатами и сыйром (сыром)... Естественно, на столе непременно были традиционные халы и своеобразный эстонский хлеб сеппик. Да, наша бабушка Люба умела всех накормить, она это любила и передавала свои способности младшим.

Она следила, чтобы в доме всегда имелось хорошее вино — и для субботнего кидуша, и специальное красное сладкое на Пейсах, и для разных случаев между праздниками. Так было в любом доме в общине Тарту. За это бабушку любили еще больше — и мужчины, и все другие. И это — конечно, не только это! — осталось в нашей памяти.

Бабушка, естественно, баловала нас, своих внуков, потчевала сладостями, а иногда выдавала деньги «на конфеты».

В то же время бабушка Люба была строгой, все ее слушались, как командира. Дочь Гита и моя мама Аня ее даже немного побаивались. В дедовские коммерческие и общинные дела она не вмешивалась. По крайней мере, мы этого не замечали. Но все знали, что в семейных делах ее мнение было решающим.

Например, бабушкино мнение серьезно учитывалось, когда в 1934–35 годах стал обсуждаться вопрос об алие, то есть о переезде всей семьи в Палестину (Израиля тогда еще не было). Туда в 1936 году съездил «на рекогносцировку» мой отец. Раньше туда уехал и дядя Миша. Отец, предприняв поездку по всей тогдашней Палестине, быстро возвратился оттуда к нам. Он решил остаться в Эстонии вместе с родителями.

Дядя Миша, ветеринар, так и остался жить в Тель-Монде (около Натании) с женой Тасей, с дочерью Иланой и сыном Габи. Лейтенант Габриэль Бакшт похоронен на воинском кладбище в Натании: он погиб 21 сентября 1956 года от боевых ранений, полученных на фронте при отражении иорданских войск в районе Атация-Аумэ. А Илана живет в Тель-Авиве.

В 1936 году перебрался в Палестину и наш младший дядя Додя, где стал жить с родственниками. Дед очень заботился о сыновьях. В письме от 14 мая 1939 года он писал Мише: *«Я все таки прошу тебя, Миша, взять их под свою опеку, ибо они ведь еще молоды... Если Додя будет жить в городе, ему хватит в месяц 5–6 фунтов, а это понятно пойдет из его*

личного капитала и чтобы он знал, не тратил лишнее ибо все будет уменьшаться, а капитал надо будет для его устройства... Надо выхлопотать для Рохи визу но параллельно не мешает заботиться насчет устройства своей будущности, его жизни и семейства и, конечно, не хвататься за первое попавшее дело а основательно все изследовать, а потом решать.» Потом Додя ненадолго вернулся в Эстонию и в 1939 году в Таллинне женился. Его жена красавица Рахиль родила Шлемо (в Тель-Монде) и Нурит в Хайфе.

Додя работал шофером и был в числе энтузиастов, основавших первый в Палестине автомобильный кооператив — известную до сих пор большую компанию междугородних автобусных перевозок «Эгед». Следом за Додей в ней работали Шлемо и Нурит. В «Эгед» Бакштов уважительно помнят до сих пор.

В начале 1938 бабушка поехала туда вместе с дедом. Погостив короткое время у детей в Тель-Монде, где уже жил дядя Миша, они вернулись в Эстонию, отказавшись от переселения. Возвращались они пароходом до Италии, а потом поездами до Тарту. В Вене они оказались 12 марта 1938 года, в печально известный день гитлеровского аншлюса Австрии. Благополучно вернулись к нам в Тарту, в свой дом.

Когда 13 июня 1941 года Капланов пришли арестовывать для высылки, бабушки в списке не оказалось. Она присутствовала при всем процессе сборов Капланов, на которые было отведено всего 20 минут! Но ехать с ними ей не понадобилось (как и Рининой няне-эстонке в нашем доме). Всех четверых Капланов увезли, шкафы опечатали и пригрозили бабушке, что «она головой отвечает, если хоть один галстук будет взят...»!. Несколько дней спустя, когда началась война, она сама открыла дверцы шкафов, сорвав печати, отобрала все, что смогла. По-видимому, в той обстановке властям было уже не до нее.

Когда началась эвакуация из города, бабушка нашла в себе силы на то, чтобы собраться и сложить кой-какие вещи. Из Тарту она уехала в «плановом порядке», под бомбежками, в переполненном эшелоне. Удивительно, как ее, вообще, посадили в вагон, да еще с багажом. Тут сыграло большую роль то, что она не растерялась и предъявила начальству свои документы, в том числе и свидетельство о рождении, выданное еще в Петербурге. И тем самым доказала свое царскосельское происхождение! Это ее и спасло от неминуемой гибели.

Потрепанный паспорт, выданный 23 мая 1941 года (всего за месяц до войны!) на имя Бакшт Беллы Берковны, удостоверяет, что она родилась в г. Ленинграде 15 июня 1868 года. Гита сберегла этот спасительный документ, и он сейчас хранится у Алика Каплана в качестве семейной реликвии.

Всего успели эвакуироваться 56 % эстонских евреев (около двух с половиной тысяч). Около пятисот евреев были мобилизованы в Красную армию. Оставшиеся в Эстонии более девятисот евреев погибли.

К тому времени, как германские войска заняли Тарту (южную часть — 10 июля, северную — 25 июля), в городе оставалось около 100 евреев. Эсэсовцы из Зондеркоманды 1-А с помощью эстонских пособников немедленно арестовали их и в июле — августе 1941 г. расстреляли в противотанковом рву близ шоссе Тарту-Рига. В списке иерусалимского музея Яд-ва-Шем числятся около ста евреев, погибших в том рву.

Вместе с другими русскими, эстонскими и еврейскими семьями, эвакуировавшимися из Эстонии, бабушка добралась до Чувашии и прожила почти два года в г. Канаше.

Летом 1943 года она добралась до нас, приплыв на пароходе в Каргасок, где ей, естественно, мы были очень рады. Ценные вещи, которые она смогла привезти с собой, очень помогли нам всем выжить в то голодное время: одежду меняли на продукты. Она прожила в Нарымском крае с тетей

Гитой до 1949 г. Ее похоронили 1 августа 1949 года на таежном кладбище в поселке Усть-Чижапка Каргасокского района, что на севере Томской области. Сейчас от того места сохранились только воспоминания.

Вот так получилось, что бабушка сама себя навсегда сослала в Сибирь, как некогда жены декабристов...

Хая и Залман Дикманы

О наших рижских предках со стороны мамы, к нашему великому сожалению, сохранилось очень мало сведений.

Наш дед Залман (Соломон) Гиршович Дикман (Дыкман) родился 8 (20) сентября 1874 г. в местечке Чашники близ г. Лепеля в Витебской губернии нынешней Белоруссии. В Ригу он приехал в конце XIX или в самом начале XX века и вскоре женился. Его женой стала рижанка Хая-Минна Калман, дочь рижанина Иделя Калмана. Она родилась 6 (18) сентября 1879 г. в Риге, ее родители были потомственными рижанами.

Дедушка Залман сначала был бракером на лесной бирже в Рижском морском порту. Потом он владел небольшой лесоторговой фирмой «З.А. Дикман», основанной в 1923 году. Предприятие называлось «лесопилка по адресу Рига, Катринас дамби 35».

У Дикманов было четверо детей. Старший Шимха (Симон, Семен), родившийся 13 (20) декабря 1903 года, о чем в метрическую книгу внес запись № 418 рижский раввин Магарип²⁹, рос обычным еврейским мальчиком, начитанным, здоровым и активным. В 1918 году, перед самым приходом немцев, он заявил, что уходит бороться за революцию. Он был близок к большевикам, гордился своими красными гал-

---

²⁹ Выпись из метрических книг о родившихся по гор Риге евреях № 5780 от сентября 28 дня 1920 г

стуком, носками и шарфом. Не окончив гимназию, Семен ушел с Красной гвардией на восток. Воевал в Красной армии, был ранен. После Гражданской войны он, будучи достаточно образованным и политически подготовленным, стал журналистом. Несколько лет был корреспондентом ТАСС в Вене, а потом, в Москве, работал обозревателем в Международном отделе газеты «Правда». В 1931 году у него родилась дочь Неля, которая по сей день живет в Москве. В 1936 году Семен Дикман скоропостижно скончался у себя дома, на Новослободской улице: у него оказалось больное сердце.

После сына у Дикманов появились четыре дочери: Аня (Хана), родилась 24 июля (по папорту 10 августа) 1905 г., Ида-Гита (15 сентября 1907 г.) и Рахиль (9 сентября 1910 г.)³⁰. Рахиль прожила недолго, заболела и умерла. В 1919 году появилась младшая дочь Лёля. О первых из них речь шла выше. А Лёля погибла в 1941 году, в Рижском гетто.

Дикманы жили в Риге, сначала где-то на окраине, а с 1920 года в центре в квартире 54 на улице Бривибас (Свободы) 64/65, в которой я с мамой бывал в раннем детстве. В 1939 году они переехали на улицу Шарлоттес 6, кв 16. Все дочери закончили в свое время гимназии. Хана (Аня), наша мама, продолжила учебу в Тартусском университете.

Там она встретила Бориса Бакшта и после нескольких лет знакомства вышла за него замуж. Их свадьба состоялась 21 августа 1932 года в Юрмале. Почему не в Тарту? Так настояли родители невесты. Вскоре после свадьбы молодые вернулись в Тарту.

Свадьба прошла в традиционном еврейском стиле, с равином и хупой. На единственной сохранившейся фотографии наш отец ждет, когда под хупу приведут невесту. Среди окружающих его родственников стоит мужчина слева, в цилиндре. Возможно, что это отец невесты Залман Дикман.

---

³⁰ Там же, записи №№ 184 (1905г.), 261 (1907 г.), 297 (1910 г.).

Для дальнейшего обучения маминых сестер Иды и Лели средств не оказалось. Они оставались в Риге. Ида была подвижной и очень спортивной девушкой. Она окончила специальные курсы и стала преподавать лечебную гимнастику в одной из рижских клиник. В 1939 году вышла замуж за молодого и успешного фотографа Яшу Каца из Яунелгавы, небольшого поселка недалеко от Елгавы. В 1940 году они обрадовали своих родителей рождением малютки Аси.

Дядя Яша Кац, имевший в досоветской Латвии частную практику, в 1940 году стал работать в фотолаборатории Управления кинематографии. Но так продолжалось всего один год.

Пришла война.

Дикманов догнал Холокост.

Бабушку и дедушку постигла печальная участь миллионов евреев. Как и многих тысяч рижских евреев, в 1941 году их убили фашисты где-то в пригородном лесу близ Риги.

Охота на евреев, на коммунистов и советских активистов в Риге началась сразу после начала войны. Уже 22–23 июня снайперы открывали прицельный огонь с крыш, чердаков, из подворотен, выбирая среди прохожих людей, которых они по каким-то признакам или по прямой наводке причисляли к своим врагам. Расстреливали служащих госучреждений, людей в форме, людей с еврейской внешностью.

Буквально из-под огня эвакуировалась в кузове грузовой машины- тетя Ида с полуторогодовалой Асей на руках и с минимумом вещей (одним чемоданом). Дяде Яше, работавшему простым фотографом в Управлении кинофикации, места в машине не нашлось, хотя она была наполовину нагружена какой-то мебелью. Дядя едва упробил свое начальство потесниться и посадить туда жену и дочь, а сам поехал на велосипеде вслед за ними, на восток. В Даувгавпилсе Яков Кац сразу же был призван в Красную Армию (в ла-

тышский корпус), а свою семью, уже уехавшую дальше на поезде, он там уже не застал.

Через пару дней отступающие части Красной Армии навели в Риге порядок и началась организованная эвакуация. Дедушка с бабушкой не смогли эвакуироваться, так как дед уже не вставал с постели. К тому же Дикманы не захотели уезжать из Риги в эвакуацию, будучи уверены, что немцы — культурная нация и ничего плохого евреям сделать не могут. Так они и остались в Риге, но совсем ненадолго: их тут же кто-то выдал, а соседи распределили между собой мебель и домашние вещи. Через четыре года они все вернули дяде Яше, демобилизованному из армии, чем заслужили от него благодарность за «проявленную заботу».

А кто выдал Дикманов? Так же, как десятки тысяч других рижских евреев? Этого никто и никогда не узнает...

Известно только, что 16 июля 1941 года Заламан Дикман выписан из домовоей книги Виенибасгатве 37 (куда — не указано). С июля 1941 года Минна Дикман была также прописана по адресу ул. Шарлотес 6 кв. 16 (предыдущее местожительства — Виенибасгатве 37), а 5 октября 1941 г. ее выписали оттуда.

Выписали уже одну³¹. Прямо в гетто...

В первые же дни оккупации немцы и местные шуцманы расстреляли тысячи евреев в ближайшем Бикерниекском лесу. Местом массовых казней был также и лес Румбули, в 16 км от Риги. Закончили расправу с евреями 30 ноября и 8 декабря, расстреляв прямо в гетто около 30 тысяч евреев. Это были преимущественно дети, женщины и старики. Несколько тысяч молодых рабов, оставленных в гетто, ненадолго пережили своих родных...

---

³¹ В справке от 8 ноября 1993 года № 17/4377, выданной Отделением записи актов гражданского состояния правления города Риги, сказано: Дикман Заламан Гиршович умер 29 июня 1941 года, о чем произведена 2 июля 1941 года запись № В-1988.

Всего фашисты убили в Риге около 70 тысяч евреев, а во всей Латвии — около 100 тысяч. Сегодня об этом напоминают Мемориал евреям, уничтоженным в Риге и памятники в пригородном лесу и в Саласпилсе...

Младшая дочь Дикманов, Леля, в июле 41-го попрощалась с родителями. Семейное предание гласит, что она, вместе со своим другом Ильей, поэтом, писавшим на идише, ушла в лес. Ей было 22 года. С тех пор о ней так ничего и не было слышно... Вероятнее всего, она тоже погибла в гетто...

РОДИТЕЛИ

Боря Бакшт родился в молодой семье Шлемо и Любы 5 (19) февраля 1902 года. Его назвали так в память о деде Борисе Самсонове, умершем незадолго до того, в 1901 году. Судя по рассказам бабушки Любы, ее первенец рос любознательным и здоровым мальчиком, любителем книг, в меру послушным.

Несмотря на то, что дед Шлемо был набожным, уважаемым в Тартуской общине евреем, Борис не очень проникся идеями ортодоксального иудаизма. Хотя к соблюдению традиций Торы он относился с почтением, исправно посещал синагогу, куда водил и меня, малыша. На его взгляды повлияли и воззрения семьи, и веяния, исходившие из вольнодумной студенческой среды, объединенной в различные спортивные, благотворительные и политические корпорации. Эти организации были как национальные (эстонская, русская, немецкая, еврейская и др.), так и общие. Конечно, в свои 5–7 лет я мало что понимал в этих делах, но запомнил, что у отца бережно хранилась атрибутика студенческих лет. И не валялась в кладовке, а помещалась в почетном месте: на стене в гостиной висела его студенческая шпага. Она напоминала о принадлежности отца к еврейскому студенчеству, с которым он не прерывал связь и по окончании университета, во время службы в кавалерии эстонской армии, и позже. В частности, он посещал собрания общества «Ферейн» («Академический союз по изучению литературы и истории»).

Примеру старшего брата последовали и Миша, ставший после университета ветеринаром, и Додя, тоже активно уча-

ствовавший в общественной жизни тартуских евреев. Кстати, как и наш отец, Миша тоже женился на студентке Тасе Амитаас (родилась в Тарту 16 августа 1906 года, стала студенткой в 1925 году).

Отец, по примеру деда, очень интересовался нумизматикой, особенно старинными монетами Ближнего Востока. Их у него было довольно много — старых, потертых, позеленевших и почерневших, разной формы — круглых и многоугольных, сплошных и с дыркой посередине, с разными рисунками и письменами на арабском, греческом, иврите, русском и другими. Хранились они в старинной серебряной шкатулке. Разглядывать их было моим любимым занятием.

Рядом со шкатулкой лежали многочисленные альбомы с почтовыми марками разных стран и времен, которые отец привозил из многочисленных поездок и выписывал по почте. Присылали марки и заграничные родственники, в частности, из Польши. В Варшаве жил двоюродный брат отца Мотл (Марьян) Бакшт, с которым эстонские Бакшты не прерывали связи. Мотл при поддержке Шлемо стал студентом, но в 1923 году за подпольную политическую деятельность попал в тюрьму, где вступил в коммунистическую партию Западной Белоруссии. В 1939 году он пешком перешел из Польши в Советский Союз, прожил здесь до 1945 года, а потом вернулся в Польшу, затем, в 1982 году, перебрался в Швецию, где и умер пять лет спустя. Его дочь Соня живет в Тель-Авиве, а сын Юзеф — в Швеции.

У Бориса Бакшта и его братьев в Тарту был обширный круг друзей. Прежде всего, это были соученики по русской гимназии, потом однокашники-студенты. Их объединяли общие интересы — и культурные, а также собрания, семинары и разговоры на политические темы, включая сионизм. Они обсуждали вопросы, касающиеся положения эстонских и, вообще, прибалтийских евреев. И не только обсуждали, но и предпринимали какие-то шаги и действия по оказанию

практической помощи зарождающемуся в Палестине новому еврейскому обществу.

В молодости отец не замыкался только в учебных и серьезно-общественных делах. Он был желанным, активным участником многолюдных и нередко шумных студенческих вечеринок и прогулок. Конечно, он оставался в строгих рамках еврейского общества, но, судя по рассказам наших старших родственников, иногда вызывал у родителей недовольство своим участием в застольях и загородных походах (но меньше, чем его брат Миша, тоже студент-корпорант). Родителей Борис чтит, и забот своим поведением им не создавал. Разве что огорчал тем, что не проявлял большого желания к участию в религиозных делах. Судя по рассказам мамы, Борис, как и другие дети ребе Шлемо, взглядов ортодоксальных евреев строго не придерживался.

На сохранившихся у нас и в архивах фотографиях тех лет часто присутствуют симпатичные молодые люди, чьи фамилии были на слуху в нашем доме и в детстве, и позже, в воспоминаниях нашей мамы.

С сыном одного из близких родительских друзей Бориса Кропмана, моим одноклассником Ариком, я даже подружился. Его семья — выходцы из Литвы, обосновавшиеся в Тарту в 1868 году. Мы с Ариком часто общались, даже обсуждали «религиозные» вопросы: его семья была вполне верующая, они все регулярно ходили в синагогу и соблюдали кошрут, и Арик долго и усердно пытался утвердить и меня в вере. Но его усилия успехом не увенчались. Потом Кропманы оказались в эвакуации, на Урале, затем в Серпухове под Москвой, но, в конце концов, переписка с ними прервалась. Сейчас Арик Кропман живет в Берлине.

В кругу отцовских друзей оказалась и студентка-медик, рижанка Хана (Аня) Дикман, которая из многих парней, обращавших на нее внимание, выбрала именно Бориса Бакшта и стала его женой.

Наша мама закончила в 1927 году русскую гимназию в Риге. Так как в Латвии евреев в Университет не принимали, то она решила продолжить свое образование в лучшем высшем учебном заведении Прибалтики — в Тартуском (бывшем Дерптском — Юрьевском) университете. Туда ее приняли на медицинский факультет, несмотря на то, что она почти не владела эстонским языком. Но она хорошо знала языки — немецкий (что было естественно для многих евреев в Риге), французский, латынь и греческий. Английский она выучила позже, уже будучи студенткой.

Из-за недостаточного знания эстонского языка маме решили отложить на год сдачу некоторых экзаменов из программы первого курса. И через год мама закрыла этот долг.

Мама активно участвовала в общественной жизни студенчества. Разделяя взгляды сионистов, распространенные среди еврейской части студенчества, она была активной «бейтаркой», то есть членом Международной боевой организации сионистской молодежи, получившей название «Союз имени Иосифа Трумпельдора» («Брит Иосиф Трумпельдор»), сокращенно, на иврите — «Бетар», чаще «Бейтар». Организацию, созданную в Риге в 1923 году для защиты еврейского населения в «подмандатной Палестине» и восстановления еврейского государства, возглавил Владимир Жаботинский. Политической целью «Бейтара» было объявлено «создание еврейского государства по обоим берегам реки Иордан». Впоследствии филиалы «Бейтара» появились в 26 странах мира. Кроме «Бейтара», в Тарту были и другие еврейские молодежные объединения. Все эти организации вели активную культурно-просветительную работу.

Именно в Университете, главным образом в Академическом союзе «Ферейн» мама познакомилась со студентом юридического факультета Борисом Бакштом, который во время учебы деятельно участвовал в спортивной и культурной деятельности союза. В Архиве эстонского еврейства, в

Таллинне, среди других документов, сохранились свидетельства того, что Борис Бакшт намеревался уехать в Палестину в 1923 году. В списке желающих практически участвовать в создании там новых еврейских поселений он значился специалистом-трактористом. Но по каким-то причинам отъезд не состоялся.

Свадьба Бориса Бакшта и Анны Дикман, с соблюдением традиционных еврейских обычаев, состоялась 21 августа 1932 года в Майори (то есть в Юрмале, на Рижском взморье). А потом у них появился я, и поэтому мама смогла закончить Университет с задержкой на год, то есть в 1934 году.

КАПЛАНЫ, КАЦЫ, КОКОВИХИНЫ, КУЗЬМИНЫ

Тетя Гита, Генриетта Шлемовна Каплан, родилась в Тарту в 1903 году. В 1926 году, 23 февраля, она вышла замуж за Моисея Каплана, работавшего в магазине отца Шлемо Бакшта. На их свадьбу пришли друзья семьи, о чем рассказывают семейные фотографии. Дядя Миша, родом из живших в Пскове «александровских солдат», носил имя своего покойного деда, погибшего на Балканах в 1877 году, на русско-турецкой войне. Миша был любимцем нашего деда, его постоянным доверенным лицом и помощником. Вместе с Борисом Бакштом он в торговом предприятии выполнял обязанности организатора или, как сейчас говорят, менеджера, занимаясь закупкой товаров и их реализацией.

Высланная вместе с нами в Нарым, тетя Гита жила с сыновьями Яшей (1927 г. р.) и Аликом (Александром) (1929 г. р.) в Еремино до июня 1943 года, затем в пос. Усть-Салат (тоже на реке Чижапке) до сентября 1943 года, потом в Каргаске до июня 1944 года. В начале июля 1944 года была «выселена» из райцентра назад в Усть-Салат. Через два года Гита с бабушкой перебрались в Усть-Чижапку, где Гита жила до 1953 года. Там она работала в семилетней школе, числилась уборщицей, а выполняла, кроме того, обязанности истопницы, машинистки и др. Жившая с ней наша бабушка Люба умерла там в 1949 г.

В 1953 году тетя Гита добилась разрешения на переезд к своему мужу Моисею Каплану. Дядя Миша к тому времени освободился из лагеря и жил на поселении на севере Сверд-

ловской области, в городе Верхотурье и в Краснотурьинске, куда был вторично сослан. Там они прожили до 1957 года и после освобождения вернулись в Эстонию, в Таллинн.

С 1966 года тетя Гита жила в Израиле, сначала в Натани, потом в Тель-Авиве. Заботилась о внуках и правнуках, с удовольствием принимала нас во время наших редких посещений страны. Она тихо скончалась 2 декабря 2009 года, в возрасте 106 лет...

Яша в 1942 году закончил Усть-Чижапскую семилетнюю школу и стал работать в тайге, на лесоповале и на других работах в Каргасокском леспромхозе. Оттуда в 1945 году он был призван в трудовую армию, а потом вернулся в Эстонию. Затем служил в армии, в морской пехоте на Балтийском флоте, в Кронштадте. Прямо в день демобилизации, в 1951 году, при выходе из штаба он был арестован и по решению особого совещания был приговорен к бессрочной ссылке опять в Еремино. По этапу он был отправлен назад «к месту спецпоселения», в Нарым, в Нюрольку, где работал в лесу и в «Обьлесосплаве». Там он плавал на катерах по Оби и Васюгану. В конце 1954 года, после годового пребывания в Томске (строил студенческие общежития, работал в карьере и на подземных сооружениях), был направлен на Северный Урал, а через четыре года вернулся в Эстонию. В Нарве и других местах он отработал 18 лет в «Энергоремонте» на Нарвской сланцевой ГРЭС. С 1962 года с женой Соней (1936–2009) и сыновьями Эли и Мишей живет в Тель-Авиве. Работает добровольцем в Музее Диаспоры, пишет книги по истории эстонских евреев.

Алик Каплан учился в Каргаске до 1948 года, после чего уехал в Ленинград. Там его приняла семья дяди Григория Бакшта, двоюродного брата нашего отца. Григорий, сын упоминавшегося выше Аркадия Бакшта, не прерывал с нами почтовую связь. Он жил в Питере вместе со своей женой Анжеликой и сыном Тедди. Тедди (будущий профессор Фе-

дор Григорьевич Бакшт) со временем стал успешным физиком, доктором наук, и работает в Петербурге и поныне.

Профессор Г.А. Бакшт заведовал кафедрой акушерства Ленинградского мединститута 1933 по 1940 год. Он изучал роль витаминов при беременности и лечении женщин с гинекологической патологией, его методы диагностики и терапии используются и в настоящее время. Надо сказать, что Григорий после войны хорошо поддержал нашу заболевшую маму и материально, и морально, в письмах. Как и его сестра Соня, жившая в том же доме на улице Чайковского 22, что и другие питерские Бакшты. Любопытно, что Соня была вдовой известного петербургского художника Петра (Песаха) Геллера, автора более 200 больших картин, в том числе и на еврейские темы.

Алик прожил у Бакштов до 1955 года, с отличием окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта, после чего работал в Москве, в Южном речном порту. Там он стал кандидатом наук, большим специалистом по контейнерным перевозкам. С 1988 года живет Хайфе, с женой Викой, сыном Яшей и дочерью Любой. Там он до 2006 года также успешно работал в морском порту. Бывая у них в доме, мы и наши дети вспоминаем Томск, Нарым, Кargasок и Васюган.

Мы, Бакшты, о которых речь шла выше, передвигаясь по сибирским рекам Оби, Томи, Васюгану и Чижапке, не могли даже предположить, что через десяток лет судьба сведет нас с васюганской семьей Кузьминых. Это произошло после того, как я, студент-геолог Томского политехнического института, познакомился с будущим педагогом, Тамарой Кузьминой.

Но знакомство дело не ограничилось. Еще через пару лет Тамара стала моей женой. На всю жизнь. За это мы благодарим судьбу и наших родителей — и Бакштов, и Кузьминых.

Иван Николаевич Кузьмин (1906—1982) работал в разных организациях Васюганского района (в партийных и административных). Сюда, на Север, он приехал по направлению властей Западно-Сибирского округа в августе 1941 года. До этого он учительствовал в городе Тайга, где большая семья потомственных мастеровых Кузьминых трудилась на железной дороге. Старожилы районного центра Новый Васюган до сих пор вспоминают об Иване Кузьмине как о честном, порядочном человеке, умелом воспитателе и организаторе, любящем и заботливым отце.

Женился Иван Николаевич на томичке Лидии Федоровне Коковихиной, происходившей из старинного рода вятских умельцев. Тогда она была студенткой Томского педагогического техникума. Ее родители некогда приехали в Томск из Вятской губернии, в которой Коковихины пользуются заслуженной известностью с XIX века и до наших дней. Среди них мы находим крестьян и ремесленников, строителей и архитекторов, учителей и музыкантов. Отец Лидии Федоровны был мастером гармонных дел. Его благозвучные и красивые инструменты расходились по Сибири и всей России. Лида родилась в Томске в 1910 году и прожила 88 лет, у нее было два брата и две сестры.

У них в семье после Тома родилось еще четверо: брат Игорь и сестры Галя, Рита и Света. Все они переняли от родителей предупредительное, открытое и внимательное отношение к окружающим, любовь к музыке, к искусству, умение жить и работать в сложных условиях Сибирского Севера.

Лидию Кузьмину с добром и благодарностью до сих пор помнят в Новом Васюгане — как преданного своему делу педагога и неутомимого творческого организатора культурной жизни в этом далеком сибирском селе.

И вот оказалось, что Бакшты и Кузьмины (Коковихины) удачно совмещаются, дополняя и обогащая друг друга. В чем же они были похожи, наши семьи? Это просто, но, в тоже

время, и сложно: обе семьи по сути своей были творческими. Не поклоняясь золотому тельцу, они ценили искусство, музыку, театр, литературу. И любили познавать мир, путешествовать. Мы все, их дети, ощущали это всегда.

Что из этого получилось, можно теперь судить уже по нашим детям, внукам и правнукам.

Но это — тема уже другого большого рассказа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не золото растить, сажая медь,
Не выдумки выщелкивать с пера,
А в гибельном пространстве уцелеть –
Извечная еврейская игра.

Игорь Губерман

Я родился 1 мая 1933 года в Эстонии, в старинном университетском городе, который в разные времена назывался Тарту, Дерпт и Юрьев. Там уже 30 лет жили мои дедушка и бабушка, выходцы из Южной Литвы (ныне Западной Белоруссии). Ко времени моего рождения они обзавелись довольно большой семьей. Тарту оказался для меня второй родиной, если считать первой, то есть исторической родиной всех евреев Землю Обетованную, Израиль. Потом, в Сибири, я обрел и третью родину – Томск. В Тарту, в синагоге, я был записан как Цви-Теодор – צבי טודור.

На своей физической родине, то есть в Тарту, я стал грамотным. Там я научился читать (хорошо) и писать (кое-как). И это событие стало первым шагом на пути к созданию открытой Вами книжки. А последним толчком, побудившим меня сесть за стол и начать излагать свои детские воспоминания, оказались настоятельные просьбы, даже требования, детей и внуков.

Безусловно, внуки правы. Они заявили:

– Дед, ты должен, ты просто обязан написать все о том, что знаешь о своих предках, что помнишь о своем детстве, вспомнить о том, как ты оказался в Сибири, и что из этого вышло. Иначе, что же мы-то будем рассказывать своим детям и внукам?

Потомков горячо поддержали сестра Рина и жена Тамара. И не только поддержали, но и помогли советами и заинтересованной критикой. Помогли другие члены нашей семьи – Гита, Ципора, Яша, Алик, Илана, Нурит, Тамара (племянница) (все из Израиля), Юзеф (из Швеции), Светлана и Карина Кац (из Латвии). Всем им я очень благодарен за большую помощь и деятельное участие.

Помимо моих воспоминаний, определенный интерес представляет и история маленького местечка Бакшты, своим названием давшего фамилию довольно большой группе выходцев из Белоруссии, ныне разбросанных буквально по всему миру.

Поэтому книга состоит из двух частей. Первая сугубо личная, субъективная. Вторая историческая, по возможности объективная, насколько это вообще возможно в истории.

Первая часть книги написана на основе моих детских воспоминаний, подкрепленных информацией из различных источников, в том числе дневниковых записей и архивных документов. Коротко повествуется о довоенной жизни в Тарту, где меня научили читать, писать и даже немного размышлять. Как и для любого человека, детские годы были периодом формирования моей сущности. Сущность не меняется с годами. Личность же (Эго) может измениться очень быстро.

За рассказом о Тарту, где рано закончилось мое нормальное детство, следует краткое описание о нашей высылке в Западную Сибирь, рассказы о полной невзгод жизни на севере Томской области, о многих горестях и немногих радостях, которыми нас наделяла судьба в далеком таежном поселке Еремино, в райцентрах Каргасок и Колпашево. Нам, спецпереселенцам, было очень тяжело. И было тяжело всей стране. Все эти события в той или иной степени касаются и нас, и окружавшего нас мира.

Заканчивается этот раздел 1945-м годом – годом Великой Победы над фашизмом и годом начала нашей новой жизни,

связанной с Томском. Придет время и появятся строки, рассказывающие об этом замечательном городе. Пока же об этом времени напоминают лишь несколько фотографий, помещенные в конце книги.

Вторая часть представляет собой краткий экскурс в историю Бакштов – и литовского (польского, российского и белорусского) местечка, и еврейского рода Бакштов, ведущего начало с конца XVIII или с середины XVII веков. Эта история любопытна и познавательна, трагична и вместе с тем, в чем-то оптимистична. Бакштов преследовали всегда, Бакшты боролись всегда, и Бакшты выжили и живут поныне, будучи достойными своей фамилии.

Пройденный нашим поколением путь, приобретенный им опыт позволили накопить знания, которые очень поучительны. Сохранить и передать эти знания потомкам – наш долг. Ибо сказано *«...весьма оберегай душу свою, чтобы не забыл ты того, что видели глаза твои, и чтобы не ушло это из сердца твоего все дни жизни твоей, И поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих»* (Дварим (Второзаконие): 4:9)³². В меру сил своих я попытался последовать этой мудрой тысячелетней заповеди.

Об том же недавно очень хорошо написала нам Таня Бакшт.

«Дорогие бабушка и дедушка!

Вы как две птички встретились в полете, приземлились и свили свое уютное гнездышко, вывели птенцов; пришло время и птенцы разлетелись, свили свои гнезда. Но земное притяжение не властно ни над вами, ни над вашими птенцами. Теперь вы всё перелетаете от гнезда к гнезду через моря, горы и равнины, чтобы новые желторотые, глядя на вас, тренировали свои еще не окрепшие крылья для дальних перелетов на-

---

³² Тора с русским переводом / под общ. ред. проф. Г. Брановера. – М.: Шамир, 2005. – 450 с.

встречу друг другу, когда в пути можно будет наслаждаться бесконечностью пустыни, прохладой гор и шумом моря».

Вот для птенцов нашего гнезда и предназначена эта книжка.

Надеюсь, что мои бесхитростные детские воспоминания будут интересны и нужны потомкам – детям, внукам, правнукам. И, может быть, не только родным, не только множеству Бакштов, но и всем, кто интересуется историей XX века, памятной трагическими событиями Второй мировой войны и Холокоста.

Текст иллюстрируют 128 фотографий и рисунков, сохранившихся в нашей семье и в различных музеях и архивах (сайты ivje.ru., ivje.grodno-region.by Бакшты, в Архив Эстонских Евреев (*Estonian Jewry Archive*, <http://eja.pri.ee/cpg144/displayimage>), Eesti Juutluse Arhiiv и др. Всем им я очень благодарен за неоценимую помощь.

AFTERWORD

Not gold to grow, while planting copper,
No ideas to invent out of feather pen,
But in disastrous space to survive –
This is the meaning of Perpetual Jewish play.

Igor Guberman

I was born on May, 1st, 1933 in Estonia, in the ancient university city which at various times was called Tartu (Estonian), Derpt (German), Yuryev (Russian). My grandfather and grandmother who were natives of South Lithuania (nowadays Western Byelorussia) had been living for 30 years in Tartu. By the time of my birth our family became pretty large (as shown in the photo at the beginning of the book). Tartu was my second home, if you count Israel - the Holy land – as the first home of all the Jews. Then, in Siberia, I found a third homeland – Tomsk. In the Tartu synagogue I was recorded as Zvi Teodor – צבי טודור.

In Tartu, which is my actual homeland, I became literate. There I learnt to read (well) and to write (somehow). And that was the first step towards the book which you have just opened. But the final spur which made me sit down and begin writing down my childhood recollections were the insistent requests even the demands on the part of my children and grandchildren. Of course they were right when they announced:

– Grandpa, you must, you are obliged to write all that you know about our ancestors, about your childhood. You must recollect how you found yourself in Siberia and what was the good of it. Otherwise, what are we to tell our children and grandchildren?

My descendants were strongly supported by my sister Rina, and my wife Tamara. And they not only supported but helped with their advice and concerned criticism. Other members of our family helped me : Gita, Tzipora, Yasha, Alik, Ilana, Nurit, Tamara (my niece) they are all from Israel, I also got help – from Josef (from Sweden), Svetlana and Karina (from Latvia). I am very grateful to all of them for help and active participation.

Apart from my memories I included in this book a short history of a small village called Bakshti, which gave its name to a large group of Byelorussians who are nowadays scattered throughout the world.

This book consists of two parts. The first one is purely personal, subjective. The second is historical, objective as far as it can generally be possible in history.

The first part of the book is based on my childhood recollections which are reinforced by the information from various sources including diaries and archival documents. It briefly tells about the prewar life in Tartu before the war, where I was taught to read, to write and even to reflect a bit. Just as with any human being my childhood was the period of forming my essence which does not change with years; however the personality (the Ego) can change very rapidly.

The story of life in Tartu, where my normal childhood was over very early, was followed by a brief description of our deportation to the Western Siberia, the stories about the life full of misery in the north of the Tomsk region, about many sorrows and rare joys which were endowed by our fate in the far village called Eremino, which is located in the Siberian taiga, in the district centers such as Kargasok and Kolpashevo. Life was very hard for us – «the special settlers», and it was hard for the whole country as well. All these events concerned us as well as the world around us.

This part of the book ends by 1945-the year of the Great Victory over the fascism and the year of the beginning of our new life connected with Tomsk. The time will come and the lines about this beautiful city will come into being. But at present only a few photographs placed at the end of the book will remind you about the Tomsk city.

The second part of the book presents a brief excursus into the history of the Bakshts as a family name and Baksht which is a Lithuanian (Polish, Russian and Byelorussian) village, and about the Bakshts – a Jewish clan leading back to the late XVIII-th or to the middle of the XVII-th centuries. This story is curious and enlightening, tragic and at the same time somehow optimistic. The Bakshts were always under persecution. The Bakshts had been always fighting. And the Bakshts had survived. They have been living up to now, being worthy of their name.

The way which had been passed by our generation, the experience we've gained, allowed us to accumulate very instructive knowledge. Our duty is to preserve this knowledge and to pass it to our descendants. Because it had been said: *“Only take care, and keep your soul diligently, lest you forget the things that your eyes have seen, and lest they depart from your heart all the days of your life. Make them known to your children and your children’s children”*³³). I had been trying to do my best to follow this millennial-old commandment. Recently Tanya Baksht (Ilia's mother) has written very well about this:

“Dear Grandma and Grandpa,

You are like the two birds who met during a flight, landed and built your cozy nest, hatched the nestlings; the time had passed and the chicks flew out of the nest to build their own nests. But the earth’s gravity has no power over us and your chicks. Now all of

---

³³ Book of Deuteronomy. 4:9.

you fly from nest to nest, over the seas, mountains and plains, so that the young chicks' generations whose wings are not strong yet, can train their wings for long-distance flights towards each other. And en route ars they will be able to enjoy the endless desert, the coolness of mountains and the sounds of the sea”

It is for the chicks from our nest that this book is intended.

I hope that my unsophisticated childhood recollections will be interesting and beneficial for my descendants – the children, the grandchildren, the great-grandchildren. And perhaps not only for them, not only for the relatives and the Bakshts, but also for anyone interested in the history of the XX-th century, the memorable tragic events of World War II and the Holocaust.

The text is illustrated by 126 photographs and drawings from different sources: from our family albums, various museums and archives (internet sites: ivje.ru, ivje.grodno-region by Bakshts), Estonian Jewry Archive (<http://eja.pri.ee/cpg144/> displayimage), Eisti Juutluse Archive, etc. I'm very much grateful to all of them for the invaluable help.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Бакшт Федор Борисович

МОЯ СЕМЬЯ

Ваши отзывы и пожелания
просим направлять по адресу
baksht@yandex.ru

Редакторы: *Т. Бакшт, М. Кокунова* (англ.)

Корректор: *Т. Кузьмина*

Дизайн *Д. Фортеса*

Подписано к печати 07.12.2010. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. п. л. 15,11. Уч.-изд. л. 16,93. Тираж 200 экз. Заказ № 3.

ООО РИА «Тоян», г. Томск